

Валерий Панюшкин

РУБ
ЛЭВ
КА

Player's handbook

Эту книгу хорошо дополняют:

[Слон на танцполе](#)

Евгений Карасюк

[Сколково: принуждение к чуду.](#)

Олег Рашидов

[И ботаники делают бизнес](#)

Максим Котин

Валерий Панюшкин

РУБ
ЛЁВ
КА

Player's handbook

Издательство «Манн, Иванов и Фербер»

Москва, 2014

Информация от издательства

Панюшкин, В.

Рублевка. Player's handbook / Валерий Панюшкин. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013.

ISBN 978-5-91657-853-9

Эта книга о самых известных людях России — политиках, бизнесменах, людях искусства, персонажах светской хроники. Их объединяет место жительства — Рублевка. Прописка в Рублевке дарует привилегии, но и накладывает обязанности. Чтобы выиграть соревнование жизни, нужно следовать сложным правилам. Каким — расскажет эта книга. Автор узнал о них из первых рук, в достоверности можно не сомневаться.

Это изумительный ироничный рассказ, который читается на одном дыхании.

Все права защищены.

Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Вегас-Лекс».

© Панюшкин В.В., 2013

© Оформление. ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2013

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

«...человек счастлив не тогда, когда живет на четырехмиллиардной горе денег, а когда идет в гору...»

ГЛАВНОЕ — НЕ ОШИБИТЬСЯ С ВЫБОРОМ ГОРЫ! Чтобы не только восхождение, но и пребывание на ней оправдали часы, проведенные в офисе, украденные у семьи минуты, отказ от части своих ценностей, постоянное напряжение и страх, что обойдут, а потом и придут...

Если ваша гора — это Олимп российского общества, Рублевка, — непременно почитайте, что вы получите как награду за все ваши старания. Будете ли вы счастливы? Есть ли счастье на Рублевке? Готовы ли вы верить и поклоняться только одному богу, известному в этих местах, — Деньгам?

Мне было очень интересно читать эту талантливую книгу, изобилующую небольшими историями, зарисовками, деталями, доселе не известными, о людях, которых принято считать элитой нашего общества. Я с удивлением (хотя чему тут удивляться?) открыл для себя, что Рублевка — квинтэссенция противоречивой российской культуры, в которой перемешаны воровские законы и правила высшего общества, религиозность с вольной трактовкой божественной сути, замкнутость и закрытость (для чего заборы-то в три метра?) с непроходящим желанием показать себя и самоутвердиться в чужом мнении.

Деньги, вопреки расхожему мнению, не делают человека свободным, скорее напротив, диктуют, как жить, а большие Деньги однозначно требуют поклонения и рабства. Большая часть жителей Рублевки не свободны и идут на это заточение добровольно. Добровольно мучаются в пробках, выбирают одежду, жену (мужа), дом, место отдыха по принятому стандарту.

Так найдите свою гору — и восходите на нее.

Михаил Иванов,
главный редактор издательства

«МАНН, ИВАНОВ И ФЕРБЕР»
IVANOV@MANN-IVANOV-FERBER.RU

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

ПОДЛЕ ЛЮБОГО МЕГАПОЛИСА на земле есть пригород для богатых. В Лос-Анджелесе — Беверли-Хиллз, в Лондоне — Аскот, в Париже — Нёйи-сюр-Сен, в Берлине — Груневальд. Большие и красивые дома, ухоженные сады, дорогие автомобили, никаких мигрантов, изысканная публика. Про эту изысканную публику — дежурный набор легенд, которые рассказывает экскурсовод провинциальным школьникам, расплоснувшим носы об автобусные стекла и глазеющим на особняки богачей и знаменитостей. И огромная имущественная пропасть разделяет домовладельцев и экскурсантов в автобусе.

Под Москвой такой заповедник миллионеров называется Рублево-Успенское шоссе, или Рублевка.

Однако туда не водят экскурсий. Особняки, как правило, нельзя разглядеть за высоченными заборами. И пропасть между домовладельцами на Рублевке и простыми людьми не только имущественная, но и культурная. Когда ездил сюда на соколиную охоту царь Иван Грозный, когда паломничали пешком по «царской» дороге в Саввино-Сторожевский монастырь цари Михаил Федорович и Алексей Михайлович, между богатыми и бедными имелись различия только экономические и сословные. Но во времена Петра I общество расколосось глубже. Живут по-разному, едят разное, пьют разное, по-разному развлекаются и даже говорят не на одном языке. И когда после Петра Великого селились по этой дороге шестнадцать княжеских родов, включая Юсуповых, Шуваловых и Голицыных, богатство от бедности в России отличалось уже не только арифметически. Уже не в количестве денег было дело, и не в числе душ по ревизской сказке — в самом образе жизни. Так с тех пор и осталось. Богатые и бедные в России — два разных народа. У них разные культуры и даже религии разные.

Французский аристократ ест на ужин примерно то же, что французский крестьянин — в первом приближении вино и сыр.

Конечно, дорогое вино и дорогой сыр. Вероятнее всего, простолюдин во Франции не задумываясь скажет, как называется любое блюдо на столе у миллионера. Российский же простолюдин, доведись ему попасть в рублевский ресторан, не поймет в меню половины названий. Что такое тюрбо? Что такое севиче? Трюфель — это разве гриб, а не конфета? Чем отличается белон от фин де клера и как это вообще едят?

В XIX веке, когда здесь жила аристократия, вплоть до членов царской фамилии, в домах говорили по- французски или по-английски, а прислуга пользовалась русским языком, которого господа часто и не понимали. В начале XX века в рублевских домах жили грамотные, а вокруг них — безграмотные. Во второй половине XX века — сытые, а вокруг них — голодные, выездные в окружении невыездных. И каждый период рублевского благополучия неизменно кончался катастрофой для тех счастливых домовладельцев, которым вчера еще завидовали поголовно.

Кажется, и теперь очередной взлет Рублевки близится к концу. Богатые и знаменитые уже довольно явно бегут из благословенных краев. А мы до сих пор даже не знаем, что это за люди. Что едят, что пьют, во что верят, к чему стремятся, чего боятся, на что надеются...

И в конце концов! Откуда у них столько денег?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: УТРО

ВВЕДЕНИЕ В ИГРУ

1. МАШИНЫ НА КОЛЬЦЕВОЙ автомобильной дороге подобны каплям воды в калесидре: каждые тридцать секунд по одной просачиваются в узкое горло Рублево-Успенского шоссе и там уже текут медленно. Как будто отмеряют собою ход особенного времени, более существенного и плотного, чем у обычных людей.

Бог знает чем руководствуется регулировщик, когда заставляет нас стоять или позволяет двигаться. Длинная вереница машин безропотно ожидает в пробке. В каждой машине водитель звонит кому-нибудь, чтобы предупредить об опоздании. Звоню и я: «Сан Саныч, простите, я к вам опоздаю, наверное! Тут какой-то идиот гаишник регулирует движение так, что никто никуда не едет!»

Голос в трубке смеется: «Напрасно вы, Валерий, думаете, будто гаишник регулирует движение для того, чтобы вы куда-то ехали. У него другие задачи. Он готовит трассу для проезда правительственного кортежа. В этом смысле его действия совершенно рациональны и профессиональны, — слышу, улыбається. — Не волнуйтесь. Подожду».

А я и так уже не волнуюсь. Выехав на Рублевку, всякая машина движется размеренно, со скоростью шестьдесят километров в час. И дело даже не в том, что обогнать никого нельзя. Не в том, что дорога в две полосы, разделенные на всем протяжении двойной сплошной линией. И не в том, что скорость превысить нельзя, так как на каждой версте стоит регулировщик. Тут магия какая-то. Дерк Сауэр, один из первых иностранцев, поселившихся на Рублевке, говорит: «Вот странно, вроде и в пробке стоишь, вроде и ждешь по сорок минут, пока проедут кортежи, но достаточно бывает пересечь по Рублевке границу Москвы, и я как будто дома, уютно как-то становится»...

Особое умиротворение чувствует на этом шоссе всякий. Мы движемся медленно, а навстречу так же медленно катят машины

представительского класса — «Мерседес», «Мерседес», «Майбах», «Мерседес», «Бентли» (хоп! «Фольксваген» — это наверняка прислуга), «Мерседес», «Мерседес», «Майбах», «Мерседес»... Мы движемся медленно, а вокруг вековой лес, и на опушке леса — рекламные плакаты, предлагающие купить колечко по цене небольшого поместья, поместье — по цене небольшой страны, лодку — по цене небольшого авианосца или... Или нанять горничную-филиппинку, которая всегда улыбается, чисто метет и неизвестно куда исчезает на ночь (вероятно, ставит саму себя, неприметную, вместе со швабрами в шкаф).

Здесь всегда было так: свое время, особенное пространство. Имена царской семьи в девятнадцатом веке, дачи и санатории ЦК КПСС — в двадцатом, дворцы олигархов — в двадцать первом. Всегда так было здесь, на этом никакими морями не окруженном острове благополучия под названием Рублевка.

Если предложить риелтору обвести на карте границы Рублевки, то риелтор нарисует фигуру, более или менее напоминающую огурец. Границы престижной Рублевки протянутся не от Кольцевой автомобильной дороги, а примерно от Ромашкова до Николиной Горы — всего-то двадцать километров, если напрямик, как летает птица. А в ширину — километров по пять-семь вправо и влево от Рублево-Успенского шоссе. На север до Ильинского — Рублевка, престижно. За Ильинским уже не престижно, там уже Новая Рига. На юг до Лайкова — престижно, а за Лайковым уже не очень, там Минское шоссе. И сколько ни спрашивай риелтора, почему именно так пролегли границы престижности, тот будет только плечами пожимать, дескать, исторически сложилось. Вроде и сосновые леса на Новой Риге те же, и Москва-река течет та же за Николиной Горой. Но священной земли там нет. Священная земля здесь, вокруг Рублево-Успенского шоссе, огурцом: примерно двадцать километров в длину и десять в ширину.

Объяснение границам найдется, если, например, ввести в гугл-карты запрос «Рублево-Успенское шоссе кладбища». И увидеть: кладбища на карте располагаются строго по границам престижной Рублевки, которые интуитивно обозначил риелтор.

Ближе Ромашкова к Москве жить нельзя — в Ромашкове кладбище. Южнее Лайкова жить нельзя — в Лайкове кладбище. Севернее

Ильинского нельзя — кладбище в Ильинском. И дальше Николиной Горы нельзя, потому что за Николиной Горой в Аксиньино — тоже кладбище.

А здесь, на Рублевке, кладбищ нет. Считай — нет смерти. Во всяком случае, наглядных ее проявлений. Вот мы и едем медленно по этой священной и не знающей смерти земле, как ехала 19 января 2011 года на скромном «Опеле-Астра» двадцатитрехлетняя Елена Ярош. Надо полагать, с тем же чувством умиротворения. Пока не вылетел ей навстречу черный БМВ представителя президента в Госдуме Гарри Минха... Лобовое столкновение. Водитель Минха погиб на месте, Елену Ярош доставили в больницу с сотрясением мозга и множественными переломами, а самому Минху — ничего. Стало быть, бессмертные, конечно, живут на Рублевке. Но не все тут бессмертные, а лишь некоторые. Немногие тут, как в компьютерной игре, завладели волшебными доспехами, дополнительными жизнями, сверхъестественными способностями, такими как, например, способность Гарри Минха не получить ни царапины при лобовом столкновении машин. Или повлиять на суд, чтобы тот не признал Елену Ярош даже пострадавшей в аварии.

Впрочем, могущественный Гарри Минх, которому позволено ездить на Рублевке по встречной полосе и которому ничего не бывает в результате автомобильных аварий, остановился бы, если бы ему, как мне сейчас, дорожный полицейский махнул жезлом. Мерседесы, майбахи, бентли — все жмутся к обочине, все замирают, как жучки-притворяшки, будто бы их и нет. Стоим на обочине тихо, окон не открываем, из машин не выходим, на клаксон не нажимаем, потому что через сорок минут промчится мимо кортеж Первого Лица, ради которого останавливается шоссе и отползают на краешек все автомобили. И какой бы ты ни был Гарри Минх, сколько бы у тебя ни было запасных жизней, кортеж Первого Лица лишит тебя всех их разом, как в компьютерной игре «Варкрафт» эльф восьмидесятого уровня одним лишь заклинанием уничтожает любого воина, добравшегося только до двадцатого уровня или до тридцатого. Вот и стоим, тихо стоим в своих автомобилях представительского класса. Дураков нет проверять, что получится, если выехать, к примеру,

поперек дороги или загудеть в клаксон. Стоим. И еще минут сорок простоим.

Иностранцы, впервые попадающие на Рублевку, недоумевают: отчего это ради проезда президента или премьера надо перекрывать и останавливать целое шоссе на сорок минут? Почему не на пять? Но мы, погруженные в ролевую Игру «Рублевка», как подростки бывают заражены играми «Варквraft», «Моровинд», «Обливион» или «Скайрим», — мы понимаем.

«Зачем сорок-то?» — недоумевает Дерк Сауэр.

И это значит, что за двадцать лет жизни в здешних местах уважаемый издатель газеты «На Рублевке» не понял элементарных особенностей ее быта. Путин ведь едет от Усова. От Усова до Москвы семнадцать километров. Туда и обратно офицер путинской охраны, отвечающий за пустоту шоссе, проезжает примерно за сорок минут. Офицер лично проверяет, остановлено ли движение, поголовно ли согнаны на обочину наши автомобили, не выходим ли мы из машин, не гудим ли в клаксоны. И если Дерк Сауэр вдобавок спросит, почему бы расставленным на каждом километре регулировщикам по рации не отчитаться начальнику стражи, что шоссе стоит, то опять выйдет, что уважаемый издатель ничего не понимает. Ведь если собирать доклады по рации, то ответственность — а значит, и власть — офицер охраны делит с регулировщиками. А если офицер осматривает шоссе лично, то ответственность вся на нем и власть вся — ему. Он незаменим и, следовательно, неуязвим, пока Первое Лицо доверяет ему обеспечивать пустоту дороги, пока велит ездить от Усова до Москвы и обратно. Делегировать свою незаменимость, неуязвимость, ответственность и власть подчиненным — это даже не против правил, а против самого духа Игры, в которую вольно или невольно, сознательно или бессознательно играют на Рублевке все, кроме грудных детей.

2. А КАК ПОПАДАЮТ В ИГРУ? Как меняют социальный статус? Как превращаются из людей типа Елена Ярош в людей типа Гарри Минх? Вера Кричевская говорит: «Я не меняла социального статуса. Ничего

не изменилось от того, что я живу на Рублевке. Я как работала, так и работаю. С кем дружила, с теми и дружу».

Но дело не в социальном статусе. Дело в том, в Игре ты или вне Игры. И вот как Вера Кричевская попала в Игру.

Ей было двадцать пять. Она уже семь лет как работала журналистом. Она обратила на себя внимание, еще будучи школьницей, когда выходила в Ленинграде митинговать с требованием, чтобы газета «Смена», с которой Вера сотрудничала, перестала подчиняться Ленинградскому горкому комсомола.

Она прославилась в августе 1991-го, когда пересказывала по Ленинградскому радио репортажи, надиктованные ей приятелем из мятежного ельцинского Белого дома. В двадцать пять лет она работала режиссером и продюсером на телеканале НТВ и делала блестящую телевизионную карьеру: хорошо зарабатывала, придумывала проекты, про которые принято говорить «ух ты, круто!», пользовалась уважением коллег и начальников. Но не была в Игре. Все еще числилась среди тех, кто берет интервью, а не тех, у кого берут.

И вдруг что-то случилось. Ей позвонил тогдашний владелец НТВ Владимир Гусинский и позвал на совещание к себе в офис. Ее? Непосредственные Верины начальники понятия не имели, что бы это значило. Через их головы? Двадцатипятилетнюю девочку-режиссера? В кабинет к Гусинскому?

Да Вера вдобавок и опаздывала. Выжимала как могла педаль газа в плохоньком своем жигуленке, но машина, казалось, вообще не двигалась. Машина, которой еще накануне Вера гордилась, потому что купила ее на свои деньги, вдруг, когда понадобилось ехать в офис к владельцу телекомпании, оказалась никуда не годной. Вера опаздывала на полчаса и, входя в приемную, думала, что теперь ее точно убьют, съедят или как минимум уволят. Но, к счастью, Гусинский опаздывал еще сильнее.

В приемной Гусинского ждали люди, к которым Вера относилась ну если не как к небожителям, то около того. Подойти к каждому из них с частным вопросом стоило Вере усилий.

— Олег Борисович, — это к тогдашнему вице- президенту компании НТВ Добродееву. — Вы случайно не знаете, почему меня позвали на совещание?

— Понятия не имею, — Добродеев пожал плечами. — Но вы не беспокойтесь, Вера. Мы, если что, вас поддержим.

— Евгений Алексеевич, — это к другому вице- президенту и ведущему программы «Итоги» Киселеву. — Вы не знаете, за что меня?

— Вер, ну не надо так сразу отчаиваться!

Но так хотелось отчаяться, что чуть не до обморока.

— Игорь Евгеньевич, — это, когда паника приблизилась почти вплотную, к президенту и генеральному директору Малашенко. — Что я такого сделала?

А Гусинского все не было. Час не было. Полтора часа. На исходе второго часа опоздания Гусинский явился. Шумный, быстрый, грузный. Всем пожал руки, сразу приступил к делу. Сказал, что телекомпания НТВ должна открыть огромный корпункт и представительство в Петербурге. Что бюджет Петербургского отделения и число работающих там будут сопоставимы с бюджетом и штатом московским, что сроки кратчайшие, что ответственность огромная и... И что возглавит весь этот проект Вера Кричевская, которая вот тут сидит, прошу любить и жаловать.

От неожиданности они даже задохнулись, все эти президенты и вице-президенты. Не сразу смогли переварить, что двадцатипятилетняя девочка-режиссер вдруг стала им ровней. Потом принялись подбадривать, обещать содействие, говорить, что, дескать, верят в нее. А сами не могли понять почему. Почему вдруг она? Должна же быть какая-то причина. Какая-то же благодать должна была снизойти на рыжую ее голову. Ну не любовница же она Гусинскому? Любовниц берут секретаршами, пристраивают к синекурам, а в Игру не берут, даже жен не берут, кроме редчайших исключений.

Сама Вера ни малейшего представления не имела, какая, где и когда снизошла на нее благодать. Она понимала только, что если упустит этот шанс, то второго не будет. Вернулась в родной Петербург, наняла людей, выстроила инфраструктуру, учредила для своих журналистов драконовские порядки пополам с дворянскими привилегиями — и через несколько месяцев повезла президентов и вице-президентов во главе с Гусинским на самолете Гусинского в Петербург торжественно открывать корпункт и представительство. А во время торжественного

открытия, когда стало уже понятно, что ее работой довольны и что шанса своего Вера не упустила, — подошла к дизайнеру Семену Левину, допущенному к Гусинскому в конфиденты, и спросила:

— Семен Менделевич, — чужие звали Левина Семеном Михайловичем, Вера — Семеном Менделевичем, подчеркивая, что своя, — вы не знаете, почему все-таки Гусинский выбрал меня организовывать питерский корпункт?

Левин обещал выяснить и через несколько часов рассказал. Оказывается, Гусинский заметил Веру во время «Новогоднего огонька», праздничного ночного шоу, которое записывало НТВ за девять месяцев до событий. Эстрада, артисты, столики, шампанское, свечи... Вера была режиссером и продюсером этого шоу, а Гусинский пришел с женой, никого не предупредив, что придет, и столика ему не хватило. Кто-то из ассистентов передал Вере, что где-то в зале — Гусинский с женой, но места для него нет. Вера по неопытности не знала, как Гусинский выглядит, но знала, что он владелец компании. И тогда она заорала: «Вот здесь, на этом месте, чтоб был стол через тридцать секунд!» — «Так нет же стола нигде...» — промямлил ассистент. «Так найди, блядь! — вопила интеллигентная девушка из приличной петербургской семьи. — Двадцать секунд! Чтоб стол, скатерть, свечи, посуда и приборы! Бего-о-ом!»

А неузнанный Гусинский стоял рядом, любовался Верой и думал: если по ее приказу сейчас действительно явится стол, то надо брать девочку в Игру.

Стол явился. И Вера оказалась в Игре.

Реликвии, подходящие Игроку, и атрибуты, такие как дом на Рублевке, были теперь делом времени и, разумеется, доставались Вере на особых условиях или за полцены. Дом в поселке Чигасово Вера купила тогда, когда у Гусинского стало туго с деньгами и он распродал поселок своей мечты, в котором жил сам, в котором селил своих замов и вице, в котором обихаживал прикормленных им политиков, юристов, общественных деятелей. Еще на что-то надеясь, Гусинский распродал дома своим, знакомым, приближенным, то есть с огромными скидками. Вот Вера и купила.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ИГРА НАЧИНАЕТСЯ

3. КАКОВА ЦЕЛЬ ИГРЫ «РУБЛЕВКА», мало от какого Игрока узнаешь. Редкий рублевский житель сознательно формулирует цели. Это и безопаснее. Ибо если посторонний человек поймет, к чему ты стремишься, так может ведь и помешать.

Петр Авен (глава «Альфа-Банка», совладелец нефтяных и финансовых активов «Альфа-Групп», \$4,5 миллиарда состояния, 28-е место в списке Forbes), разливая шампанское по бокалам, произносит: «Ну помилуйте, Валерий, три, максимум четыре человека в компании понимают, к чему мы стремимся. Остальные не понимают, да и не надо им».

Пустой дом. Поздний вечер. Три вооруженных охранника из «Альфа-Банка» следят за периметром. А я сижу с ногами в кресле и думаю: ни за что... ни за что Петр Олегович не расскажет о своих целях, да и незачем мне. Так, любопытство.

Любопытство, которое никогда не будет удовлетворено. Зачем человек переселяется на Рублевку? Зачем втягивается в Игру? Зачем сразу после революции 1917 года Троцкий занял Юсуповский дворец? Удовлетворить комплекс неполноценности еврейского мальчика, которого десятью годами прежде и близко ко дворцу не подпустили бы? Или утвердить себя в статусе такого пролетарского полководца, которого даже жизнь во дворце не может сделать менее пролетарским? Или позлить Сталина, ревность которого (уж не к жизни ли Троцкого во дворце?) закончится ударом ледоруба^[1]?

Зачем Ленин (по свидетельству Адриана Рудомино) в 1918 году писал о необходимости открыть в Барвихе для членов ЦК образцовый санаторий, потратив на это валюту? Голод в стране, гражданская война идет, валюты не хватает на закупку хлеба — зачем? Неужели нельзя было обойтись? Или настолько Ленин утвердился в несусветной любви голодающих народных масс, что знал: даже и образцовый санаторий за валюту простят ему оные массы?

Зачем (по свидетельству того же Рудомино) советский министр финансов Марьясин в начале 30-х годов XX века строил у себя на рублевской даче огромные конюшни для скаковых лошадей? И в середине 30-х влюбился несчастливо в одну из своих наездниц и пытался повеситься на конюшне от несчастной любви? А в конце 30-х не за эти ли конюшни Марьясина расстреляли?

Поступки рублевских жителей кажутся нелогичными, непоследовательными, если предположить (и ошибиться!), будто цель их состоит в том, чтобы спокойно жить в самом экологически чистом пригороде Москвы. Цель, наоборот, в том, чтобы жить беспокойно.

Можно было бы понять, для чего великий Мстислав Ростропович поселился на даче в Жуковке. Это, предположим, свидетельствовало бы о причастности виолончелиста к советской артистической элите. Но зачем тогда Ростропович приглашал к себе на дачу гостить и работать опального писателя Солженицына? И даже построил Солженицыну для работы отдельный флигель? Приютив опального, стал опальным и сам, лишился концертов, зарубежных гастролей, любимого оркестра. Зачем Ростропович это сделал? Разве только затем, чтобы не быть больше музыкантом, обласканным властью, а быть музыкантом, с которым советская власть ничего не может поделаться. И вот гулял Солженицын, обдумывая антисоветские произведения, в Жуковском лесу, и на тропинках очень даже легко могли ему встретиться советские руководители — Суслов там или Брежнев. И разве что только не раскланивались они при встрече.

А президент Ельцин? В тревожном 1993 году зачем он жил не в Кремле, где и правительственная связь под боком, и руку легче держать на пульсе зарождающегося мятежа? Зачем — на Рублевке? Ведь сам же писал в мемуарах, что был бы отстранен от власти, кабы вовремя не прилетел за ним на дачу вертолет. Почему от вертолетчика зависела вся ельцинская власть? Или не была бы она священной, если бы президент боялся, что предаст вертолетчик?

А президент Путин? Зачем живет на Рублевке и каждый день останавливает шоссе на сорок минут? Его же ненавидят за это. Или в том-то и дело, что ненавидят, но молчат, боятся и терпят?

И самый скромный рублевский домовладелец — зачем он покупает здесь дом? Понимает же, что бриллиантовое кольцо жены не тут

придется хранить, а в банковском сейфе, ибо на удивление расторопны, хитры и отчаянны рублевские воры. Понимает же, что платить будет втридорога за все: за чашку чая в ресторане «Причал», за билеты на концерт в Барвиха Luxury Village, за свет, за газ, за воду (а вода все равно с перебоями, сколько за нее ни плати). Понимает же, что по два часа будет добираться в город по делам. Понимает, что то и дело соседи или сосны начнут вырубать, или семиметровый забор ставить, закрывая герою нашему белый свет. Понимает — и все равно покупает дом по цене какой угодно виллы на каком угодно море, любого шале в любых горах, любой квартиры в Нью-Йорке, Париже, Лондоне... А еще можно жить в Москве. В центре. Или снять апартаменты в отеле и с приятностью проводить свой отрезок вечности, нимало не заботясь о собственности.

Однако же наш герой все равно покупает дом на Рублевке. А у кого нету денег на дом, тот все равно рвется сюда, хоть на вечер, хоть на пару дней. Позвольте предположить — не для того, чтобы устроиться на покой. А наоборот, чтобы поставить себя в условия жесткого соревнования всех со всеми и в результате либо погибнуть, либо стать сильнее.

4. ФОРМУЛИРОВАТЬ ЦЕЛЬ ИГРЫ — это для начинающих. Для слабеньких игроков. Но именно от них и можно добиться смысла. Банкир Петр Авен не сформулирует цели: «Помилуйте, Валерий...» Банкир Михаил Фридман сформулирует уклончиво: «Понимаете, в кризис все теряют. Так можно же терять меньше, чем все остальные...» А вот светская обозревательница Божена Рынска сформулирует в лоб: «Выиграть соревнование жизни!» То есть жить на Рублевке следует не для того, чтобы наслаждаться комфортом, любить и быть любимой, растить детей, самореализовываться в работе, сексе, спортивных развлечениях, красоваться в новых нарядах, вкусно есть, гулять по свежему воздуху... нет! Выиграть соревнование жизни! Возвыситься как-то по отношению к окружающим. Или окружающих как-то принизить. Это все равно. В тучные годы зарабатывать больше, чем конкуренты. В кризисные годы меньше, чем конкуренты, терять. Зачем зарабатывать? Почему бы не потерять? Не задавайте глупых

вопросов! Пока раздумываешь, того и гляди конкуренты обойдут тебя и выигранут у тебя соревнование жизни.

Вот писатель Солженицын. Сидел у Ростроповича во флигельке, писал свои книжки и, казалось бы, весь с потрохами был во власти членов коммунистического ЦК, живших неподалеку. А шеф КГБ, лечивший почки в барвихинском санатории, и рукописи у Солженицына арестовывал, и печататься Солженицыну не давал, и выслал в конце концов из страны. Но прошли годы, и где теперь те члены ЦК? Где теперь тот шеф КГБ? Их нет. Только дощечки каменные остались от них в кремлевской стене. А писатель Солженицын Нобелевскую премию по литературе получил, пережил эмиграцию, вернулся с триумфом.

И президент Путин (наследник шефа КГБ) приезжал к нему кланяться. А президент Медведев (наследник членов ЦК) приезжал поклониться его гробу. Вот это Божена Рынска, вероятно, и называет «выиграть соревнование жизни». Предположить, что писатель может писать не ради того, чтобы унижить властителя и возвыситься над простыми смертными, — это не в рублевской логике. Служить литературе? Размышлять о судьбах Родины? Исследовать человеческую душу? Глупости какие! Выиграть соревнование жизни — вот цель. И других целей нет.

Или Михаил Ходорковский: в считанные годы создал банк, приобрел нефтяную компанию, стал самым богатым человеком в стране, но на пике успеха сорвался, сам не удержался от тюрьмы и компанию свою от разорения не удержал. Значит, проиграл соревнование жизни, если только не предполагать, что в далекой перспективе выйдет из заточения и всем отомстит. Стратегии ведь бывают разные.

И некоторые совсем неожиданные, досадно непобедимые. Пишет Божена Рынска в своем блоге, что в Европе, где ей комфортно, невыносимы, невыносимы, невыносимы инвалиды. Для них всю ночь под Божениным окном Лакшери-отеля пиццит и пиццит светофор для слепых — и не выключишь никак, хоть президентский люкс арендуй. Или останавливается перед Божениной машиной автобус, и долго-долго грузится в него инвалид-колясочник. А ты, красивая и богатая, успешная и здоровая, сиди и жди. Или еще — на любой парковке для дорогой Божениной машины может и не быть места, но самые

удобные места для инвалидов почти всегда пустуют. Нечестно! По Божениной логике, инвалидов нельзя победить в соревновании жизни, если им ни за что ни про что даются такие преференции. И трудно Божене признать, что инвалиды взяли и победили ее в соревновании жизни. Да еще и не по правилам победили, так, что обыграть их, лишиться привилегий или самой получить их привилегии — нельзя, не ногу же себе отрезать.

5. ПРАВИЛ ОПРЕДЕЛЕННЫХ И ВПРЯМЬ НЕТ. Вот в воскресный день Эллен Фербеек^[2] выходит из жуковского своего дома на лыжах. План воскресной прогулки у Эллен такой: по льду Москвы-реки пройтись накатанной лыжней до ресторана «Причал», скинуть лыжи, выпить в «Причале» чашку чая, а после чаю вернуться все по той же лыжне домой. Но не тут-то было. Помимо скромных лыжников, гоняют по московорецкому льду еще и безумцы какие-то на снегоходах. Шум, треск, выхлопные газы от двигателей. И ведь не мальчишки какие-нибудь, не молодежь — взрослые солидные люди, а носятся как бешеные, да по лыжне, да поперек лыжни, как будто поставили перед собой цель давить лыжников, соседей своих, с которыми, может быть, раскланивались накануне, покупая продукты в Dream House. А теперь — давить. И ведь много кто погиб на этих снегоходах, не справившись со скоростью, и много кто покалечился. И в лучшие свои годы даже и сам Борис Березовский помчался на снегоходе по полям, налетел на кочку, перевернулся, сломал позвоночник и на носилках с подвязанной головой доставлен был частным самолетом в швейцарскую клинику, где позвоночник долго лечили.

«Проклятые снегоходы», — думает Эллен, возвращаясь с испорченной прогулки, и пишет в газету «На Рублевке», что, дескать, не понимает радости снегоходов, но если кому так приспичило, то, может быть, стоит договориться, чтобы лыжники, например, прогуливались по правой стороне реки, а снегоходчики — по левой? Установить правила, чтобы не мешать друг другу. Так пишет Эллен, искренне не понимая, что правила в этой Игре должны быть не установлены изначально, а навязаны теми, кто сильнее. Навязывание

правил — это ведь и есть часть Игры. Дело не в том, что снегоходчик сильнее лыжника, а в том, кто лыжник и кто снегоходчик. Если бы Первому Лицу вздумалось вдруг прокатиться на лыжах по льду Москвы-реки, снегоходы как ветром бы сдуло: прижались бы к берегам, заглушили бы двигатели, потому что одно дело лыжник Эллен Фербеек, а другое дело лыжник Первое Лицо — понимать же надо, сила!

Однако не стоит думать, будто правила на Рублевке навязывают обязательно силой. Иногда и хитростью, и неожиданностью действий, внезапностью. Вот, например, в самом начале 90-х жил в поселке Новь, в той его части, что выходит к деревне Раздоры, профессор Московского университета Александр Аузан. С 50-х годов жил — тогда бабушка выкупила здесь участок в память о расстрелянном муже, легендарном комкоре Аузане, мечтавшем жить в Раздорах. Жил хорошо, соседствовал с маршалом авиации Евгением Савицким, чья дочь Светлана — вторая в Советском Союзе женщина-космонавт и дважды герой Советского Союза.

Но меняются времена. Маршал беднел, и дочь его, привычная к светлым подвигам, а не к каждодневному капиталистическому труду, беднела. И все чаще маршал, встретившись с Аузаном на дорожке или подсев к Аузану на скамейку, заводил разговор о том, что хотел бы продать дачу. Возможно, ждал, не предложит ли сам Аузан выкупить маршальский участок. Возможно, просто так ворчал по-стариковски. Возможно, видел, что пишет Аузан экономические статьи в центральных газетах, и полагал Аузана близким к новой власти, а стало быть, состоятельным. Но не близок оказался Аузан и не состоятелен — не так прямолинейно работают правила Игры «Рублевка», — и участка Аузан не купил.

И вот однажды маршал Савицкий рассказал Аузану, что нашел, дескать, покупателя на свою дачу, солидного человека. А через несколько дней заселился в бывший генеральский дом Отари Квантришвили — по официальной версии предприниматель, меценат и любитель вольной и классической борьбы, а по слухам — криминальный авторитет. Поселился и первым делом, конечно же, рядом с генеральским дачным домом принялся строить новый, в десять раз больше.

Слухи о том, что Отари — высокопоставленный бандит, косвенно подтверждались. С самого утра каждый день у его ворот маячили неприятные личности, ожидающие разрешения воровских споров «по понятиям». Аузан нервничал: бандиты ведь как акулы, задыхаются без движения, не могут угомониться на достигнутом, и если Отари получил участок, то захочет ведь прирезать и соседний.

Именно так и случилось. Однажды Квантришвили пришел к Аузану и начал «гнать телегу», то есть рассказывать малоправдоподобную историю, в которую не поверить нельзя, потому что, если не поверишь, рассказывающий очень обидится, а ему только того и надо — обидеться, найти повод для ссоры. Квантришвили рассказал, что строители у него идиоты, неправильно как-то спроектировали новый дом, что дом сам собой выстраивается как-то так, что залезает к Аузану на участок, и — резюме! — не будет ли Аузан так добр продать Квантришвили пару соток своего участка по рыночной цене?

Аузан понимает: это только начало разводки, только первый ход многоходовой комбинации, цель которой — захватить его участок. Как шпана на темной улице останавливает интеллигентного прохожего просьбой закурить: откажет — можно обидеться, избить и ограбить; согласится — значит слабак, и после второго вопроса можно найти повод обидеться, после чего избить и ограбить.

И тогда Аузан сказал: «Тут у нас, в Раздорах, земельные споры между соседями принято решать по- добрососедски». Квантришвили кивнул: да, по- добрососедски — это правильно, это и по воровским понятиям правильно, и по древним, отложившимся в памяти Квантришвили грузинским обычаям. «И денег, — продолжил Аузан, — с соседа не брать». Квантришвили удивленно вскинул брови. Сотка на Рублевке даже в начале 90-х стоила уже целое состояние.

«Поэтому, Отари, — резюмировал Аузан, — возьми себе две сотки даром, готовь документы, я подпишу».

И грозный Квантришвили повержен. Древние, глубже воровских понятия пробуждены в его душе: грузинское добрососедство, жертвенность в отношении друзей, уважение к старинным укладам. Дальнейший захват Аузанова участка оказался для Квантришвили невозможен. Ибо можно отобрать все что угодно у фраера, но нельзя крысятничать, то есть грабить своих. Можно захватывать

собственность, но нельзя забывать благодеяние. Можно хитрить, но нельзя нарушать старинные традиции. И сказал тогда Отари с уважением: «Ты меня, грузина, учишь добрососедству! Да я... Да я... — и, приняв решение, — я тебе белую спальню подарю!»

С этого момента профессор и вор стали друзьями. Криминальный авторитет подвозил профессора в Москву на своей машине, помогал достать дефицитные доски, заходил в гости, уважительно смотрел, как ученые-экономисты на террасе играют в «Монополию» по усложненным правилам, и спрашивал уважительно: «Скажи, Саша, вот ты много работаешь, а я никак не могу понять, где в твоей работе деньги?»

Иными словами, Квантришвили не понял усложненных правил, по которым играет в рублевскую Игру Аузан. Следовательно, проиграл. В терминах великой рублевской Игры это значит, что профессор сумел навязать вору свои правила, а вор профессору — нет.

Прошло несколько лет, и Квантришвили убили. В Москве, возле Краснопресненских бань, в какой-то криминальной войне, смысл которой нам неведом. Из уважения к жертве стрелок бросил оземь и разбил винтовку, из которой стрелял, чтобы никто после Отари не был бы убит этим оружием. Впрочем, уважение не помешало партнерам Отари растащить всю его собственность, ибо таковы их правила. Вдове Элисо достался только маленький салон красоты на Рублевке и дачный участок с двумя домами, старым и новым. Новый дом она начала сдавать и на эту арендную плату (немалую) жить. В некоторый период дом у нее снимал заместитель министра финансов Олег Вьюгин. Он завел себе охрану. Охранники Вьюгина перекрывали раздорские аллеи, когда хозяин выезжал на службу. И однажды Элисо сказала Вьюгину: «У нас в Раздорах не принято, чтобы охрана мешала гуляющим. Даже у Отари не было столько охраны». Вдова криминального авторитета сделала с замминистра финансов то же, что сосед-профессор прежде сделал с ее мужем — навязала свои правила. И Вьюгин подчинился. Снял охрану. Охранники Вьюгина с этих пор прятались за воротами поселка.

6. САМО ПО СЕБЕ УСТАНОВЛЕНИЕ ПРАВИЛ — уже ведь стратегия и залог победы в Игре. Кто устанавливает правила, тот и победил. Кто принимает правила, тот проигравший. Ибо как же вы победите в соревнованиях, если правил не знаете, а ваш соперник знает? Поэтому серьезные Игроки правил по возможности не принимают, даже бытовых, даже мелких, вроде женских капризов. Вот подруга банкира Тарико обставляет дом. Тщательно листает каталоги. Выбирает красивые виллероевские тарелки. Предлагает купить. Но банкир Тарико наотрез отказывается и специально выбирает вместо красивой посуды черт знает что почти из чистого золота, избыток которого — чересчур даже для восточного набоба. Он так делает не потому, что чужд хорошего вкуса или современных представлений о хорошем дизайне, а именно ради того, чтобы не подчиниться правилу «жена обустраивает дом». Если заведется такое правило, то бог знает, как им воспользуется женщина, каких ловушек порасставит, как свяжет жизнь.

А нефтяной трейдер Магомедов заходит вечером в детскую проведать жену и младенца. Опасный поступок. Может стать правилом — каждый вечер заходить в детскую, тетешкать младенца и ласкать жену. Опрометчиво! Поэтому миллиардер берет с полки пачку детских подгузников, рассеянно вертит в руках, углядывает цену и спрашивает удивленно: «Сколько-сколько стоят памперсы?»

И бежит вон из комнаты, звонит управляющему, требует, чтобы с завтрашнего же дня управляющий повысил зарплату всем служащим магомедовской компании. Потому что, дескать, не могут же люди нормально жить и работать, когда детские подгузники стоят такую прорву денег. А проделано все это, чтобы не подчиниться навязанному женой правилу каждый вечер хотя бы ненадолго становиться отцом и мужем, заходить в детскую, сидеть, умиляясь. Бог знает до чего может довести такое расслабленное умиление. Лучше не подчиниться и показать, что в детскую зашел не как отец и муж, а все же как нефтяной трейдер, владелец компании и миллиардер.

Так вернее, потому что...

7. ...НЕ ИГРАТЬ В РУБЛЕВСКУЮ ИГРУ НЕЛЬЗЯ. Если не играешь — это не значит, что стоишь в стороне или живешь частной жизнью. Это значит проигрываешь. Как юный компьютерный геймер спит по четыре часа в сутки, а остальное время играет в сети, боясь отстать от соперников, так и рублевский житель всякое свое действие — деловые ли переговоры, любовное ли свидание, прогулку ли по лесу — соотносит с ходом Игры. Тут даже не в деньгах дело. Тут лишь бы за Игрой поспеть.

Вот трое молодых людей — Емельян Захаров, Егор Шуппе и Демьян Кудрявцев — решают открыть в Жуковке ресторанчик. Старшему из них, Емельяну Захарову, принадлежит небольшая антикварная лавка и прилегающее к лавке помещение. Егору и Демьяну тоже, кажется, принадлежат в лавке и будущем ресторанчике какие-то доли, но про это молодые люди, по рублевскому обыкновению, темнят. Известно одно: втроем ресторан они содержать не смогут, просто потому что не умеют управлять ресторанами. Тогда они зовут к себе в команду известного ресторатора Аркадия Новикова и открывают вместе с ним заведение «Веранда у дачи», потому что антикварная лавка Емельяна Захарова называется «Дача», а веранда, отданная под ресторан, — рядом.

Аркадий Новиков соглашается руководить «Верандой» на том условии, что будет получать половину прибыли. И надо сказать, рестораном руководит блестяще. По всей Рублевке в мгновение ока распространяется слух, что на «Веранде» не только вкусно, но еще и весело. Устраиваются какие-то праздники, сам директор рассказывает по залу, приветствует посетителей, подсаживается за столики, знакомит людей друг с другом. Одним словом, «Веранда» всегда полна и прибыль приносит значительную. Долго ли коротко ли, но контракт, заключенный между Захаровым и Новиковым, истекает. Захаров, Кудрявцев и Шуппе решают, что ресторан «Веранда у дачи» достаточно уже известен, персонал достаточно уже обучен, что клиенты к ресторану уже привыкли, а потому продлевать контракт с Новиковым, забирающим половину прибыли, нет никакого смысла. Новиков уходит, и в тот же день клиентов в ресторане «Веранда у дачи» становится меньше примерно в половину. Оказывается, многим было важно, что директор рассказывает по залу. Оказывается, многим

важно было, что директор звонит лично и приглашает на ресторанные мероприятия. И еще, что директора зовут Новиков.

В смысле денег Захаров, Кудрявцев и Шуппе не потеряли ничего: посетителей стало вдвое меньше, но ведь зато и не надо отдавать Новикову половину прибыли. Деньги те же, забот даже меньше по причине малолюдья, но Захарова, Кудрявцева и Шуппе гложет главный рублевский страх — что они вне Игры, не развиваются, не растут и не являют собою рублевский тренд. Потерпев пару недель, молодые люди контракт с Новиковым возобновили и восстановили команду из четырех Игроков — классическую, кстати говоря.

8. ДА-ДА, РУБЛЕВСКАЯ ИГРА — КОМАНДНАЯ. Ни один человек на Рублевке, рассказывая об успехах своих и неудачах, не говорит «я». Только «мы». Путин — не сам по себе, но с Ковальчуками, Ротенбергом, Тимченко, Сечиным... Ходорковский — не один: с ним Лебедев, Невзлин, Шахновский, Брудно... И Березовский был немыслим без Бадри Патаркацишвили. И даже самая индивидуалистская «Альфа-Групп» состоит из нескольких человек (Фридман, Авен, Хан, Сысуев, Гафин): их роли не ясны широкой публике, но очевидно, что они некоторым образом команда.

Любой геймер вам скажет, что в онлайн-играх команда может включать в себя сколько угодно игроков, однако же в хрестоматийном варианте ролей четыре: Воин, Колдун, Доктор и Вор. В рублевской Игре так же: Воин бросается напролом к цели, Колдун помогает ему издали заклинаниями, как артиллерия — пехоте, Доктор старается свести к минимуму ущерб, полученный Воином, а Вор — тот под шумок использует для достижения все тех же целей незаконные, хитрые, лукавые методы.

Когда команда на подъеме, в ней доминируют Воины. Когда наступают тяжелые времена, все больше появляется Докторов. Это очень наглядно видно, например, в истории компании ЮКОС. Там поначалу Михаил Ходорковский играл роль Воина — напролом захватывал одну нефтяную компанию за другой, строя холдинг. А в роли Колдуна подвизался Платон Лебедев, тонкий финансист, помогавший Ходорковскому: обеспечивал деньги, собирал деньги,

распылял деньги, уводил деньги, приводил деньги — чем не магия? А в качестве Доктора — Леонид Невзлин: дружил с кагэбэшниками, заручался их поддержкой, объяснял, добивался расположения. А Вор? Не станем никого обижать, но имелся в команде и Вор...

Важно, что ко времени развала ЮКОСа Докторов в команде Ходорковского оказалось сразу много. Тайные переговоры со спецслужбами и властью вели и Невзлин (как всегда), и бывший генерал КГБ Кондауров, и Василий Шахновский, пользовавшийся в Федеральной службе безопасности давним и заслуженным авторитетом. И совсем уже на излете борьбы, совсем уже перед крахом попытался позвать Ходорковский себе в команду в качестве супер-Доктора заместителя главы администрации президента Владислава Суркова. И все уж договорено было. И в Жуковке рядом с юкосовским поселком Яблоневый сад строился для Суркова дом, и уж выстроили. Но в последний момент разладилось. Видимо, Сурков решил, что даже и его сил не хватит, чтобы оживить стремительно гибнущую команду Ходорковского. Так дом и стоит без хозяина.

А нам важно, что вся история Рублевки, все пространство ее и время могут быть представлены как борьба команд примерно по четыре человека в каждой. Все рублевские тайны можно раскрыть, если подслушать, о чем разговаривали на разных террасках в разное время четыре разных человека — команда Ельцина, команда Путина, команда Ходорковского, команда Фридмана, команда Березовского... И даже...

...даже антисоветский писатель Солженицын, живший и писавший в Жуковке на даче у великого виолончелиста Ростроповича, тоже состоял в одной из команд в рублевской Игре. Солженицын был в этой команде Воином, напролом идущим против советской власти. Ростропович был Колдуном, поддерживавшим Воина издали своим авторитетом. А живший напротив великий композитор Шостакович был Доктором. И только Вора им не хватало.

ГЛАВА ВТОРАЯ. ОБЫВАТЕЛЬ

9. КАКОВО ЭТО — БЫТЬ В ИГРЕ? Вообразите, что вы уже в ней. На нулевом уровне у вас нет ничего, что давало бы хоть каплю могущества и позволяло бы хоть как-то действовать. Вы даже не знаете толком, что именно надо иметь. Вы даже не слишком представляете, зачем действовать и чего добиваться. Однако что-то же да есть? Не голые же вы стоите тут, посреди Рублево-Успенского шоссе?

А если даже и голые? Летом на «Причале» почти голышом дефилируют девушки, предоставляя себя взглядам состоятельных мужчин. Только купальник на девушке, но...

Во-первых, смотря какой купальник. Модный? Значит, следит за трендами и понимает, что не следует позорить мужчину, присевшего рядом поболтать. Дорогой? Значит, ей купальник купил кто-нибудь, и, стало быть, есть за что.

Во-вторых, маникюр. Если у девушки наращённые ногти со звездочками, то ей операционисткой в Сбербанке надо работать, а не по «Причалу» дефилировать. А если маникюр сдержанный и дорогой, стало быть, понимает... Ну, хотя бы что-нибудь понимает.

В-третьих, прическа. Опытный глаз безошибочно различит фирменную встрепанность, приобретаемую в салоне «Жак Дессанж», равно как и фирменный перфекционизм салона «Альдо Коппола».

В-четвертых, кулончик. На шее у девушки может поблескивать небольшой кулончик, например из тех, которые, как говорят, миллиардер Михаил Прохоров клал прошедшей зимой в Куршевеле в бокалы с шампанским, чтобы все пили до дна и заодно получали новогодние подарки. Стало быть, была в Куршевеле. Стало быть, с кем-то же была, не одна же. А если сейчас одна, то, стало быть, не вцепилась клещом в мужчину, которого сопровождала, не устроила скандала, не потребовала замуж. Понимает, стало быть, правила, чему кулончик на шее является свидетельством.

Заметьте при этом, что красота девушки в Игре не имеет никакого принципиального значения, как в квесте красота компьютерной графики не имеет отношения к вашему успеху. Значение имеют артефакты (как называют их разработчики компьютерных игр) или реликвии (как предпочитаем называть мы). Так, в сумочке у блондинки может лежать аккредитация от центральной газеты, что блондинка эта является светским обозревателем. Аккредитация позволяет проходить на закрытые мероприятия. Автомобиль рыжей девчонки и охрана на джипе следом могут свидетельствовать о том, что девчонка непростая, что есть у нее папа, выделивший автомобиль и нанявший охрану. И даже когда рыжая девчонка откажется от папиного автомобиля и папиной охраны и примется ездить на простой подержанной «Ладе», все равно за ней сохранится в качестве волшебной реликвии папина фамилия — Шахновская. Фамилия будет волшебным образом открывать закрытые двери, умножать зарплату, заставлять встречных улыбаться или кивать уважительно. Особенно это работает, если носитель непростой фамилии не кичится ею, не выставляет напоказ, а наоборот, скрывает, делая вид, будто фамилия ни за чем ему не нужна.

На первом уровне это не важно, но на дальнейших рублевские реликвии следует носить со скромным достоинством. Ибо только рэпер Тимати выставляет свои реликвии напоказ — татуировки, бранзулетки, автомобили. Ну так и останется навсегда просто рублевским обывателем, так и будет всегда следовать за модами, которые придумывают другие, так и будет коллекционировать реликвии, множить их количество без всякой надежды перейти на новый, качественный уровень, в отличие от рыженькой девушки, с которой знакомишься, а она протягивает руку и говорит: «Юля». Просто Юля. Не знаете, какая Юля? Вам же хуже. Займитесь пока коллекционированием.

Потому что первый уровень рублевской Игры — уровень, который мы называем обывательским, — есть не что иное, как коллекционирование реликвий. И реликвии, надо понимать, — это не дорогие вещи, и не модные вещи, и не те вещи, про которые написано в журнале *Vogue*. Реликвией может стать что угодно: деньги, украшения, автомобили, женщины, мужчины, музыкальные инструменты, оружие, дома, спортивный инвентарь, имена, фамилии,

письма, ноты, банковские карты... Реликвии — это вещи, которых любым способом коснулась, на которые снизошла каким-то боком переменчивая и зыбкая рублевская благодать.

10. НАИПРОСТЕЙШАЯ ВЕЩЬ может оказаться в рублевской Игре реликвией. При определенном стечении обстоятельств имеет смысл беречь и хранить даже и мелочь какую-нибудь — тряпочку, щепочку, случайную фотографию, шишку, найденную в лесу, или... ломтик ветчины.

Вот семья упомянутого уже экономиста Александра Аузана обедает. Теплый летний день. Стол посреди дачного участка в поселке Раздоры. Для бабушки Александра Аузана это важно: ее муж комкор Аузан получил здесь участок еще в 30-х годах. В 1937-м был арестован и расстрелян. И участок, разумеется, конфисковали у вдовы врага народа. А когда в 1957-м комкора Аузана реабилитировали, то семье предложили денежную компенсацию. Почти никто в Советском Союзе компенсаций не брал: к деньгам относились с презрением и на реабилитации родных настаивали лишь для восстановления справедливости. Но бабушка Аузана деньги взяла и выкупила участок в Раздорах — реликвию.

И вот они сидят за большим столом в саду, обедают. Конец 80-х годов. Саша Аузан никакой еще не профессор Московского университета, а всего лишь студент. Времена голодные. Из соседних областей едут и едут в Москву так называемые колбасные электрички, потому что в Москве, отстояв очередь, можно еще купить какие-никакие продукты, а в Рязани, например, совсем уже ничего нельзя.

Но семья Аузана по тогдашним временам не бедствует. Кое-какие деньги водятся, кое-какие продукты удастся покупать. Кое-как удастся приготавливать из этих продуктов затейливые блюда советской кухни, главный секрет которой заключается в том, что любая дрянь становится съедобной, если добавить к дряни покупной майонез.

Аузан уж не помнит, что им удалось приготовить в тот день: холодный ли свекольник (с майонезом), окрошку ли на сладком квасе (с майонезом), салат ли оливье (с майонезом), мясо ли «по-французски», запеченное с луком, дурным сыром и, разумеется,

майонезом. Семья обедает, и скудость стола не слишком ее беспокоит, поскольку люди интеллигентные и главным в семейных обедах всерьез полагают не гастрономию, а общение. Едят, разговаривают: про Сашин университет, про начинающуюся перестройку, про фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние» — да мало ли про что...

Как вдруг из-за забора над цветущими кустами сирени, или что там у них цвело, со стороны участка маршала авиации Савицкого летит ворона. Летит низко, и обедающей семье хорошо видно: у птицы в клюве — некая добыча, что-то съестное, украденное, вероятно, у маршала. А пролетая над самым аузановским столом, ворона вдруг чего-то пугается, громко каркает, совершает воздушный кульбит, и из клюва выпадает прямо на стол к Аузанам ломтик венгерской формованной ветчины.

Повисает пауза. Ломтик ветчины из вороньего клюва сиротливо лежит на скатерти, и вся семья смотрит на него, не зная, что предпринять. Выбросить, скажете вы? Скормить собаке? Теперь Александр Аузан так и сделал бы, посмеявшись над незадачливой птицей. Но в конце 80-х ломтик венгерской формованной ветчины — это не просто еда, это реликвия.

В конце 80-х эта ветчина в красных жестяных банках выдавалась только в специальных продуктовых распределителях (например, на улице Грановского в Москве) в специальных заказах и только высокопоставленным военным, высокопоставленным партийным и советским работникам. И если у вас на столе лежала формованная венгерская ветчина из красной жестяной банки, это не просто означало, что скоро вы поедите ветчины. Это означало, что вы элита, что вы выиграли важный этап соревнований. Ветчина — она приз, как желтая майка лидера. Выкинуть венгерскую формованную ветчину в конце 80-х — все равно что нынче выбросить колечко Chopard. Разве вы выбросите колечко Chopard, даже если его принесет ворона?

Но, с другой стороны, ритуальное поедание венгерской формованной ветчины, побывавшей в вороньем клюве, — это уж слишком, это негигиенично, в конце концов. Вороны клюют падаль. Вороны — переносчики орнитоза. Не голодаем же мы! Да. Но у кого поднимется рука выбросить кусок венгерской формованной ветчины?!

После нескольких секунд паузы мама Александра Аузана решительно встала из-за стола, взяла пресловутую ветчину, подозвала собаку, и та, виляя хвостом, благодарно приняла подачку, совершенно не подозревая, скотина, что жрет реликвию, ради которой многие, очень многие в то время люди пошли бы на ложь, унижение, подлог, воровство и даже на государственную измену. Жрет, собачий сын, облизывается и бежит метить известным собачьим способом священную рублевскую территорию. Помеченная им тогда рублевская земля стоит теперь, надо полагать, сто миллионов долларов — никак не меньше.

11. А ОБИТАТЕЛИ ЭТОЙ ЗЕМЛИ продолжают собирать реликвии. Вот в ресторане «Твербуль» благотворительный аукцион. За столиками — как бы богатые, но не вполне богатые, а так, что им еще имеет смысл коллекционировать реликвии. И знаменитые, включая писателя Виктора Шендеровича, который выглядит не по-рублевски, но на Рублевке частый гость с тех пор, как ездил к Гусинскому обсуждать сатирическую программу «Куклы», украшавшую телеканал НТВ. Мнется, чувствует себя неловко, смысла в мероприятии не видит иного, чем собрать деньги для доктора Лизы Глинки^[3], у которой благотворительный фонд, которая кормит и лечит бездомных, а теперь помогает детям пострадавшего от наводнения Крымска. А доктор Лиза, хоть и обеспеченная женщина, тоже чувствует себя неловко и тоже думает, что смысл аукциона — собрать деньги.

Тогда как смысл аукциона также и в другом — освятить реликвии. Ведущая Ксения Собчак, может быть, не понимает этого, но чувствует. Она все чувствует. У нее к Игре — талант. И говорит Ксения в микрофон: «Самые модные девушки на Рублевке продают свои самые модные украшения в пользу доктора Лизы».

Торги начинаются. Серьги дизайнера Яны Расковаловой уходят за пятьсот тысяч рублей. Побрякушки дизайнера Маши Цигаль, украшения Полины Киценко, совладелицы бутика... женщины на Рублевке известные, но не настолько, чтобы за их украшениями гонялись собиратели реликвий, не настолько, чтобы серьги, побывавшие в их ушах, выросли в цене.

Но именно на этом настаивает ведущий вечера Игорь Верник: «Это их украшения. Они их носили. Они передали этим побрякушкам свое тепло. Уже только поэтому украшения должны стоить вдвое больше».

Итак, заметим: украшения растут в цене от того, что их носили модные дамы. А дамы приобретают в цене оттого, что способны поднимать цену побрякушек «своим теплом».

Так устроены реликвии и владельцы реликвий — повышают стоимость друг друга. Делают друг друга ценностью, которую имеет смысл беречь и охранять.

12. И КАК ОХРАНЯТЬ! По самым скромным подсчетам армия охранников на Рублевке измеряется тысячами. И функций у охранников две: с одной стороны, они и впрямь охраняют, а с другой — являются реликвией, атрибутом власти и могущества охраняемого лица. Одних только сотрудников Федеральной службы охраны, то есть людей, обеспечивающих безопасность высших государственных чиновников, тысяча человек на Рублевке, никак не меньше.

И не следует думать, будто всех охранников мы видим, когда премьер-министр или президент несутся по шоссе мимо нас, прижавшихся к обочине. На самом деле охрана разнообразна и эшелонирована.

Есть ближний круг — непосредственные телохранители, так называемые прикрепленные. К каждому высокому чиновнику прикреплено их человек по шесть-восемь. Работают сутки через трое. Знают про подопечного своего все на свете, потому что и в спальню к нему заходят (не только к жене, но и к любовнице), и туалет случается проверить, прежде чем воссядет там охраняемый. И видят, когда пьян, как проспал, как кричит, кого приласкал, с кем поссорился.

Многие безобидные предметы в руках прикрепленного могут оказаться оружием: чемоданчик, например, одним нажатием кнопки превращается в автомат. Шариковая ручка во внутреннем кармане пиджака нет-нет да и оказывается трехзарядным пистолетом, мелкокалиберным, но вполне убойным с небольшого расстояния (в существование таких пистолетов трудно поверить, пока не подержишь в руках). Охраняемые лица, как правило, круглосуточным

присутствием прикрепленных бывают раздражены (так, Михаил Ходорковский настаивал, что к родителям будет ездить один. Ну и что? Только проблемы это создавало прикрепленным: все равно надо было следовать за Ходорковским, однако ж еще и скрытно). Их выгоняют, выставляют из комнаты, требуют отойти подальше во время-конфиденциальной прогулки. Но потом привыкают, начинают использовать как слуг, просят захватить подарки после какого-нибудь банкета, цветы после юбилея, женину шубу понести, если вдруг стало жарко.

Парни обычно не ропщут. Не приучены роптать, да и не имеют возможности. Их набирают из Кремлевского полка или из спецподразделений по принципу отменного здоровья, хорошей реакции, подобающей боевой подготовки, небогатой фантазии и полного отсутствия интереса к чтению книг. Книги ведь сеют сомнения, а сомнений не должно возникать у прикрепленного в голове ни на минуту.

Биография прикрепленного должна быть прямой, как стрела, и прозрачной, как стекло: мама-папа, желательно из военного городка, средняя успеваемость в школе с пятеркой только по физкультуре, срочная служба в армии, сверхсрочная во внутренних войсках, жена (не имеющая никаких карьерных амбиций, а желающая сидеть дома и растить детей), дети (желательно двое, мальчик и девочка, здоровые, чтобы не понадобился вдруг миллион евро на лечение в Германии). Каждый день, каждый час жизни прикрепленного должен быть понятен: где был, чем занимался. И если есть хоть пара месяцев, о которых не ясно, где был человек, то в личную охрану уже нельзя, потому что — а вдруг проходил как раз в это время подготовку в террористическом лагере или уверовал в Аллаха в подпольном медресе. Ни во что не должен верить прикрепленный: ни в Бога, ни в демократию, ни в братство всех людей на земле — только в величие государства и в необходимость охраняемого лица для этого самого величия. И с другой стороны, страх, совершенная уверенность, что начальство знает наперечет всех его любимых — жену, детей, маму — и что часа они не проживут в том случае, если прикрепленный предаст. Только при таких условиях можно всерьез надеяться, что целым и

невредимым доведет прикрепленный охраняемого от особняка до кортежа.

Да в какую еще машину посадит? В ту ли, на которой президентский флажок? Вовсе не обязательно. Тут уже начинается зона ответственности группы сопровождения. Для того и едет кортеж в несколько машин, чтобы неизвестно было, в какой сидит охраняемый. Иногда, когда имеется угроза, даже монетку кидают, чтобы выбрать машину. Сами до последнего мига готовы не знать, какой выбор. Для того и опустошают шоссе, чтобы гнать на большой скорости, ибо в быстро движущуюся мишень труднее попасть. Для того и не сбрасывают скорости на поворотах, и перекрывают Московскую кольцевую автодорогу в районе Рублевки на время проезда кортежа, ибо мост, под который ныряет Рублевка на въезде в Москву, — самое опасное место.

Проверено. Просчитано. Из автомобилей в устроенной на МКАД пробке могут ведь заблаговременно (с точным расчетом времени) по сигналу наблюдателя, сидящего где-нибудь в Жуковке, побежать к мосту сразу несколько гранатометчиков. Остановить их будет трудно.

Это уж дело снайперов. Задолго до проезда кортежа движется по Рублевке машина специальная или автобус и высаживает людей. В особо опасных местах, заранее обследованных, куда сами засели бы, если бы были не охранниками, а диверсантами. И главное — у моста. Работа этих людей — осмотреть окрестности, увидеть, не спрятался ли кто, притвориться кустом и держать под прицелом проклятый мост.

Что же касается заборов, которые во многих местах подступают к шоссе вплотную, и домов, которые во многих местах на шоссе смотрят, то их не особо обследуют и не особо боятся — это работа агентурная.

Если вы живете на Рублевке, если ваш забор, ваши окна или хотя бы сосна какая-нибудь в саду смотрит на шоссе — приглядитесь к своим гостям. Сосед зашел к вам на день рождения выпить водки — или сотрудник ФСО, проверяющий, не просверлили ли вы в заборе бойницу? Нового бойфренда привела знакомить с вами взрослая дочь — или сотрудника ФСО, желающего проверить вашу лояльность? А инженер из дачного кооператива, пришедший сообщить, что на общем собрании постановлено строить вокруг поселка новый шестиметровый

забор, — он правда инженер? Или сотрудник ФСО? И правда ли забор строить в дачном кооперативе постановлено? Не в Кремле ли, дом 9?

Да, и поосторожней с фейерверками. За шумом фейерверков легко ведь спрятать и нешуточные взрывы. ФСО беспокоится. Вот сенатор Измestьев любил на дни рождения сына Марика устраивать фейерверки, больше похожие на артподготовку. Так и посадили сенатора Измestьева. Формально, разумеется, не за шуточные взрывы на Рублевке. Нашли за что. Но вся Рублевка знает: Измestьев сидит за фейерверки. И целый квартал вокруг расселили, чтобы никому не повадно было.

13. САМИ СОТРУДНИКИ ФСО в свободное от работы время и в дружественной обстановке рассказывают про себя вот какую байку. Дескать, однажды поехал Владимир Путин в бытность свою премьером к тогдашнему министру по чрезвычайным ситуациям Сергею Шойгу на родину в Тыву. В отпуск. Порыбачить, поохотиться, искупаться в холодных речках, у костра посидеть... Эта поездка памятна российскому электорату женского пола. Во время этой поездки премьер, готовясь стать президентом в третий раз, мужественно позировал фотоаграфам: с голым торсом, верхом на лошади, в волнах, выгребая мощным баттерфляем... Поплавал, порыбачил, попозировал фотокамерам, да и уехал, оставив несколько сотрудников ФСО собирать по окрестным кустам специальную аппаратуру и сворачивать закамуфлированные под скальную породу наблюдательные пункты.

Разумеется, сворачивать аппаратуру сотрудники ФСО не спешили. Место путинского пикника и впрямь было хорошее, река и впрямь рыбная, шашлыка заготовленного осталось на целую роту, да и напитков — на взвод. Любуясь родным пейзажем, фэсэошники сидели, жарили шашлык и выпивали водку, как вдруг из тайги вышел к ним охотник. По виду судя, профессиональный: хорошая амуниция, полный ягдташ дичи, а за плечами — очень приличная винтовка с оптическим прицелом. Думали уж пригласить к костру, но тот с ходу спросил:

— Мужики, тут что, Путин, что ль, был?

— Какой Путин? — принялись темнить фэсэошники по профессиональному обыкновению. — Ты что? Какой Путин? Здесь?

— Ну да, — не унимался охотник. — Я же вижу! Путин!

— Как это ты видишь? Откуда? — рассмеялись парни, представляющие себе диаметр оцепления.

— Ну, — охотник снял винтовку с плеча. — В прицел! Я же вижу — Путин!

И тут повисла пауза. Говорят, потом целый месяц происходили в ФСО «разборы полетов» о том, кто виноват да как получилось, что допустили к Путину на расстояние выстрела человека, который, слава богу, оказался не террористом, не анархистом и не диверсантом, а добропорядочным и законопослушным охотником, использовавшим оптический прицел исключительно с целью поглазеть издали на главу государства.

Эта байка вполне может показаться неправдоподобной. Но совершеннейший факт тот, что фэсэошники эту байку о себе рассказывают. Зачем рассказывают?

Легко предположить, что профессиональные эти телохранители повествуют о курьезной своей ошибке именно по причине уязвленной профессиональной гордости. Именно потому, что на Рублевке принято использовать ФСО не столько для охраны, сколько как атрибут могущества и власти охраняемого лица — ради понтов, одним словом, а не безопасности.

Если говорить всерьез, то дыра на дыре у нас в охране первых лиц государства, проблема на проблеме. У миллиардеров же и так называемых олигархов — только одно слово, что охрана. Нету охраны, чистая профанация.

Отставной подполковник спецназа «Вымпел» Анатолий Ермолин говорит, что еще в 90-е годы, когда он служил, ФСО часто привлекала их, профессиональных диверсантов, проверять эффективность охранных мер. По условиям военных игр считалось, что охраняемое лицо убито, если бойцам «Вымпела» удавалось высокого чиновника сфотографировать — все равно ведь, на кнопку фотоаппарата нажимать или на спусковой крючок снайперской винтовки. Так вот, по словам Ермолина, они перефотографировали всех: президента,

премьер-министра, министров силового блока, главу Центробанка — до единого.

И всей эшелонированной охране если не грош цена, то два гроша, все по той же причине: телохранители не столько хранят тело, сколько являются атрибутом в большой рублевской Игре.

Как ни быстро движется кортеж, сколько снайперов ни рассыпь по маршруту движения, все равно ведь маршрут длинный, определенный, единственно возможный, и тысячу огневых точек может подготовить хороший диверсант по дороге. Куда безопаснее было бы первым лицам государства давно уж летать на работу вертолетом: и быстрее, и маршруты можно менять, и незаметнее. Но именно незаметность вертолетных перемещений, похоже, и не устраивала главного рублевского Игрока. Вертолет всего лишь доставляет до места работы, тогда как кортеж приводит все окрестное население в оцепенение, чтобы покорно застывали на сорок минут. И ради этой покорности до самого последнего времени пренебрегали безопасностью.

На взгляд профессионала, если ею пренебрегать, то лучше уж как американский президент — идти в толпе. Станным образом в толпе безопаснее, чем по пустой дороге. В толпе обязательно рассыпаны агенты в штатском. Возможный злоумышленник не видит агентов, считает агентом каждого прохожего, не знает, от кого прятаться. Тогда как на пустой дороге прячется он лишь от заметных в форме дорожной полиции фэсэошников да от пары кустов в лесу, подающих признаки человеческой жизни. Эти подробности, эти дискредитирующие байки про себя же офицеры охраны рассказывают с горечью, потому что их профессиональная честь уязвлена. Даже не привыкшие задумываться прикрепленные плюются желчно, вспоминая, как приходилось идти с полными руками цветов и подарков, а автомат-чемоданчик нести подмышкой. И если пришлось бы стрелять, то сколько драгоценных мгновений ушло бы, пока бросишь цветы и подарки. Неразумно? Да, если охрана нужна только для охраны. Но если охрана есть атрибут власти, тогда естественно: властитель к телохранителям своим относится пренебрежительно, унижая тех, от кого зависит жизнь.

Есть еще частные охранные структуры. Формально они никакой властью не обладают на Рублевке. Телохранители любого олигарха при столкновении с ФСО должны безусловно уступить — сойти с дороги,

сдаться, сложить оружие, позволить арестовать клиента. И так бывало: государственные силовые структуры клали лицом на землю и охрану Березовского, и охрану Гусинского. И телохранители Ходорковского не препятствовали аресту шефа.

Но не все же отношения формальны. И на Рублевке принято охрану себе набирать из государственных структур. Не потому что там люди лучше обучены. Не потому, что нельзя вымуштровать телохранителей под руководством лучших американских или израильских специалистов. Но именно ради неформальных связей: чтобы государственные охранники по старой дружбе подсказали частным, как лучше разъехаться. Чтобы закрыли глаза на нарушение режима. Чтобы предупредили о возможном аресте или обыске. Чтобы не заметили взлетающего из Внукова частного самолета. Для этого олигарх Гусинский нанимал себе главой службы безопасности генерала КГБ Филиппа Бобкова, расходуя на безопасность до шестидесяти процентов оборота компании. Для этого же Михаил Ходорковский нанимал главой своих охранников Михаила Шестопалова, начальника управления по борьбе с экономическими преступлениями ГУВД Москвы, да еще и афганского ветерана со спецслужбистскими ветеранскими связями.

Формально нет никого на Рублевке сильнее главы государства с его ФСО. Но на самом деле лишь на миг пролета кортежа замирают почтительно другие силовые структуры. А пролетел кортеж, можно и шалить, как несносные дети, стоит лишь отвернуться родителям.

И охрана государственная видит, насколько меньше у частной обязательств и больше денег. Потому время от времени появляются у частных охранных предприятий от государственной ФСО документы и другой компромат на первых лиц государства. Пленки, говорят, продают за пару миллионов долларов заинтересованным людям, но не публикуют, а прячут до поры — на случай то ли опалы, то ли заговора.

14. КРОМЕ ОХРАНЫ, САМОЙ ПРОСТОЙ и самой понятной реликвией на Рублевке является одежда. Но не какая попало, а одежда-пароль, одежда-пропуск. Дело даже не в том, чтобы модная, и не в том, чтобы дорогая. Дело в том, чтобы наметанный глаз рублевского

жителя с первого взгляда признавал по ней своего. Бог знает, по каким приметам.

Между пятницей и субботой бедные девушки из провинции толпятся у входа в ночные клубы, потому что фейс-контроль не пускает их внутрь. Цель этих девушек проста — прорваться. Прорваться случайно, воспользовавшись замешательством охраны, затесавшись в большую компанию, — как угодно. А там, внутри, прельстить серьезного мужчину своей безусловной доступностью. Поехать с ним, куда скажет. На следующее утро надо же ему будет как-то избавиться от случайной провинциалки, выпроводить ее без грубости из квартиры, специально предназначенной для свиданий, или из загородного дома, или из гостиничного номера. И чтобы не выглядеть совсем уж мерзавцем, предложить: «Пойдем купим тебе платье». Этого-то девушка и ждет, потому что случайный любовник не только заплатит за платье, но и выберет. И так, чтобы оно стало пропуском на вечеринки. Чтобы через неделю фейс-контроль уже без проблем пропускал бедняжечку, а она проходила бы в клуб, находила нового мужчину, соблазняла доступностью, ехала, куда скажет, а наутро получала бы подарок — и так неделя за неделей собирала бы реликвии, каждая из которых делает ее сильнее.

Часами напролет рублевский обыватель и особенно рублевская обывательница способны обсуждать одежду. Потому только, что многие предметы здесь сродни священным реликвиям. Все эти туфельки Manolo Blahnik, все эти сумки Birkin, все эти «шопарики» (то есть ювелирные изделия компании Chopard) суть то же самое, что волшебные доспехи и заколдованные мечи в «Моровинде» — их надо собирать и накапливать.

Точно так же долго, как простые обыватели на Рублевке способны разговаривать об одежде, люди посерьезнее способны разговаривать о своем пренебрежении к одежде.

Вот ресторан «Веранда у дачи». 2004 год. Несколько уже месяцев олигарх и владелец компании ЮКОС Михаил Ходорковский сидит в тюрьме. А мы сидим за столиком с адвокатом Ходорковского Антоном Дрелем, и Антон обстоятельно рассказывает мне историю про то, как Ходорковский выкидывал смокинг.

Эта история, скорее всего, недостоверна, скорее всего, байка, неизвестно кем, когда и зачем придуманная. Но Антон рассказывает ее, потому что...

Потому что однажды Ходорковский, дескать, был приглашен на прием к английской королеве. Это мифологема такая. Еще с советских времен. «На прием к английской королеве» — это высшая степень мирового признания, которой может добиться советский человек. Гагарин был приглашен на прием к английской королеве. Первый человек в космосе. А потом Ходорковский был приглашен — значит, он почти Гагарин, почти первый и почти в космосе. Для похода на прием к английской королеве, дескать, не хватало Ходорковскому только смокинга. Он купил смокинг, посетил Ее Величество, а вернувшись из дворца в гостиницу, немедленно смокинг снял и выбросил в мусорную корзину. На том основании, что предпочитает ходить в джинсах и свитере и уж смокинг-то ему точно никогда в жизни не понадобится, а если понадобится, так новый купит.

Выкинул смокинг в мусорную корзину, уехал в аэропорт и улетел из Англии.

А потом, рассказывает Антон Дрель, гостиничная обнаружила в мусорной корзине президентского люкса новенький смокинг. Сдала, дескать, в химчистку, отутюжила, упаковала в конверт и заказной почтой отправила Ходорковскому в Москву.

А он, дескать, вскрыл конверт, обнаружил смокинг и выкинул в мусорную корзину уже дома. Но и домашняя прислуга, обнаружив в мусорном ведре совершенно новый смокинг, подумала, что Михаил Борисович случайно его выкинул, снесла в химчистку, отутюжила и повесила в шкаф.

И так, дескать, все не мог Ходорковский выкинуть смокинг. Все возвращался он, как в старинном анекдоте к австралийскому аборигену возвращался тщетно и неоднократно выброшенный бумеранг.

Антон рассказывал. Я жевал суши, смотрел на Антона и не пытался возражать. Фактологически история маловероятная: скорее всего, и Ходорковский не стал бы выбрасывать новую вещь, и уж гостиничная прислуга не стала бы высылать постояльцу что бы то ни

было, выброшенное оным в мусорное ведро. Но Антон рассказывал, а я сидел и кивал.

Мы оба понимали: история не про то, как Ходорковский выкидывал смокинг, а про то, что Ходорковскому не нужны реликвии — не тот уровень. И в этом никаких сомнений. С этим я согласен.

15. ГЛАВНАЯ ЖЕ РЕЛИКВИЯ у рублевского обывателя — дом. Понятно, что дом на Рублевке должен быть как-то по-особенному устроен. Но как — неизвестно. Нет никакого рецепта, чтобы дом на Рублевке делал хозяина сильнее.

Чаще наоборот. Рублевские дома отталкивают, создают хозяину дурную репутацию.

Вот доктор Анри, например, работает в Жуковской клинике, лечит людей: днем — богатых за деньги, ночью — бедных бесплатно. Всех этих бабушек, с незапамятных времен живущих в покосившихся домиках вдоль дороги и не понимающих, что только домик их мешает участку стоить миллионы долларов. Или понимающих, но все равно не продающих миллионного участка: кто по сентиментальным соображениям, потому что тут родина и зарыта под яблоней плацента родившегося в этой избушке и сгнувшегося на афганской войне сына, а кто из страха, потому что множество совершалось мошеннических сделок с этой землей и множество раз обманывали наивных аборигенов черные нотариусы. Так и живут: торгуют колотыми дровами, лечатся по ночам у доктора Анри.

Главный врач намекает доктору, что, дескать, догадывается о его ночной филантропии. Поосторожнее, дескать, с филантропией, богатый пациент вряд ли ведь захочет лечиться в тех же кабинетах и теми же инструментами, которыми пользуют по ночам бедняков. «Понимаю, — говорит главврач, — клятва Гиппократова. Но поосторожней все-таки». А сам надеется, что постепенно остепенится доктор, обзаведется частной практикой, бросит вредное для медицинского бизнеса хождение в народ. Да так и случается. Постепенно сдруживается доктор Анри с богатыми дневными пациентами, настолько, что однажды получает от одного из них приглашение на именины. И едет по указанному адресу.

А там — что за чудо: дома нет, а стоит православная церковь. Доктор звонит имениннику, говорит, что заблудился. Но нет, не заблудился: церковь — это и есть дом, въезжай, доктор. Ворота открываются, доктор въезжает в церковь прямо на машине и не знает, то ли лоб крестить, то ли машину парковать.

А хозяин ведет доктора в надвратную часовню и показывает мощи. Говорит, святого князя Владимира. Говорит, специально отрядил экспедицию профессиональных археологов из головного института Академии наук — искать. Те нашли и даже дали официальный сертификат подлинности из своего научно-исследовательского института, что останки именно князя Владимира, мумифицированные неизвестным науке способом (то есть чудо). И вот лежат теперь мощи в золотой раке, и доктор не знает, прикладываться ли. Из вежливости прикладывается.

Хозяин ведет его дальше по дому. Сразу, как выходишь из часовни, — огромная трапезная, посередине — подиум. А у самого подиума стол накрыт на двоих. Потому что никого, кроме доктора, хозяин на именины не ожидает. И доктор даже начинает понимать почему: кто же поедет к человеку, у которого над воротами дома в золотой раке мощи святого князя Владимира с сертификатом подлинности из археологического института?

Садятся ужинать. Наливают. И при первом же бокале вина принимаются дефилировать по подиуму модели в откровенных платьях последней коллекции Роберто Кавалли. И хозяин спрашивает, не желает ли доктор, чтобы модели платья поснимали. Доктор же не знает, как ноги унести из дома, где над воротами — сертифицированные мощи, в гостиной — показ мод, а людей никого, кроме прислуги да этих самых моделей, которых автобусом привезли и автобусом увезут. Досиживает кое-как до десерта, раскланивается и на следующий же день подает в своей клинике заявление об уходе. Со снижением зарплаты впятеро устраивается в больницу в Москве и навсегда зарекается работать на Рублевке врачом, тем более иметь частную практику. А у давешнего именинника разом пропадают и лечащий врач, и единственный, он же последний гость.

Подобные шутки часто шутят рублевские дома со своими владельцами. Вот, например, Настя Чуковская с подружками бежит

привычно по тихим улочкам своего дачного поселка в Жуковке. Бежит, прижимая к груди куклу, и вдруг видит на месте легендарной дачи академика Сахарова бульдозер и подъемный кран. Девочкам интересно, они пробираются сквозь дырку в заборе, лазают по развалинам, которые при других обстоятельствах потянули бы на музейные экспонаты. Особенно занимает девочек широченная, отлитая уже из бетона и покрываемая мрамором лестница к будущему дому, не имеющему даже фундамента. Это какой же будет дом, если такое крыльцо? Это сколько же человек будут жить в таком доме — полк? Или, может, тут поселятся великаны?

Вечером за ужином взрослые обсуждают, что дом академика Сахарова купил и снес Мартин Шаккум^[4], который только тем и прославился, что однажды баллотировался в президенты России и набрал чуть больше одного процента, а с тех пор избирался депутатом от правящей партии (какая бы ни правила). А может, и не Шаккум — взрослые не знают точно, слухами полнятся рублевские поселки. Знакомиться с соседями и проверять факты не принято. Принято ворчать, что разрушаются, дескать, памятники — вот дом академика Сахарова! Это Настя слышит от взрослых за ужином, но не говорят взрослые, что и сами едва ли знают, как сохранить собственный дом, столь же мемориальный, принадлежавший Настиному дедушке великому композитору Шостаковичу. Трудно его сохранить: обветшалый, с неудобной планировкой, со сталинских времен неудобной и разболтанной мебелью, со старинным железным лифтом, ведущим с первого этажа на второй, который нарочно был пристроен, когда великий композитор одряхлел, — лифтом, в котором гений застревал иногда на полдня, лифтом, которого маленькая Настя боялась, когда Шостакович умер и его лифтовая комната стала Настиной спальней. Особенно трудно сохранить все это, потому что мемориальный дом с лифтом только мешает участку под домом стоить миллионы долларов.

По пальцам можно перечесть случаи, когда даже очень богатому человеку удалось бы сохранить даже очень мемориальный дом. Да и то всегда с потерями. Редчайший случай — дом Петра Авена в Барвихе, в котором жил писатель Алексей Толстой. Государственная дача,

выданная для проживания главному в ту пору пролетарскому писателю лично товарищем Сталиным.

Дом оброс легендами, как обрастала легендами в Советском Союзе всякая видимость благополучия.

В воспоминаниях современников Толстого и даже в позднейшей компиляции Адриана Рудомино «Легендарная Барвиха» про этот дом — дифирамбы: какие там устраивались званые обеды, какие там подавались особенные огурцы, засоленные с гвоздем, чтобы гвоздь придавал огурцам хруста... Но нынешний владелец Петр Авен, человек внимательный, дотошный, недоверчивый и потому изучавший свой дом по околотолстовской частной переписке, показывает мне комнаты, отскобленные до чистого дерева, и говорит: прежний именитый хозяин был здесь глубоко несчастен. Мы поднимаемся по лестнице, которая выстроена заново — Толстой по ней уже не поднимался. Массивные ступени еле слышно поскрипывают у Авена под ногами (такая вокруг тишина), и банкир говорит:

— Толстой на старости лет отчего-то хотел жениться. И женился на Людмиле Крестинской-Барщевой. Только она, кажется, совсем его не любила. Он, пока был в силе, все устраивал для жены праздники, но ничто ее не радовало.

— А Рудомино, — перебиваю, — пишет, будто Людмила Ильинична была счастлива, пока жила в Барвихе, а несчастна стала, только когда ее выселили с государственной дачи.

— Не знаю, — Авен пожимает плечами. — Насколько мне известно, когда Толстой одряхлел, жена сдала его тут неподалеку в партийный санаторий. Он все писал оттуда, просился домой, но она не приняла. Там он и умер. Не дома.

Мы поднимаемся на антресоль, где стоит пара детских кроваток, разложены аккуратно детские вещи и косолапятся под креслом тапочки, принадлежавшие прежде няне. Но не слышно ни детских голосов, ни уютного няниного шарканья. И вообще — никого. Гулкая тишина. Семья Авена живет в Англии. Теперешний хозяин тоже, кажется, не слишком-то счастлив в этом доме. Про былое счастье напоминают только редкие фотографии: Авен в обнимку с Гусинским, хохочущий Авен с хохочущим Березовским, Авен под руку с Ельциным — жизнь шла в гору, время, которого не вернешь. Ибо

человек счастлив не тогда, когда живет на четырехмиллиардной горе денег, а когда идет в гору, пусть и не столь головокружительную. Я:

— А вот Адриан Рудомино...

— Глупости все пишет ваш Рудомино! — отмахивается Авен без злобы, но и с некоторым раздражением. — Он и сам признал, что глупости.

Адриан Рудомино в книге «Легендарная Барвиха» сообщает, что после смерти Толстого дача его передана была кремлевскими хозяйственниками для пользования министру связи СССР Псурцеву. И Псурцев, дескать, все годы, пока на этой даче жил, бережно сохранял мемориальный кабинет Толстого. Авен же (пишет Рудомино) мемориальный кабинет разрушил, дом весь изнутри перестроил, а сам прогуливается вокруг с женой и охранником, и «на лицах написано полное безразличие и презрительное отчуждение», а «о том, чтобы раскланиваться, как то полагается, с соседями, и речи быть не может». Авен машет рукой: «Рудомино приходил ко мне. Когда надо было какую-то рощу защищать от застройки. И я ему говорю: что же вы пишете, будто я не здороваюсь с соседями? Он засмутился». — «А вы?» — «Ну, помог как-то защитить рощу».

По рассказам Авена, когда он приехал смотреть этот дом, относившийся все еще к кремлевскому хозяйству, тут не было ни толстовского мемориального кабинета, ни старинной мебели, ни даже исправного водопровода.

— Во всех комнатах, — говорит Авен, — кровати стояли, потому что был тут бордель. Я дом выкупил за очень приличные по тем временам деньги. И рабочие долго выносили всю эту дрянь и грязь. Кроме стен, нечего было сохранять.

Так говорит Авен, в то время как с легкой руки Рудомино распространяется по соседям слух: «Хоть и говорят, что он коллекционирует картины мастеров “Голубой розы”^[5], Алексей Николаевич Толстой ему оказался безразличен».

И вот я стою в этом пустом доме, и на стенах не только мастера «Голубой розы», но и «Бубнового валета»^[6], и Врубель, и Серебрякова, и Кустодиев — живопись, в которой Авен разбирается тончайше. Стою и думаю: вот же дом, на стенах которого развешано картин, которых

хватит на приличный европейский музей. А у хозяина, тем не менее, репутация варвара, разрушающего памятники культуры, ибо таково свойство домов на Рублевке: в них нужно не просто жить, но еще и объяснять всему миру, почему живешь так, а не иначе.

В конце 90-х, чтобы владельцам легче было совладать с социальной функцией своих рублевских домов, появилась даже отдельная профессия — не архитектор, не декоратор, а что-то вроде домового продюсера. Его задача — строить дом и одновременно легенду о доме.

Одним из таких людей долгое время был мой приятель Григорий Масленников, до тех пор пока не увлекся проектированием некоего механизма, которого не существует в природе. По профессии Григорий горнолыжный инструктор. Это многое объясняет. Он легко относится к жизни, двадцативосьмидневный роман (срок горнолыжной путевки в советское время) кажется ему уже долгими отношениями, а про деньги Григорий не знает, откуда они берутся. Притворяется, конечно. Просто берутся они откуда-то, и все по той зыбкой причине, что «у реального пацана должны же быть на кармане деньги».

Приехав с Кавказа в Москву, свою жизнь на Рублевке Григорий начал с того, что подыскал место, похожее на Домбай, по которому тосковал. В деревне Лайково ландшафт показался Григорию сродным кавказскому — холмы, перелески. А когда встал вопрос, какой дом строить, Григорий выдвинул жизнеспособную легенду: дескать, дом — это просто, у бедного человека должно быть что-то типа шалаша с костром, у состоятельного — плюс-минус шале с камином. И построил шале с камином, ориентируясь на лучшие альпийские образцы.

Теперь трудно представить, какая в 90-х это была архитектурная революция. Тогда главным рублевским декоратором являлся некий Рубашкин^[7]. Он оформлял дома так, чтобы одна зала в древнеегипетском стиле, другая — в древнегреческом, третья — в древнеримском, четвертая — в средневековом^[8]... В целом у человека, идущего по рубашкинскому дому, возникало такое чувство, будто он третьеклассник, которого привели на экскурсию в музей, да не в Эрмитаж, где все подлинное, а в Румянцевский^[9], где копии. Как только интеллектуальное развитие домовладельца и его гостей

преодолеvalo уровень начальной школы, жить в доме, декорированном Рубашкиным, становилось невозможно.

Тут-то и появились шале с камином по рецепту Григория Масленникова. И несколько лет Григорий с продюсируемыми им домами был нарасхват — ровно до тех пор, пока не застроились холмистые окрестности Лайкова. На равнинной части Рублевки альпийские масленниковские шале смотрелись не менее глупо, чем рубашкинские экзотариумы. Сидя на «Веранде у дачи», глядя в окно на строящееся напротив швейцарское шале, отчетливо понимаешь: с этим шале Жуковка не станет выглядеть Гштаадом. Наоборот, шале подчеркивает, что Жуковка не Гштаад. Российская грязь под колесами роллс-ройсов и ягуаров еще заметнее. А Григорий Масленников сетует на вымирание эксцентричных рублевских фриков, которым то часовню подавай, то шале, то мощи. Все усреднилось, и рублевские домовладельцы выстроились в подобострастную очередь — копировать западные образцы.

16. ОДНИМ ИЗ ПЕРВЫХ ЛЮДЕЙ НА РУБЛЕВКЕ, придумавших образцово-показательную жизнь на европейский манер, был сосед Григория по Лайкову водочный производитель, торговец дорогими напитками и банкир Рустам Тарико. Рустаму чуть ли не первому на Рублевке пришло в голову, что образ жизни (рублевское словечко — лайфстайл), если афишировать его и тиражировать, может стать такой же реликвией, как дом, машина или кремлевский пропуск. То есть может придать человеку могущество. Чуть ли не с Рустама первого начался в России персональный пиар, создание имиджа не для какой-то конкретной цели, а впрок. Имидж, как выяснилось, всегда можно применить для укрепления своего общественного положения, развития своих проектов, роста своего бизнеса, приближения к деньгам и власти — одним словом, применить для «прокачки», как выражаются геймеры, называющие «прокачкой» прохождение уровней игры и совершенствование разных полезных качеств своего игрового персонажа.

«Что ж такого? — как бы говорил Рустам каждым своим поступком, вернее, каждой журнальной заметкой о его поступках, каждым

телевизионным сюжетом. — Живу европеец европейцем. Принят в высшем европейском обществе. Дружу с европейской элитой...»

Чуть ли не первым из новых российских богачей Рустам стал всерьез тратиться на создание своего имиджа, причем — надо отдать ему должное — делал это без скупости, с недурным вкусом и некоторой даже изобретательностью. По совету грамотных пиарщиков окружал себя журналистами и деятелями культуры, если культурой называть популярную музыку. Причем не платил им денег прямо, а именно дружил. И правильно делал: деньги — дело опасное, они суть инструмент куда более высокого уровня Игры, нежели тот обывательский уровень, который мы теперь описываем.

Здесь, на обывательском уровне, деньги синонимичны свободе. Получая деньги, человек не чувствует себя обязанным делать что-нибудь сверх указанного в контракте. Не должен сочувствовать, соучаствовать. Закончил работу и ушел. Человеку, оперирующему деньгами, плевать на реликвии. И потому Рустам Тарико расплачивался со своей клиентелой маленькими реликвиями успешной жизни: путешествиями, ночами в дорогих отелях, морскими прогулками. Он снял, а потом и купил виллу на Изумрудном Берегу Сардинии, нанимал самолет, сажал туда веселую компанию журналистов, сотрудников своей фирмы и бывших своих подруг — да и вез их всех на море. Там селились в гостиницах «Порто Черво» и «Кала ди Вольпе», валялись на пляже, пили розовый «Крюг», ели омаров, приготовленных по особому местному рецепту, и катались на быстроходных лодках, до которых Рустам был большой охотник. Разумеется, за все, включая напитки из мини-бара, платил Рустам, а толпы журналистов жили вокруг него паразитами.

Однажды в этой компании веселых и остроумных паразитов оказался и я. Причем в такой момент, когда Рустам устраивал в Порто-Ротондо гонки на быстроходных морских лодках, которых у него к тому времени имелось уже, кажется, три штуки. Я спрашивал его: зачем все это? Зачем покупать лодки, участвовать в гонках, устраивать гонки? Рустам отвечал, что ведь в Европе не принято жить на море и не участвовать в морской жизни. Он говорил об этом, как о чем-то само собой разумеющемся, и так, будто действительно существует какая-то морская жизнь, а не просто богатые люди от нечего делать

покупают себе быстроходные катера и гоняют на них между Сардинией и Корсикой.

Съехалось много гостей. Однажды вечером, когда мы пили (куда только влезало?) шампанское перед ужином, за столик к нам подсел познакомиться экс-чемпион мира по этим самым гонкам на катерах Гвидо Капеллини. Оказался симпатичным крепким парнем, который ни про что, кроме катеров, говорить не способен или не хочет. Подсел и пожилой человек, производитель лодок, у которого Рустам — любимый клиент.

А на следующий день состоялись соревнования. И как-то так были придуманы правила, как-то так согласно этим правилам сочетались гонки с навигацией, что победил не Гвидо Капеллини, как ожидалось, а Рустам Тарико. Рустама поздравляли, он скромно принимал поздравления и на радостях устроил большой праздник в Порто-Ротондо с салютом и каким-то проходимцем в красных мокасынах, про которого следовало знать, что он известный артист.

А еще через день за обедом, когда стайка московских журналистов собралась вокруг Рустама и заливала свое подобострастие розовым «Крюгом», помощница банкира принесла главное в Италии спортивное издание *Gazzetta dello Sport*. Там соревнованиям в Порто Ротондо посвящалась целая страница. Разъяснялись хитроумные правила, описывались ходовые характеристики гоночных лодок, улыбался на фотографии, поднимая кубок над головой, победитель Рустам Тарико, про которого сказано было, что он возрождает забытую на Сардинии морскую жизнь. Журналисты передавали друг другу газету и кивали с пониманием. Каждый готовился написать в свое издание про Рустама Тарико, который здесь, в Средиземноморье, практически свой.

Из сидевших тогда за столом итальянский знали я и Рустам. Но и прочие журналисты были не безъязыкие: по аналогии с английским или французским в состоянии были разобрать поверх газетной полосы заметную надпись «На правах рекламы». Но Рустам молчал об этом, и мы все молчали.

На самом деле Тарико прекрасно понимал, что никакой он здесь не свой. Что никакой морской жизни на Сардинии отродясь не бывало, поскольку остров населен скотоводами, а не моряками. Что северный

берег, бедный пресной водой, вообще пустовал, пока в 60-е годы не пришли арабские нефтяные нувориши и не понастроили искусственных вилл и искусственных улиц с бутиками. Что Гвидо Капеллини нанят за деньги. Что владельцы спортивных лодок согласились участвовать в соревнованиях, потому что Рустам взял на себя оплату морских развлечений днем и банкета в Порто Ротондо вечером.

Полагаю, Рустам это понимал. Как и то, что здесь, на Сардинии, праздник вокруг синьора Тарико секунды не длился бы, перестань синьор Тарико платить за эту самую секунду.

Более того, полагаю, что Рустам, в отличие от своей клиентелы, понимал и другое: праздник устроен не ради натурализации Рустама Тарико в Италии, но ради продолжения и развития той Игры, которая ждет Рустама в Москве на Рублевке. Стать своим в Европе или Америке практически невозможно. Все равно останешься богатым русским, кем-то вроде Пиноккио, за которым вечно гоняются Лиса и Кот. Но дома, на Рублевке, можно стать заметно сильнее, если значительное число игроков поверят в твою европейскость, в то, что там, в Европе или Америке, у тебя дом, счет в банке, футбольный клуб, отель, музей, ресторан или вот — популярные гонки на скоростных морских лодках.

Европейцы удивляются: зачем это русские богачи ведут себя в Европе так заметно? Для чего, например, рублевские жители покупают автомобиль «Феррари» и попадают на нем в аварию на Английской набережной в Ницце? А ответ прост: для того чтобы их европейскую жизнь заметили. Причем издали, с Рублевки, где разворачивается захватывающая и захватившая их Игра.

17. ПОПАСТЬ В ЕВРОПЕ В АВАРИЮ, а еще лучше — попасть ненадолго за нарушение правил дорожного движения в монашескую тюрьму — это тоже атрибут Игры, который засчитывается на далекой Рублевке. И тут имеет значение, на какой машине попасть. Не на арендованном же «Опеле». Французским полицейским, недотепам, все равно. Хоть на велосипеде нарушь правила. Но не все равно на Рублевке. Тут за маркой и цветом автомобиля следят пристально —

атрибут. Цвет и марка автомобиля многое могут рассказать о хозяине. А могут и соврать.

Черный — цвет власти. Черный мерседес последней модели означает принадлежность к власти действующей. Большой черный внедорожник — что-то военное. Из черных гелендвагенов составляется кортеж Первого Лица. А режиссер Никита Михалков раз за разом меняет одинаковые черные ренджроверы. И неспроста: позиционирует он себя не столько художником, сколько военным. Фильм снимал про войну, возглавил общественный совет при министерстве обороны и в качестве главы совета имел (теперь уж отняли) не вполне законную мигалку на крыше.

А приятель мой телеведущий Евгений Ревенко непосильный кредит взял, только чтобы купить себе черный «Рендж Ровер». Казалось бы, не по статусу. Телеведущий да на военной машине?

Но нет: вырос в военном городке, то есть военный отроду, служил пресс-секретарем правительства, что по табели о рангах значит генерал, а теперь на телевидении тем и объясняет свое участие в государственной пропаганде, что солдат, выполняет приказы, даже если не согласен с ними.

А невоенный человек и не государственный должен иметь на Рублевке машину любого цвета, кроме черного. Но обязательно новую, если, конечно, ты не Александр Мамут, разъезжающий на винтажном «Бентли», потому что Мамут — меценат, поддерживает и возрождает культуру, о чем и свидетельствует нарочито несуразный, но очень дорогой и очень красивый автомобиль.

Много автомобилей иметь не принято. Сбивает с толку. Если автомобилей у одного человека больше двух, то это, скорее всего, несерьезный человек: что-то вроде рэпера Тимати или телеведущего Владимира Соловьева, который вечный мальчик, хоть и отец семерых детей. Множество машин иметь несерьезно, как и множество колец на пальцах.

А серьезней всего на Рублевке иметь подержанную дешевенькую «Ладу», если при этом ты молодая девушка и дочь миллиардера. Значит, купила на свои деньги, не на папины — серьезная заявка на самостоятельный вход в Игру.

18. НА СТАРЕНЬКОЙ «ЛАДЕ» и ездила Юля Шахновская (о! подождите, она еще станет директором Политехнического музея в эпоху имитации технических инноваций!). Машинка эта была атрибутом самостоятельности. Чтобы добыть такую реликвию, понадобилось найти работу. А работа на Рублевке — тоже ведь атрибут Игры.

Тут редко кто работает ради хлеба насущного. Если купил тут дом, то деньги, потраченные на него, мог бы консервативно разложить по инвестиционным фондам и банкам — и жить на ренту. Не-е-ет, тут работают не ради пропитания. Работа (равно как и демонстративное пренебрежение ею, праздность и веселье) предоставляет человеку новые возможности, новые знакомства, новые шансы — «прокачивает» человека, как сказали бы геймеры. Беда только в том, что молодым людям довольно трудно объяснить, зачем работать, если живешь на всем готовом, а у родителей достаточно денег, чтобы исполнить любой каприз.

Василий Шахновский, впрочем, довольно легко объяснил необходимость работать дочери своей Юле, как только той исполнилось семнадцать лет. Юля рассказывает, что буквально на следующее утро после праздника за завтраком отец заявил, что денег больше не будет. То есть еда на столе останется, конечно. И одежда девушке будет, конечно, покупаться по мере необходимости. Но на карманные расходы отец больше не даст. Ни копейки. Никогда.

— Ты уже взрослая, — сказал Шахновский. — Если тебе нужны деньги, пойди и заработай.

Шел последний год счастливого существования компании ЮКОС. Шахновские жили в поселке Яблоневый сад. Их дом стоял бок о бок с домами Ходорковского и Лебедева. Жили весело, ходили друг к другу в гости. ЮКОС был такой огромной компанией, что в ней, разумеется, нашлось бы место для семнадцатилетней девчонки, которую папа хочет приставить к делу. Но Шахновский настаивал:

— Ты уже взрослая. Ты должна найти работу сама.

На территории поселка был спортивный клуб. Девочка могла бы работать там каким-нибудь помощником менеджера. У соседа Ходорковского был огромный благотворительный фонд «Открытая Россия», занимавшийся образовательными программами — девочку

можно было пристроить туда. Опять же, на территории поселка был дом приемов, значительную часть которого оккупировал Платон Лебедев, разместивший там своих финансистов. Неужели в финансовой службе Лебедева не нашлось бы места для Юли, которая Лебедеву как родная? Но Шахновский настаивал: «Ты взрослая. Ты должна найти работу сама. Причем вне компании ЮКОС, потому что работа в компании, где отец — твой начальник, не предоставит тебе ни одного шанса, никогда». В свои семнадцать Юля, пожалуй, не понимала, о каких таких шансах говорит отец. Теперь понимает. Речь шла о возможности войти в Игру. Вроде той, которая представилась режиссеру НТВ Вере Кричевской. Шанс войти в Игру, который работа в московской мэрии предоставила и самому Василию Шахновскому в августе 1991 года.

Тогда, в августе, когда путч провалился, генерал Пуго покончил с собой, а других участников ГКЧП арестовали; ликующие защитники Белого дома, не находя выхода своему упоению, направились к зданию Комитета государственной безопасности на Лубянке. Они шли, выкрикивая лозунги свободы и демократии. И они шли, чтобы захватить здание КГБ, выворотить на свет божий все документы, все архивы, все секреты охранного ведомства и тем самым покончить раз и навсегда с советской властью, назвать и судить всех преступников, эту власть представлявших.

Остановить этих людей было нельзя. Во-первых, потому, что они были толпой, огромной толпой, остановить которую невозможно даже при помощи оружия. Во-вторых, потому что на сторону толпы перешла армия, опрометчиво введенная гэкачепистами в Москву. Если бы КГБ взялось защищать свои тайны с применением оружия, в Москве на Лубянской площади завязался бы бой и спецслужбисты проиграли бы его. Суд, а то и казнь ожидали бы не только сотрудников КГБ, но и функционеров коммунистической партии, членов правительства, союзного и московского — всех, кто подвернулся бы под руку ликующей толпе. Сотруднику мэрии Василию Шахновскому тоже, пожалуй, досталось бы. И он, пожалуй, это понимал.

Говорят, именно он придумал возглавить толпу, которую нельзя было остановить. Именно он в мгновение ока нашел и пригнал на

Лубянскую площадь подъемный кран. Именно он пустил по толпе лозунг демонтировать памятник Дзержинскому.

До этого момента недорого стоила способность Василия Шахновского пригнать подъемный кран. Но в тот момент любой генерал КГБ отдал бы за подъемный кран полцарства. Толпа, еще час назад желавшая выпотрошить КГБ, теперь ликовала, глядя, как снимают с пьедестала памятник. А когда памятник погрузили на грузовик и увезли, люди разошлись с чувством выполненного долга. В то время как позади памятника, в здании КГБ, заканчивали вывозить и перепрятывать архивы, уничтожать документы, не пригодные для наступившей новой эпохи. За этот подъемный кран, говорят, навсегда остались благодарны Василию Шахновскому высокопоставленные кагэбэшники. Эксплуатация этой благодарности была, говорят, главной служебной обязанностью Шахновского в компании ЮКОС. И все та же благодарность спасла Шахновского, когда компанию разрушали — по тем же обвинениям, по которым Ходорковский и Лебедев сели в тюрьму на восемь лет, Шахновский получил год условно и уехал в Швейцарию.

Не зная еще финала своей истории, тем не менее вот про какого рода шанс говорил Шахновский дочери. И она нашла работу. Походила по юридическим фирмам и нашла, на должности помощника. Разумеется, фамилия помогла ей. Но это же была ее фамилия. Довольно скоро, учась в университете и работая, Юля купила себе первый автомобиль, подержанную «Ладу», которая интересно смотрелась в поселке миллионеров — вызывала уважение.

19. ПРИ ЭТОМ НАДО ПОНИМАТЬ, что из всех рублевских реликвий работа — самая опасная. Хорошо иметь дорогую машину, но опасно: ее могут угнать, причем даже и выкинув из салона хозяина, ночью, на пустой дороге. Но на то охрана. Хорошо иметь украшения с бриллиантами, но их могут украсть, пробравшись в дом и взломав сейф. Но на то заборы да собаки. Хорошо иметь дом, но опасно и это: дом может понравиться кому-нибудь, кто сильнее, дом могут отобрать по суду, подкупив судей. Но на то юридическое крюкотворство,

оформление домов на зарубежные компании, а не на частных владельцев.

Хуже с работой. Хорошо иметь престижную работу. Но она опасна сама по себе, и опасности защиты в должностных инструкциях, в штатном расписании, а главное — в неписанных правилах лояльности по отношению к компании, в которой работаешь, в правилах, соблюдение которых важнее для репутации человека, чем все писанные рекомендации и характеристики с предыдущего места службы.

В этом смысле работающий рублевский житель подобен пожарному. Дежурит в уютном офисе, читает газеты, занимается спортом, проверяет комплектность инвентаря, а то и просто спит — и все это ради того, чтобы был на нужном месте верный человек, ибо однажды случится тревога и придется идти в огонь. За секунду до объявления тревоги все спокойно и ничто не предвещает, но вдруг раздается звонок.

Как ранним утром 5 октября 2003 года. Когда раздался телефонный звонок, адвокат Антон Дрель спал. Звонил помощник Михаила Ходорковского, владельца нефтяной компании ЮКОС, на которого адвокат Антон Дрель работал. Работа была непыльная: адвокат Дрель занимался личными юридическими делами Ходорковского, если в двух словах — юридически оформлял минимизацию налогов патрона. Рутинная была работа, не творческая. Зато теперь адвокат Антон Дрель встал с телефонной трубкой с постели, подошел к окну, смотрел на свежевыпавший снег и думал: «Вот оно, началось!» Телефонная трубка кричала: «Люди из ФСБ! Они взяли Михаила Борисовича и куда-то увели. А мы сидим в самолете и не знаем, что делать!»

Адвокат задавал дополнительные вопросы: «Сколько людей из ФСБ? Какие документы предъявляли? Откуда вообще известно, что они из ФСБ? Когда именно произведен арест? Где? В Новосибирске?..» А сам думал: «Началось!» И жена уже встала, готовила Антону завтрак и вещи в дорогу. И на немой его вопрос, заданный одними глазами, дескать, зачем вещи, отвечала, пожав плечами: «Ты же в Новосибирск сейчас летишь?» То есть понимала и она, что да, началось.

С этого дня жизнь адвоката Антона Дреля переменилась. Из аккуратного составителя бумаг он превратился в политика, в шпиона, в Мату Хари, в подпольщика, в организатора сопротивления — в кого

угодно, только не в хладнокровного юриста, ибо юристы здесь, на Рублевке, никогда не бывают своим клиентам просто советчиками, а бывают для них лазутчиками — или за них заложниками.

Кроме обычной адвокатской работы (оспаривать в суде арест Ходорковского, собирать группу адвокатов, присутствовать на допросах, ходить в следственный изолятор, писать жалобы) Дрелю приходилось еще и передавать от подзащитного просьбы и распоряжения на волю, задавать подзащитному вопросы, которые хотят задать известные журналисты, налаживать переписку подзащитного с внешним миром, гласную и негласную, говорить от имени подзащитного с обществом, вести от имени подзащитного переговоры черт знает с кем, представляющимся переговорщиком от власти.

Всю эту деятельность, больше похожую на шпионское кино, Антон вел несколько лет. И все это время внимательно оглядывался, следил за знаками, ловил намеки. И однажды... Однажды адвокату Антону Дрелю передали из прокуратуры очередной том материалов по делу Ходорковского. В этих материалах (можно было бы подумать, по ошибке стенографистки) Антон Дрель именовался не адвокатом, а обвиняемым. Много раз: «обвиняемый Ходорковский в присутствии обвиняемого Дреля показал, что...» Непривычный к Игре человек пошел бы в прокуратуру и потребовал переписать документы. Сказал бы: «У вас тут ошибка, я не прохожу в качестве обвиняемого, я адвокат». Но Антон в Игре пообвык. Антон понимал, как это бывает, когда одним росчерком пера адвокат обвиняемого переквалифицируется в сообщника, после чего его арестовывают непосредственно здесь, в кабинете следователя. Еще не было нашумевшего дела юриста Магницкого, который по делу своего клиента был арестован и погиб в тюрьме. Еще не переквалифицировались в обвиняемые другие юристы ЮКОСа Василий Алексанян (погиб, отсидев долгий срок) и Светлана Бахмина (отсидела долгий срок, родила в тюрьме ребенка и только после этого была отпущена под нажимом общественности). Этих вопиющих случаев еще не произошло, но более мелкие прецеденты имелись.

И Антон Дрель совершенно однозначно понял эту как бы случайно вкрадшуюся в протокол «ошибку переписчика».

Единственное слово «обвиняемый» Дрель вместо «адвокат» Дрель явило собою намек. Прокурорские предупреждали Антона, выдвигали ему ультиматум. «Ошибка переписчика» означала: «Бросай это дело, уезжай отсюда, иначе мы живо переделаем тебя из адвокатов в подозреваемые — так же легко, как поменяли одно слово на другое в протоколах допроса». Антон собрал жену и дочек, уехал в Лондон, перестал отвечать на звонки с незнакомых телефонных номеров, перестал встречаться с незнакомыми людьми. И без особой необходимости никому на свете не говорит больше, где теперь живет.

20. ТАКОВЫ ПРАВИЛА. Неписанные рублевские правила. Соперника, врага, конкурента можно засадить в тюрьму по сфабрикованному делу, если имеешь на то силы и средства, но следует и предупредить заранее. Антон Дрель был предупрежден. Михаил Ходорковский был предупрежден перед посадкой. И всякий рублевский Игрок, которому предстояло попасть в жернова нашей судебной системы, бывал предупрежден заблаговременно. По правилам: если внял предупреждению, успеваешь уехать в Лондон и жить там спокойно. Не внял — попадаешь в тюрьму на практически бесконечный, всякий раз увеличиваемый срок. Таковы правила. Полный свод рублевских правил недоступен, нигде не записан, не выводим ни из какого разумного основания, неохватен, обновляется ежеминутно. И будучи Игроком, надо неустанно следить за тем, как правила обновляются. Не уследишь — проиграл.

Вот автор этих строк встречается с ресторатором Аркадием Новиковым поговорить про успешное рестораторство, а Новиков считывает его, то есть меня, будто книгу. Мокасины Tod's, джинсы Levi's, рубашка Etro, на запястье вместо часов цветные веревочки, повязанные, помнится, уличным марокканским торговцем в Турине — одет по правилам. Успешный журналист, и одет в карнавальный костюм успешного журналиста. Если бы у меня на руке были дорогие часы, Новиков бы отметил про себя — не по правилам. Если бы я носил костюм, шитый на Сэвил-роу, и это Новиков отметил бы — не по правилам. И если бы я был одет не по правилам, это значило бы, что либо я правил не понимаю, и тогда говорить со мной

бессмысленно, либо я пытаюсь ввести собеседника в заблуждение — и тогда говорить со мной опасно. Но я одет по правилам. И, стало быть, беседа пойдет по правилам: я задам вопросы, которые мне интересны — Новиков даст ответы, которые ему выгодны.

Из этих негласных правил немного мы можем выделить и сформулировать. И то разрозненно. Ну, например: мы говорили, что серьезный государственный человек должен ездить на мерседесе последней модели и черного цвета. Но не за рулем. А если за рулем, то тогда черного же, но БМВ, как премьер Дмитрий Медведев, когда посчитал нужным обратиться к гражданам о необходимости соблюдать правила дорожного движения. Почему если за рулем, то на БМВ — бог весть. Таковы правила, и они поважнее дорожных.

Или еще пример: жена успешного Игрока должна стричься в парикмахерской «Альдо Коппола» в Жуковке. Если не стрижется там, то, стало быть, подает всему миру сигнал бедствия: значит, либо семья на грани распада, либо у мужа значительные проблемы, либо тяжело больна. То же самое и с бриллиантами: на каждый Новый год успешный человек должен подарить жене или подруге бриллианты новой коллекции компании Chopard. Если не подарил или подарил прошлогодние, значит либо семья близка к разводу, либо бизнес — к краху. И серьги в ушах жены, колечки на ее пальцах — предупреждение всему миру. Так, например, бизнесмен Алексей Козлов, совершенно не разбираясь в украшениях, дарил тем не менее каждый год жене своей журналистке Ольге Романовой какие надо бриллианты. А она не носила, предпочитая копеечную бижутерию, подходящую журналистке, но не жене миллионера. Рублевские соседки по утрам в парикмахерской «Альдо Коппола» и по вечерам в ресторанах спрашивали: «Чем помочь?», «Неужели муж бьет?», «Неужели так плохи дела?». И никто особо не удивился, когда партнер Козлова Владимир Слуцкер натравил на бывшего товарища своего генеральную прокуратуру и упек Козлова в тюрьму. Все чего-то подобного и ждали. Жена ведь не носила бриллиантов — верный признак.

Не носить последней бриллиантовой коллекции можно и нужно только в одном случае: если наступил глобальный экономический кризис. Кризисный 2008-й Новый год женщины в рублевских

ресторанах и спа-салонах так и называли — Новый год без шопариков. И не в том дело, что их мужья в тот год и вправду не имели денег на новые побрякушки. Но если в кризисный год даришь жене новые бриллианты, значит не чувствуешь остроты момента, значит наживаешься, когда все теряют. То есть наживаться можно, но продемонстрировать преуспевание, в то время как у других кризис, нельзя. Таковы правила.

Систему рублевских правил проще понять даже не как свод неписаных законов, а как необходимый для продолжения Игры набор навыков. Это как машину водить или на горных лыжах кататься. Опытный человек бессознательно нажимает на газ, тормозит, переключает передачи, включает поворотники, добавляет тепла в печке или, наоборот, холода в кондиционере. А новичку все это не под силу, потому что пытается рулить сознательно, а не интуитивно. Вот так и рублевским новичкам не под силу угнаться за меняющимся сводом правил, стало быть, они — вне Игры.

Без правил на Рублевке жить можно. Но недолго и не интересно. В последние годы немало домов тут куплено новыми и случайными людьми. Владелец какой-нибудь газпромовской дочки из Когальма, тюменский мелкий нефтяник, милицейский чин, нахватавшийся взятки, — все они могут теперь, когда Игра подходит к концу, купить дом на Рублевке. И жить тихо. Могут даже предпринимать отчаянные попытки понять правила: посылать жен на курсы ношения модных платьев, сами записываться на курсы сомелье, чтобы разобраться в вине. Однако чем больше они мечтают жить по правилам, тем дальше от заветной цели. Ибо — парадокс! — правила существуют ровно для того, чтобы их нарушать.

21. СПЕКУЛИРОВАТЬ ПРАВИЛАМИ — это отдельная на Рублевке профессия. Занимательная, хоть и не очень, по рублевским меркам, доходная, да и не очень престижная. Если сумел выделить и сформулировать какое-нибудь правило, даже мелкое, если правило это принимается значительным числом Игроков, то в качестве изобретателя правила можно и заработать. Серьезный Игрок торговать правилами, разъяснять правила за деньги не станет. Выдумывание

правил — это следующий, более высокий уровень Игры. Но Игроку мелкому, которому правило досталось частное или случайно, почему бы и не продать — все равно ведь не знаешь, как приложить к делу.

Старинный мой друг Геннадий Иозефавичус, прежде чем превратиться в профессионального путешественника по дорогим отелям всего мира, был организатором праздников, сенешалем, как сказали бы в Средние века и как не говорят на Рублевке, а жаль — хорошее было бы правило. И вот однажды захожу я к другу в офис с целью дальнейшего совместного распития спиртных напитков, а там — посетители, клиенты, с которыми сенешаль ведет разговор.

Посетители из Сибири откуда-то. У их шефа, провинциального нефтяника средней руки (то есть состояние под сто миллионов долларов), юбилей — то ли тридцать лет, то ли сорок. Они просят сенешаля устроить праздник и высказывают пожелания: «Ну, хотелось бы, чтобы весело. Ну, чтобы русская кухня. Мы хотим, чтобы были пельмени, конечно же, потому что это наша сибирская еда. А еще мы хотим...»

Сенешаль некоторое время их слушает и вдруг вежливо перебивает: «Простите, но так, как вы хотите, вы ведь и сами можете организовать себе праздник. Вы ведь, наверное, пришли ко мне, чтобы я организовал вам праздник так, как я хочу», — это он утвердительно-твердым тоном говорит, не допускающим сомнений. И они застывают на полуслове. На лицах сначала недоумение, но почти мгновенно оно сменяется восторгом, детским согласием, доверчивостью даже какой-то и облегчением от того, что вот сидит перед ними человек, знающий правила.

— А как вы хотите? — спрашивают визитеры.

— Ну, разумеется, никаких пельменей. Разумеется, будут руккола и сыр. А на горячее...

Они еще не обсуждали гонорар. Но благодаря этим словам в несколько раз, если не на порядок, увеличивается сумма вознаграждения, ибо сенешаль продает рублевским неопитам не просто хорошо организованную вечеринку, а правило организации вечеринок — жевать рукколу и сыр, которыми юбиляр и его гости станут с непривычки торжественно давиться. И много лет пройдет, прежде чем юбиляр узнает (если узнает вообще), что нет такого

правила — подавать на закуску рукколу, что просто самому сенешалю нравится руккола, что на вечеринках в ЮКОСе, например, подаются маленькие пирожки, а вовсе не руккола, а в барвихинском ресторане — гречневая каша с луком. И запивать можно водкой.

Уж не юбиляр ли этот несколько лет спустя с мрачным лицом в монакском кафе будет выслушивать капризы юной спутницы «Я не люблю шампанское, оно кислое»? И станет повторять, как ребенку: «Надо выпить, привыкай, надо». И заставит бедняжечку выпить Dom Perignon, как лекарство.

22. У ГРИГОРИЯ МАСЛЕННИКОВА есть даже ностальгическая теория, описывающая правила нарушения рублевских правил. Ностальгическая потому, что хорошо применялась на практике в 90-е годы, с трудом работала в 2000-е, а теперь, когда Игра подходит к концу, не работает вовсе. Согласно этой теории, люди делятся на два типа: «лохи» и «пацаны».

«Лох» — ничего уничижительного, просто термин — человек, который соблюдает правила. Ездит по правой стороне дороги, останавливается на красный свет, платит налоги, отдает долги... При этом «лох» не обязательно беден, он может быть и богатым человеком, и успешным, но если богатства и успеха достиг, соблюдая правила, он «лох».

«Пацан» — человек, который нарушает правила. Даже не ради какой-либо цели, а просто всегда и принципиально нарушает все правила, какие может. Как бы постоянно раздвигает личные границы возможного.

Например, если на Рублевке стоит пробка, то «пацан», ничтоже сумняшеся, подъезжает к регулировщику (который, как мы знаем, может быть и офицером ФСО) и прямо предлагает пятнадцать тысяч рублей за то, чтобы поехать по встречной и чтобы инспектор еще и передал своим коллегам дальше по трассе не останавливать его автомобиль. Это срабатывает. Инспектор берет деньги. «Пацан» едет по встречной. Но если и на следующий день пробка, то снова поехать по встречной полосе за пятнадцать тысяч рублей «пацану» уже не интересно. Он подъезжает к полицейскому и, открыв окно, спрашивает

нарочито громко: «Инспектор, а месячный абонемент, чтобы по встрече ездить, у тебя сколько стоит?» Находится цена и «месячному абонементу».

Идеальный «пацан» стремится нарушать не только людские конвенциональные правила, но и физические законы, и физиологические. Если, например, жена забеременела и доктор на УЗИ говорит, что родится девочка, то «пацан» обязательно спросит, сколько стоит, чтобы был мальчик. Даже не потому, что хочет сына, а просто из удалства. А если «пацану» сказать, что товарищ его убит, то «пацан» непременно станет требовать от реаниматолога оживить покойного. Если доктор откажется, то смерть друга «пацан» будет объяснять не пулей в сердце и не разрывом аорты, а тем, что «айболит совсем зажрался и даже денег уже не хочет». Это не преувеличение, это реальный случай, рассказанный реаниматологом Н.

Другой реальный случай из своей практики рассказывает рублевский психотерапевт Виктория П. Ее пациент, четырнадцатилетний мальчик из очень богатой рублевской семьи, пытался покончить с собой после того, как отец уволил водителя — единственного человека, который с мальчиком разговаривал. Примечательно, что водитель был уволен за то, что остановился на красный свет. Мальчик рассказывал психотерапевту, что отец прямо на перекрестке выскочил из машины и с криками: «Ты че остановился? Это для тебя, что ль, красный? Пошел вон!» — выволок водителя из машины, сам сел за руль и уехал.

Психика ребенка, разумеется, не выдержала этой сцены, но родитель вел себя совершенно последовательно, возможно, даже и понимая, что травмирует сына. И делал это сознательно. Если останавливаться на красный свет, если не выгонять верного работника посреди дороги без выходного пособия, то психика ребенка, конечно, будет сохраннее, но зато взрослый потеряет свою пацанскую идентичность. И он выбрал идентичность в ущерб психическому здоровью сына.

Нарушая правила, «пацан» обычно понимает, какие могут быть последствия. Не останавливаясь на светофорах, рискуешь попасть в аварию. Не возвращая кредиты — в тюрьму. «Пацан» понимает это, но все равно не тормозит на перекрестках и не возвращает долгов.

Готовность к возмездию за нарушение правил называется на пацанском языке «ответить за базар». «Пацан» готов ответить, но втайне рассчитывает, что именно ради него правила возмездия будут изменены благодаря сплетению бизнес-интересов, взяткам или просто фортуне. Рано или поздно этот расчет не оправдывается, и «пацан» гибнет. Подробности гибели несущественны: может сложить буйну голову во время вертолетной охоты (губернатор Есиповский), свернуть шею во время снежокатных гонок (телеведущий и продюсер Супонев), убит конкурентами (не только криминальный авторитет Квантришвили, но и сотни других). Может под угрозой судебного преследования бежать из страны, спасая семью и остатки капитала (банкир Гусинский, банкир Смоленский, сенатор Шахновский, мэр Москвы Лужков).

Тем досаднее «пацанам», что сейчас, когда Игра подходит к концу, все жертвы их и все геройства оказываются напрасны. Григорий Масленников, тяжело вздыхая, признает, что теория его про «пацанов» и «лохов» не действует больше, потому что Рублевка заселилась людьми нового типа. Григорий презрительно называет их «карлики».

«Карлики» — люди, нарушающие правила безнаказанно, ну то есть без всякого для себя риска. С них как с гуся вода. Они безнаказанно воруют, безнаказанно убивают, безнаказанно нарушают не только законы страны, но и законы физики. Эта книга начиналась с описания инцидента, произошедшего на Рублевском шоссе с представителем президента в Госдуме Гарри Минхом, чья машина выехала на встречную и протаранила маленький «Опель» гражданки Ярош. Но сколько таких дорожных эпизодов! Рублевская мифология всерьез настаивает на том, что всегда в серьезных авариях травмы получают, а то и гибнут водители высокопоставленных «карликов», водители протараненных ими машин, пассажиры, прохожие... Но сами «карлики» — никогда.

Гарри Минх ли, вице-президент ли компании «ЛУКОЙЛ» Анатолий Барков — с них как с гуся вода. «Мерседес» Баркова врезается лоб в лоб в маленький «Ситроен». При столкновении погибает водитель Баркова и сидящие в «Ситроене» врач-акушеры Ольга Александрина и Вера Сидельникова. А Барков отделяется ссадиной на ноге. Легко объяснить, почему и Минх, и Барков признаны невиновными,

несмотря на протесты общественности. Это объясняется коррупцией, круговой порукой высокопоставленных чиновников и нефтяных бизнесменов. Но как объяснить физическую неуязвимость Баркова и Минха?

Барков в одном из интервью об аварии говорил, что выжил исключительно потому, что, сидя на заднем сиденье, был пристегнут ремнем безопасности. Поверить нельзя. Сколько ни ездил я в представительских автомобилях с бонзами и богачами, никто из них, сидя на заднем сиденье, не пристегивался ремнем.

Объясняя свое спасение, Барков дал такой очевидный, но такой неправдоподобный ответ, что кажется, будто нарочно сбивает с толку. Охраняет священную тайну рублевской неуязвимости, о которой еще пойдет речь в этой книге.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ТРЕНДСЕТТЕР

23. «БЫСТРО ОТКРЫЛ! Бегом, лошара! Бегом, я сказала!» — так или примерно так кричит интеллигентного вида блондинка в очках с переднего пассажирского сиденья черного «Мерседеса» S-класса. Охранник суетится. По инструкции, прежде чем открывать шлагбаум, он должен сверить номера со списком приглашенных. Но ведь и глаза у него есть. Видит, что автомобиль непростой. Черный новый «Мерседес» значит: государева служба. Но почему тогда нечиновного вида господин на заднем сиденьи, а блондинка с айпадом на переднем? Счастливый номер 117 с осмысленно подобранными буквами и федеральным флажком вместо регионального кода означает: особые привилегии. Но почему тогда блондинка не на заднем сиденьи, черт возьми, а на переднем? Дочка чья-нибудь? Разумеется, дочка, но почему тогда выглядит не гламурной кисой и не нарочито скромной студенткой, а наглой знайкой в очках? Еще секунда, и охранник узнает блондинку. Как же не узнаешь? Это же телеведущая Ксения Собчак. Совершенно сбитый с толку сторож поднимает шлагбаум, не сверивши номера. То есть идет на прямое должностное нарушение. И это правильно. Именно такое впечатление на лоха и должен производить рублевский Игрок второго уровня, которого мы условно называем трендсеттер, законодатель мод.

При случае я спрашиваю у Ксении Собчак: «Зачем же вы, Ксения, так орете на охрану?» И в ответ получаю скромно потупленные глаза, мотыльком порхающие реснички и извиняющуюся интонацию: «Вы правы, Валерий, это ужасно. Я стараюсь не орать, но видите ли, в чем дело, — они не понимают. Они не привыкли, что с ними разговаривают вежливо. Они принимают вежливость за слабость. И как только видят слабого, немедленно начинают издеваться, понимаете? Такой уж у них условный рефлекс выработался за многие годы. Приходится орать, хоть это и неприятно!»

Пока она говорит, у меня в голове случается такое же раздвоение сознания, как у вышеописанного охранника. Я вижу перед собой

интеллигентную девушку из профессорской семьи, и эту же девушку я видел орущей на охранника, будто рыночная хабалка. Два образа не сходятся, как не сходятся электроды в школьной динамомашине на уроке физики, когда учитель хочет показать детям разряд молнии. Чтобы проскочила молния, между электродами должен быть зазор. И точно так же логический зазор должен быть между поступками трендсеттера, если он хочет диктовать людям тренды. В этом смысле биография Ксении Собчак сплошь состоит из логических зазоров.

Впервые публично Ксения показалась на похоронах. Хоронили ее отца Анатолия Собчака, бывшего мэра Санкт-Петербурга, на которого в начале своей политической карьеры работал Владимир Путин. Путин приехал поклониться гробу бывшего своего благодетеля. Подходил к одетой в траур семье, тихо соболезновал, обещал помощь. В скором времени мать Ксении и вдова Собчака Людмила Нарусова сделалась сенатором, и понятно стало, что вот президент устроил семье бывшего начальника синекуру. Ксения, как планировалось, будет жить тихонечко, но в достатке, как и подобает дочери заслуженного, но всеми забытого человека.

Однако ничуть не бывало. Следующее известие касательно Ксении было таким: у нее украли черные бриллианты, подаренные Умаром Джабраиловым. Джабраилов в общественном сознании представлял тогда чеченским бандитом, убившим партнера своего Пола Тейтума, и, даже если никакого Тейтума Джабраилов не убивал, все равно странно, что профессорская дочка принимает дорогие подарки от человека с такой репутацией.

Так она — подумалось всем — светская вертихвостка? Но почему тогда так достойно держала себя на похоронах отца? Ответа не нашлось, но логический зазор между двумя образами Ксении вызвал к девушке незаслуженный еще на тот момент общественный интерес.

Потом некоторое время Ксения вела себя как совершеннейшая светская вертихвостка. Являлась на все рублевские тусовки, путешествовала с Рустамом Тарико на Сардинию, бесконечно училась в престижном вузе, ненадолго вышла замуж за богатого человека. И вот когда общественное мнение совсем уж было приготовилось навесить на Ксению ярлык гламурной кисы, девушка принялась вдруг делать совершенно необычную для светской вертихвостки вещь —

работать, причем много. Она вела телевизионную программу «Дом-2», ток-шоу на радио «Серебряный дождь», церемонии музыкальных и киношных премий, корпоративные вечеринки, брала вполне серьезные интервью для глянцевого, впрочем, журнала GQ. И никакой политики. В общественном сознании утвердилось, что Ксения — из тех довольных путинским режимом глянцевого журналистов, которым нефтяное наше изобилие предоставляет возможность жить припеваючи, при условии, чтобы не лезли в политику. Это походило на правду, тем более, в рублевских ресторанах Ксения прямо говорила друзьям-приятелям, что не станет направлять свое год от года все более изощренное перо против (в прямом смысле слова) крестного своего отца Владимира Путина.

Ее даже полюбили. В тридцатилетний юбилей ей даже устроили бенефис на Первом государственном канале телевидения. Она даже пела... Как вдруг ни с того ни с сего Ксения Собчак стала участвовать в протестных акциях, последовавших за парламентскими выборами декабря 2011 года. Записные оппозиционеры посмеивались над ней, долго не признавали за свою, пока ее телевизионное ток-шоу «Госдеп-2» не оказалось чуть ли не единственной трибуной оппозиционеров. Светские хроникеры связывали протестные настроения Ксении Собчак с тем обстоятельством, что у нее, дескать, роман с оппозиционным политиком Ильей Яшиным. Кремлевские охранители называли декабрьские протесты на московских улицах «норковой революцией», намекая в первую очередь на участие в протестах гламурных персонажей вроде Собчак. Но, так или иначе, во всех головах засел насажденный Ксенией логический зазор, когнитивный диссонанс по поводу этой девушки, тем более усилившийся, когда выяснилось, что на протестные акции Ксения приезжает в машине с мигалкой, принадлежащей не то ФСБ, не то подмосковной прокуратуре. Ближе к президентским выборам 2012 года Ксения совершила еще два поступка, головокружительно несуразных с точки зрения прямой логики, но совершенно оправданных с точки зрения раздвоенной логики трендсеттера. Во-первых, она задала «неприличный вопрос» Чулпан Хаматовой. Во-вторых, донесла властям на провокаторов Марша миллионов.

Перед президентскими выборами актриса и попечительница крупнейшего в России благотворительного фонда «Подари жизнь» Чулпан Хаматова выступила по телевизору с публичной поддержкой кандидата в президенты Путина, баллотировавшегося в третий раз. Хаматова говорила, что Путин — единственный из кандидатов, кто всерьез помогал ей с детьми, обещал построить и построил в Москве современнейшую и высокотехнологичнейшую онкогематологическую клинику. Разумеется, для оппозиционно настроенной интеллигенции это выступление любимой актрисы, которую в связи с благотворительной деятельностью считали чуть ли не святой, оказалось ударом. Оппозиционеры решили единогласно, что поддержать Путина Чулпан вынудили, запугав закрытием клиники и разорением фонда. Спасая детей (решили оппозиционеры), Чулпан вынуждена поддерживать сатрапа.

Разумеется, публично задавать актрисе вопросы об этой истории считалось неприличным, потому что, дескать, рассказать правду Чулпан не могла (на то она и жертва шантажа), а могла только еще раз произнести болезненные для себя слова, что, дескать, голосует за Путина.

Каково же было всеобщее негодование, когда на церемонии вручения премии кинематографистов «Ника» ведущая Ксения Собчак спросила во всеулышание: «Чулпан, скажи, ты занималась бы политикой, если бы не занималась благотворительностью?» Зал свистел. А некоторое время спустя Ксения Собчак позвала Чулпан Хаматову к себе в ток-шоу и сорок минут на разные лады задавала все тот же вопрос: «Если бы не дети, если бы не благотворительный фонд, стала ли бы ты поддерживать Путина?» Сорок минут Чулпан героически уходила от ответа, но всякий раз так, чтобы не возникало сомнений, что Путина она поддерживает. А Ксения... Ксении, кажется, не важно было, что отвечает гостья, важно было, что вот она, Ксения Собчак, сорок минут кряду задает вопрос, который задавать нельзя. Она нарушала правила принародно и долго, чтобы даже до самых тупых телезрителей дошло: она трендсеттер, человек, целенаправленно нарушающий правила, установленные другими, и устанавливающий свои. На фоне этой истории померкла и даже как-то

незамеченной прошла история с прямым доносом, который написала Ксения Собчак на товарищей своих оппозиционеров.

Дело было так. Шестого мая, накануне инаугурации президента Путина, избранного на третий срок, в Москве прошла протестная демонстрация. Она называлась Марш миллионов. Случились столкновения демонстрантов с полицией. Был применен слезоточивый газ. Полицейские пустили в ход дубинки. Демонстранты бросали в полицейских камнями и кусками асфальта. Полицейские заявляли, что среди демонстрантов были провокаторы, первыми напавшие на полицию. Демонстранты, наоборот, заявляли, что это полиция первой начала разгон разрешенного и согласованного шествия.

И вдруг в интернете появилось заявление Ксении Собчак. Что она, дескать, была допущена в узкий круг организаторов митинга, заранее знала, что демонстранты готовят провокации против полицейских, и поэтому впервые с начала московских протестов на митинг не пошла.

Шизоидность этого заявления казалась вопиющей. Тебя допустили в узкий круг организаторов, а ты разглашаешь их тайны? Так ты предательница. Ты узнала о готовящихся провокациях и хочешь рассказать о них? Но почему тогда рассказала после митинга, когда побоище уже случилось, а не до, когда провокации можно было предотвратить?

Прямая человеческая логика непригодна, чтобы объяснить поведение Ксении Собчак. Но мы объясним: она трендсеттер. Трендсеттер нелогичен. Трендсеттер нарочно делает то, чего от него не ждут, чтобы утвердить свое право совершать невиданные, выбивающиеся из всех прежних конвенций поступки.

24. ИЛИ ВОТ ВАМ ЕЩЕ ЭПИЗОД — чемпионат трендсеттеров. Рассказывает Ольга Романова, сама образцовый трендсеттер, жена богача, но в дешевой пластмассовой бижутерии. Посадили мужа в тюрьму, так она не сидит тихонько дома, как положено по правилам, а отчаянно за него воюет и в конце концов вызволяет. И вот ее рассказ.

О том, как Альфред Кох праздновал годовщину свадьбы. Сама по себе история парадоксальная, потому что Кох тридцать лет женат на одной и той же женщине. Редкость на Рублевке. Среди гостей —

высокопоставленный государственный чиновник преклонных лет с молодою женой. Про чиновника известно, что он гей, а жена ему нужна в качестве реликвии, потому что у каждого ведь есть молодая жена модельной внешности — ну как он-то без такой? Про жену известно, что она из тех рублевских девочек, которых «растили на продажу».

Есть такая категория молодых женщин на Рублевке. Они здесь выросли. С самого раннего детства их матери только о том и думали, чтобы дочка выгодно вышла замуж, и для того проводили большую работу. Во-первых, с внешностью. Курносый ли нос, маленькая ли грудь, большая ли попа — все под нож пластического хирурга. В губах — силикон. Ни о каком животе не может быть и речи — на то фитнес-клубы. А из одежды — только марки, не дай бог иметь даже носки от Zara или H&M.

Во-вторых, серьезная предпродажная подготовка проводилась с психикой. Всякими правдами и неправдами вытравлялись сколь-нибудь романтические представления о жизни. Любви нет. Принцев на белом коне не бывает. Секс не должен приносить удовольствия. Верности, нежности, порядочности не должна ждать девочка, которую «выращивают на продажу». Только деньги должны иметь значение, и ради денег она должна быть готова на все. Но и не продешевить. Не давать кому попало за побрякушки, а заполучить действительно богатого и влиятельного мужа.

И вот сидит за праздничным столом эта молодая женщина и во всеуслышание говорит про жену Коха, присутствующую здесь же: не может же мужчина хотеть женщину после тридцати-то лет совместной жизни. Стало быть, аморально поступает жена юбиляра, что продолжает жить со своим богатым и нестарым еще мужем. Давно должна была бы уехать тихонько куда-нибудь в Суссекс или в Нормандию и доживать незаметно, освободив место рядом с богатым мужчиной для молодых, нарочно «выращенных на продажу».

Когда общее застолье заканчивается и гости принимаются болтать, образовывая кружки и группки по интересам, эта молодая дрянь, только что публично хозяйку вечера оскорбившая, подсаживается к ней и, доверчиво заглядывая в глаза, принимается громко расспрашивать, как в молодом человеке разглядеть будущего олигарха,

как в юном студенте распознать будущего вице-премьера правительства — как, иными словами, найти любовь красивой и романтической девушке. Вам же ведь это удалось, дорогая. Ну подскажите же — как?

Если непривычному наблюдателю кажется невозможным сначала оскорблять хозяйку, а потом просить у нее интимных советов, то мы ничего неожиданного в таком поведении не видим. Молодая женщина, которую никто не считает даже и человеком, а только вещью, реликвией, чем-то вроде портсигара, неуклюже пытается стать трендсеттером, утвердить свое право на парадоксальное поведение.

Но не хватает мозгов. Развитие умственных способностей не входит в программу подготовки девочки, «выращенной на продажу».

25. ПОТОМУ ЧТО НЕ НАДО ДУМАТЬ, будто невиданных и парадоксальных поступков достаточно, чтобы стать трендсеттером. Совершенно недостаточно. Невиданные и парадоксальные поступки совершает и описанный в прошлой главе «пацан»-обыватель, но совершает просто так, из удали, редко когда ухитряясь извлечь из своей эксцентричности какую-никакую выгоду. Тогда как трендсеттер совершает неожиданные поступки с толком: чтобы тысячи людей удивились его поведению, возмутились, оскорбились, восхитились, принялись бы следить, обсуждали бы и, наконец, переняли бы у трендсеттера манеру говорить или завязывать галстук, то есть последовали бы тренду. Иными словами, чтобы быть трендсеттером, противоречивости недостаточно, нужно еще желание насаждать тренды. И вот вам пример трендсеттера-пустышки, женщины, которая могла бы диктовать моды, но не продиктовала ни одной.

Однажды в Монако (надо понимать, что многие рублевские жители воспринимают это благословенное княжество как филиал Рублевки) журналистка и жена миллионера Ольга Романова в одном из облюбованных русскими ресторанах познакомилась с необычной женщиной.

Женщина эта была негритянкой, но по-русски говорила совершенно чисто, хоть и всякие глупости. Одета была прилично, но вела себя вызывающе: подсаживалась к разным людям за столики, пробовала

еду из чужих тарелок. И из своей тарелки своей вилкой предлагала всем подряд тоже попробовать. Когда Романова пробовать чужую еду отказалась, женщина настаивала, не понимая, отчего это Романова манкирует таким милым развлечением.

При этом русские посетители ресторана к эксцентричной афророссиянке относились с большим интересом, если не сказать подобострашием, зазывали за свои столики, старательно поддерживали совершенно бессодержательную беседу и, что называется, глядели ей в рот — не скажет ли чего эдакого. За весь вечер, однако, афророссиянка ничего умного не сказала, ничего примечательного не учудила и запомнилась Романовой только тем, что надоела хуже горькой редьки.

Однако, придя домой, по журналистской привычке Романова полезла в интернет выяснять, кто же такая афро-россиянка, оказавшаяся звездой вечера. Довольно быстро Гугл дал ответ: женщину звали Анжелой Ермаковой. Та самая Анжела Ермакова, что забеременела и родила ребенка от всемирно известного теннисиста Бориса Беккера, да к тому же еще и отсудила у Беккера денег, да к тому же... Тут Романову чуть не стошнило при воспоминании о том, как пробовали друг у друга из тарелок. Пикантная подробность про беременность Анжелы Ермаковой была вот такая: сексом с Беккером она занималась лишь однажды, в техническом чуланчике лондонского отеля. Причем секс был исключительно оральный.

Романова представила себе, как давешняя знакомая набирает полный рот спермы знаменитого теннисиста, как сплевывает в пакетик, замораживает, как, дождавшись овуляции, втягивает в шприц и вводит себе во влагалище... А потом вот этим самым ртом лезет пробовать еду у Романовой из тарелки! Чтобы отвлечь себя от рвотных рефлексов, Романова попыталась понять, чем именно из вышеописанного Анжела Ермакова так привлекла соотечественников. Почему ищут знакомства с нею? Почему зовут за столики? Почему слушают ее болтовню? Почему с каким-то подобострашием смотрят ей в рот? (Черт! Опять этот рот!) Ни в тот вечер, ни после Романова не нашла ответа.

А мы находим легко. Дело даже не в известности. Не в том, что на несколько месяцев Анжела Ермакова стала героиней таблоидов. Дело в

том, что она представлялась идеальным трендсеттером.

Вся была из невиданных противоречий. Русская, но негр. Вышла замуж за богатого англичанина, но в Лондоне не стала (как заведено у вышедших замуж) притворяться английской леди, а принялась околачиваться возле набитого русскими богачами ресторана Nobu (как принято у невышедших замуж). Забеременела от богатого и знаменитого (традиционный на Рублевке бизнес), но не обычным способом, а через рот. Идеальный трендсеттер!

Если бы в тот вечер в монакском ресторане Анжела Ермакова показала бы новый способ завязывать шейный платочек, то через месяц вся Рублевка так завязывала бы. Если бы на Анжеле Ермаковой было в тот вечер платье неизвестного молодого дизайнера, то через полгода бутик этого дизайнера открылся бы в Барвиха Luxury Village. Если бы призвала к революции, то — чем черт не шутит — дамы в соболях и горностаях, может быть, уже тогда стали бы выходить на площадь с антипутинскими плакатами.

Но...

Ничего не предложила Анжела Ермакова ни в тот вечер, ни после. В отличие от Ксении Собчак, которая только за последние пару лет ввела в рублевский обиход следующие тренды:

- 1) моду для девушек носить очки в тяжелой оправе и выглядеть не просто интеллектуалкой, а знайкой и немного синим чулком;
- 2) моду для девушек работать;
- 3) моду для девушек ходить с портфелем;
- 4) моду для девушек ездить с водителем, но на переднем сиденьи автомобиля;
- 5) моду для девушек участвовать в протестных акциях.

Она вводила в обиход тренд за трендом, пока не нарушила главное, кажется, и единственное для трендсеттера правило — «правило зеркала».

26. ГРИГОРИЙ МАСЛЕННИКОВ «правило зеркала» формулирует так: зеркало переворачивает право и лево, но не переворачивает верх и низ. То есть трендсеттеру всегда следует нарушать горизонтальные правила и никогда — вертикальные. Всегда чудить с равными, но никогда не

позволять себе эксцентричности с начальством или прислугой. Если видишь на дороге запрещающий знак «кирпич», то надо обязательно под этот знак подъехать. Но если твою машину на шоссе останавливают, чтобы пропустить кортеж Путина, ни в коем случае не надо ехать поперек кортежа, ибо таким образом ты, безусловно низший, противопоставляешь себя Путину, безусловно высшему. Убьют дурака, и все дела. Опыт показывает, что люди, соблюдающие невнятное и зыбкое «правило зеркала», имеют успех, но стоит это правило нарушить — беда. Многие люди, которые в иерархии Большой Рублевской Игры давно уже прошли уровень трендсеттера, тем не менее продолжают (просто по привычке) составлять свою жизнь из трендсеттерских парадоксов, никогда (по привычке же) не нарушая «правило зеркала».

Вот, например, миллиардер Роман Абрамович идет в ресторан Ragout, успешное предприятие известного ресторанный критика Алексея Зимина. Уже трендсеттерский парадокс, потому что миллиардер идет в дешевый ресторан, рассчитанный на людей совсем уж среднего достатка. Может быть, потянуло к простым людям? Подобно Гаруну аль-Рашиду^[10], решил посетить инкогнито кварталы бедняков? Ничуть не бывало: помощник Абрамовича звонит заблаговременно владельцу ресторана, назначает визит Абрамовича на неурочное время между обедом и ужином, просит не отпускать повара и официантов... И вот часа в четыре, когда ресторан пустует, а повар и официанты стоят навтыяжку в ожидании почетного гостя, дверь распахивается, вваливают человек восемь охраны, рассредоточиваются по ресторану, как если бы захватили его, — и входит Абрамович. Садится скромно за стол, долго читает короткое меню и, наконец, говорит: «Салат приготовьте, пожалуйста, только без заправки».

Он не издевается. Не пытается оскорбить шеф-повара или владельца ресторана. Он ведет себя как трендсеттер — нарушает горизонтальные правила: будучи миллиардером, идет в дешевый ресторан, а придя в ресторан, славящийся своим шеф-поваром, заказывает просто резанные овощи, которые курьер мог бы принести из ближайшего «Макдоналдса». Чудит, одним словом. Но этому же самому Абрамовичу даже и в страшном сне не привиделось бы чудить,

когда Путин на два срока отправил его в ссылку губернатором Чукотки — поехал как миленький и всерьез заботился о благосостоянии чукчей. И тот же Абрамович беспрекословно оплатил контракт футбольного тренера Гуса Хиддинка, когда Путину (не президенту уже, но все же верховному властителю страны) стало нужно, чтобы российская сборная попала на чемпионат мира по футболу. Потому что горизонтальные правила следует нарушать ежеминутно, а вертикальную субординацию — никогда. Те, кто нарушал вертикальные правила, — в изгнании или в тюрьме.

Вот в аналогичном случае, за обедом житель Николиной Горы, богач и тверской губернатор Дмитрий Зеленин. В салате обнаруживает червяка. Пишет немедленно в твиттер, что подали, дескать, салат с червяком, и размещает фотографию червяка и салата. Беда только в том, что обед происходит в Кремле. Согласно «правилу зеркала», Зеленину следовало бы благодарно съесть червяка, раз уж его подали, или, по крайней мере, не болтать о конфузе. И результат — отставка. Возможно, не из-за одного червяка, возможно, и другие претензии накопились у президента к Зеленину, но факт тот, что губернатор был отправлен в отставку после инцидента с червяком. А медиамагнат Владимир Гусинский явился однажды к премьер-министру Михаилу Касьянову, попросил списать государственный кредит и получил отказ. Вместо того чтобы поинтриговать, найти могущественных союзников, дожидаться удобного момента, Гусинский в отместку разрезвонил по всему своему телеканалу НТВ, что Касьянов, дескать, берет взятки по два процента с каждой сделки, которую визирует. Дескать, в правительстве, сказал журналистам Гусинский, Касьянова так и зовут — Миша-Два-Процента. Шутка пошла гулять. Сатирик Виктор Шендерович раз пятьсот пошутил про два процента в своем эфире на НТВ. И все бы ничего. Прежде и кредиты Гусинскому списывали, и Шендеровичу позволяли шутить довольно жестко. Но тут нашла коса на камень, нарушено было «правило зеркала»: Гусинский не сам напал на Касьянова (притом что политический вес медиамагната в те времена был сопоставим с политическим весом премьера), а холопа отправил. Это запомнили, и при первой возможности Гусинский оказался в тюрьме.

Точно так же в тюрьме и все за то же нарушение «правила зеркала» оказался нефтяной магнат Ходорковский, когда у президента на совещании по борьбе с коррупцией попытался бороться с коррупцией, употребляя слова «все мы виноваты». Как все? И президент?

В тюрьме закончил свои дни юрист компании Hermitage Capital Сергей Магницкий, когда попытался раскрыть коррупционные схемы партнеров, облеченных властью. Это не была борьба равных, это низший напал на высшего, причем не с пустопорожним оппозиционным лаем, а с юридическими доказательствами в руках. Нарушил «правило зеркала».

Наконец, возвращаясь к телевидению, вспомним, как уволен был с телеканала НТВ ведущий аналитической программы «Намедни» Леонид Парфенов. Уж сколько ему прощалось. Но тут Парфенов в прямом эфире сделал интервью с Маликой Яндарбиевой, вдовой бывшего чеченского президента, убитого российскими спецслужбами. Нарушил «правило зеркала» тем, что привлек к политической борьбе бабу. Тогда как женщины в Большой Рублевской Игре неизменно почитаются низшими существами и (за редчайшими исключениями) не говорят.

Во всяком случае, не говорят на трендсеттерском языке.

27. ТРЕНДСЕТТЕРСКИЙ ЯЗЫК, манера говорить — это предмет особый. Ночь уже, тишина, пустой дом, темный сад за окнами, про который мы знаем, что трое вооруженных людей где-то там в темноте охраняют периметр. Банкир Петр Авен водит меня по комнатам, показывает коллекцию живописи и спрашивает время от времени, указывая на какую-нибудь картину на стене: «Знаете, кто это?»

Я пожимаю плечами. Я не узнаю человека в очечках и с бородой на портрете, судя по всему, начала XX века. Мало ли там их было в очечках и с бородой. Они все были в очечках и с бородой. Если бы на человеке был военный френч, тогда я бы сказал... Может быть...

— Троицкий! — улыбается Авен, прежде чем я успеваю высказать догадку. — А это знаете что? Почему рваное?

На стене висит листок бумаги, на котором изображен человек — довольно схематично, но совершенно трагически. И голова человека

не поместилась, поэтому к основному листку приклеен еще клочок бумаги, и на клочке портрет продолжается.

— Знаете, что это? — спрашивает Авен.

Пока я собираюсь с мыслями, он внимательно смотрит на меня. Как только я готов высказать предположение, Авен говорит:

— Это Врубель! Врубель! В конце жизни в сумасшедшем доме. Ему не хватало бумаги, он склеивал из клочков.

Воспользовавшись моим замешательством, даже неловкостью от того, что не угадал Врубеля, Авен читает мне что-то вроде лекции (впрочем, очень содержательной) про русский авангард. Его лекция от лекций, которые я слушал студентом, отличается только интонацией. В студенческие мои годы профессор Аверинцев, обращаясь к аудитории двадцатилетних балбесов, начинал так: «Эпикур, как вы знаете, родился в триста сорок втором или сорок первом году до нашей эры на острове Самос...» Мы же, разумеется, про год и место рождения Эпикура слышали впервые, а многие и про самого Эпикура впервые слышали, и про остров Самос. Но такие авансы студентам профессор считал правильными. Интонация лекций Аверинцева была — поддаться. Интонация Авена — доминировать.

Притом что доминировать ему не надо (просто трендсеттерская привычка). Как только я собираюсь с мыслями, чтобы поддерживать разговор, Авен подводит меня к очередной картине и говорит:

— А вот Кустодиев. Вы же должны догадаться, что это за сюжет.

— Это пьеса Островского г... г... — я заикаюсь, просто я заикаюсь от природы.

И поэтому Авен опережает меня: «...“Гроза”».

А дальше следует история про то, как Авен нашел и купил этого Кустодиева, как картина не влезала в обычный его «Мерседес», как он звонил в банк и вызывал микроавтобус с охраной, боясь хоть на секунду оставить нежданно обретенный шедевр.

Наш разговор (как любой разговор с трендсеттером) похож на игру в одни ворота. Трендсеттер всегда задает собеседнику вопросы, сбивающие с толку, и всегда, воспользовавшись замешательством, буквально сгружает в голову собеседнику то, что должно стать трендом. К чести Авена, надо признать, что многих людей на Рублевке именно он научил собирать живопись, впрочем, тогда уже

большинство бесхозных шедевров русского авангарда были скуплены им самим. Интеллигентный Авен пристрастил миллиардеров-выскочек к коллекционированию искусства, сам оказавшись первым коллекционером. Насадил тренд и оказался лучшим во многом — благодаря манере разговаривать. В этой его манере нет ничего обидного. Ничего уничижительного. Он не для того сбивает меня с толку вопросами, чтобы упрекнуть незнанием Кустодиева или Врубеля. Просто технический прием — сбить собеседника вопросом, самому дать ответ и продолжать уже с позиции человека осведомленного обращаться (при всем уважении) к неосведомленному. Таковы трендсеттеры. Так они разговаривают.

Еще одно правило трендсеттера в том, чтобы на вопрос собеседника никогда не отвечать прямо. Это лишает инициативы. Говорить о другом. Менять тему. Отвечать прямо только в тех случаях, когда ответ дает преимущество и позволяет трендсеттеру прочесть собеседнику лекцию.

Ночь, тишина, пустой дом. Мы гуляем из комнаты в комнату. Я спрашиваю:

— А вам не кажется, что следовало бы издать каталог вашей коллекции?

— Я, — отвечает Авен, — давно уж издал каталог.

Протягивает руку, берет со стола толстенную книгу и предлагает мне полистать. Я листаю, восхищаюсь и думаю, как это получилось у Петра Олеговича, что каталог, про который я спросил, оказался как раз под рукой. Случайно? Или на каждом столе в огромном доме к приходу гостя приготовлено по каталогу? Или трендсеттерское везение? Вечный рояль в кустах.

— Я смотрю, Петр Олегович, вы...

— Да, — подхватывает Авен. — Я глубоко в теме. Пойдемте, я покажу вам фальшивки. За всю жизнь я купил всего две фальшивые работы. Сейчас покажу.

И как-то само собой получается, что я отвесил Авену комплимент, а он его скромно принял, оттенив оцененную мной компетентность рассказом о коллекционерских неудачах. Так или иначе, вот он опять читает мне лекцию о том, как отличить фальшивку от подлинника, а я стою и слушаю с открытым ртом. И всю эту словесную паутину Авен

плетет не ради выгод каких-нибудь. Ему ничего от меня не нужно. Я просто напросился в гости, а он просто любезно пустил. Просто трендсеттерская привычка, хотя Петр Авен давно уже прошел трендсеттерский уровень в Большой Рублевской Игре.

28. ЕСЛИ ТРЕНДСЕТТЕР НЕ ПОНИМАЕТ, зачем ему задают вопрос, то никогда не отвечает на него. Но не отказывается от ответа, не произносит стандартное «без комментариев». Вместо того чтобы ответить на заданный вопрос, отвечает на другой, незаданный. Так рождаются легенды. Ведь любой трендсеттер хочет, чтобы о нем рассказывали не истории, а легенды.

— Скажите, — спрашиваю я ресторатора Аркадия Новикова, — правда ли, что, когда вы перестали управлять «Верандой у дачи», прибыль ресторана сразу упала вдвое, так что владелец его, Емельян Захаров, вынужден был возобновить с вами контракт?

— Нет, — отвечает Новиков. — Это красивая легенда, но дело было совершенно не так. Ребята и сами неплохо управляли «Верандой». Я следил за их успехами и даже слегка завидовал. И очень обрадовался, когда они предложили мне управлять их рестораном.

Обратите внимание: я спрашиваю Новикова о том, правда ли, что, поуправляв некоторое время «Верандой», он ушел и тогда прибыли упали вдвое, а владельцы вынуждены были позвать его обратно. А Новиков отвечает, что был очень рад, когда его пригласили управлять рестораном. Я спрашиваю про одно время, а Новиков отвечает про другое. Абсурдность нашего разговора стала бы очевидной, если бы проставить даты. Если бы я спросил: «Правда ли, что в ноябре?..», если бы Новиков ответил: «Нет, не правда. В январе я...» — логический зазор разверзся бы. Но даты не проставлены. Разговор течет плавно. Сразу и не сообразишь, что я спрашиваю про одно, а Новиков отвечает про другое. Но у меня в душе поднимается смутное беспокойство от того, что Новиков не отвечает на вопросы, которые я задал, и отвечает на вопросы, которых я не задавал. Это беспокойство — нормальная реакция лоха (я ведь лох, я ведь соблюдаю правила) на словесную игру трендсеттера. Оно заставляет меня слушать невнимательно: формально задавать вопросы, формально получать

ответы, но на самом деле следить за выражением лица, за деталями одежды, за случайными событиями вокруг... Тут-то и разыгрывается для меня спектакль, весьма эффективно вживляющий мне в мозг Легенду-о-Новикове.

Мы разговариваем в одном из новиковских ресторанов. И вот, пока мы разговариваем, к Новикову подходит девушка-менеджер, чтобы рассказать, как она отчитала охранника, не пустившего в ресторан за четверть часа до открытия каких-то людей, которые хотели войти.

— Я объяснила ему, что так нельзя с гостями. Еще один раз, и...

— Хорошо, — говорит Новиков, — я потом еще сам с ним поговорю...

А еще почти поминутно в новиковский мобильный телефон приходят эсэмэски, цифры какие-то. Я кошусь на телефон, спрашиваю, что за цифры, и Новиков поясняет: сводки из его нового ресторана в Лондоне — сколько было посетителей, какие заказывали блюда, какой в среднем счет за ужин, сколько столов заказано на вечер... Оказывается, даже будучи в Москве, Новиков руководит лондонским своим детищем в онлайн-режиме.

Друзья мои журналисты рассказывали, что во время интервью или даже во время фотографических глянцевого съемок случалось, что к Новикову подходил шеф-повар задать какой-то вопрос и Новиков просил прервать съемку, отправлялся на кухню, принимался там готовить что-то вместе с шеф-поваром, да так увлекался, что приходилось перетаскивать на кухню студийный свет и там продолжать фотосессию. И я допускаю, что это неусыпное внимание к каждой мелочи в каждом своем ресторане Новиков проявляет вполне искренне. Правда интересуется! Правда вникает! Правда следит! Правда профессионален, как черт! Но искренняя и наглядная погруженность Новикова в мельчайшие детали своего ремесла, тем не менее, есть не что иное, как трендсеттерская уловка. На моих глазах, пользуясь моей неудовлетворенностью его анахроничными ответами, Новиков создает в моей голове легенду о себе.

По здравом размышлении мне следовало бы решить, что успех Новикова не может определяться его личным вниманием к каждой детали. У него больше сотни ресторанов, разбросанных по всей Москве, по всей Рублевке, да вот теперь еще и в Лондоне. Он

физически не может в каждом из этих ресторанов отчитывать охранников, следить за числом забронированных на вечер столиков и готовить в четыре руки с шеф-поварами. По здоровом размышлении...

Но я не способен на здоровое размышление. Не отвечая на заданные вопросы и отвечая на незадаанные, Новиков сбивает меня с логического хода мысли. Это виртуозный трендсеттерский финт.

Я мог бы оглядеться вокруг и увидеть, что мужчины за столиками едят в основном мясо, а женщины — в основном рыбу. Мужчины пьют в основном крепкие напитки, а женщины — в основном вино. Я мог бы сообразить, что любой новиковский ресторан — это в сущности усовершенствованный «Арагви», то есть продвинутая шашлычная. Я мог бы предположить хотя бы, что успех Новикова определяется этим не прерванным все же родством с шашлычной, которая понятнее нашим стремительно разбогатевшим шашлычникам. Я мог бы хотя бы допустить такую мысль. Или какую-нибудь другую. Но куда там...

После часового интервью я выхожу из ресторана с полным диктофоном бессмысленных слов, но с уверенностью, что разгадал секрет успеха ресторатора Новикова. Я буду рассказывать, что Новиков успешен, потому что лично вникает во все детали, лично отчитывает охранников, лично отслеживает заказ столиков и лично готовит с шеф-поваром. Эти мои рассказы (и других попавшихся на ту же удочку) будут подпитывать Легенду-о-Новикове. Тысячи людей будут всерьез считать, что ходить следует в те рестораны, где Новиков бывает лично. Эти рестораны будут модными, трендовыми. А прибыль в ресторанах, которыми Новиков лично перестал управлять, мгновенно упадет вдвое. Такова сила легенды.

29. ДОВОЛЬНО ЧАСТО ТРЕНДСЕТТЕРЫ СТРОЯТ свои легенды даже и против воли. Сплошь и рядом легенды вырастают из сплетен, а то и вовсе прямой клеветы. В этом смысле мало от кого бывает трендсеттеру столько пользы, сколько от врагов. И бесценным подарком может стать для трендсеттера то, что для простого человека драма.

Например, развод. Обыкновенному человеку — лоху, соблюдающему правила, — никаких бонусов не может поступить от

развода, особенно если развод недружественный, с судебным разделом имущества и детей. Лох страдает, когда в процессе судебного разбирательства выплывают на свет подробности его частной жизни. Когда приходится тащить в суд малышей, чтобы Его честь спрашивал: «Ты с кем хочешь жить? С папой или с мамой?» После бракоразводного процесса лох растерзан и подавлен, благодарит Бога, что весь этот ужас наконец кончился.

Трендсеттер — другое дело. Вероятно, он тоже переживает и страдает — человек все-таки. Но бракоразводные страдания позволяют трендсеттеру разъяснить всему миру, что человек-то он необычный.

Одним из самых громких разводов на Рублевке был и до сих пор остается развод четы Слуцкер. Владимир Слуцкер, удачливый бизнесмен, миллионер, сенатор и по слухам — тот самый человек, при посредничестве которого можно решить в генеральной прокуратуре любую проблему или, наоборот, любую проблему создать. Ольга Слуцкер — предпринимательница, владелица сети фитнес-клубов World Class. Первый ее клуб в Жуковке долгое время был на Рублевке единственным, в него ходили все: от хамоватых нуворишей с криминальным прошлым до милейшего и интеллигентнейшего историка и телеведущего Николая Сванидзе. Ольга, разумеется, со всеми знакома и ключевым светским персонажем стала волей-неволей.

Пока не дошло у Слуцкеро́в до развода, про них больше и сказать-то было нечего. Про Владимира известно только, что он увлекается каббалой. А про Ольгу — что деньги на свои фитнес-клубы она взяла у мужа, но бизнес успешный, и долг давно отдан. Ничего особенного, люди как люди. Мало ли на Рублевке успешных бизнесменов и сенаторов, чьи жены ведут успешный бизнес и красуются в светской хронике глянцевого журналов?

Но стоило супругам Слуцкер начать бракоразводный процесс, как оба они превратились в героев рублевского эпоса, в самых что ни на есть трендсеттеров.

Сначала Владимир Слуцкер заявил, что дети должны остаться с ним, поскольку Ольга даже и не рожала их. Дети были выношены суррогатной матерью. В косной России такая информация, может быть, и должна была склонить общественное мнение на сторону Владимира, но только не на Рублевке. Рублевцам, наоборот, нравится

всякий логический зазор, всякий обходной путь, при помощи которого может быть изменен естественный ход вещей.

Им нравилась профессорская дочка Ксения Собчак, ругающаяся на охранников как сапожник. Их занимала Анжела Ермакова, зачавшая через рот. Теперь они увлечены Ольгой Слуцкер — ни разу не рожавшей матерью двоих детей. Не проходит и месяца, как все рублевские обывательницы принялись копировать Ольгину манеру одеваться, болтали о суррогатном материнстве, и совсем уж неслыханной популярностью начала пользоваться детский психолог, к услугам которой Ольга прибегала в суде и во время разборок с мужем. Ольга стала трендсеттером, каким не могла бы оказаться, сколько бы ни настроила в Москве фитнес-клубов.

На волне своей популярности Ольга совершила серьезную трендсеттерскую ошибку: дала несколько интервью, которые по логике должны были бы компрометировать Владимира Слуцкера, но на самом деле мифологизировали его. Ольга сказала, что дети должны оставаться с нею, поскольку Владимир оголтелый сионист. Дескать, он разъясняет детям, что кровь их недостаточно чиста, не вполне еврейская...

(Мы сидим с Ольгой в маленьком ресторанчике, и она прямо так и говорит: «Представляете, дочка плакала и оправдывалась, что в ней ведь грязной крови совсем немного. “Мамочка, — говорит, — во мне ведь грязной крови совсем немножко”. И это мою кровь в своих жилах она называла грязной».)

Кроме того, Ольга заявила, что Владимир тронулся рассудком на своих каббалистических штудиях. Всерьез считает себя богом, мессией, всерьез говорит, что душа его живет в двух телах, одно из которых здесь, в России, а другое — где-то в Германии.

В православной стране такая информация, может быть, и должна бы склонить общественное мнение на сторону Ольги. Но только не на Рублевке. Рублевцам нравятся всякие aberrации традиционных вероисповеданий. Как верят они в то, что мощи святого князя Владимира могут быть сертифицированы археологическим институтом, так верят и в то, что сенатор Слуцкер может оказаться... ну... богом не богом, мессией не мессией, но уж во всяком случае могущественным каббалистом, склотившим состояние при помощи

гематрики^[11]. Глазом не успеваешь моргнуть, как половина рублевских обывателей носит уж на запястье красную ниточку, по которой узнают друг друга потешные каббалисты.

(Я сижу у Владимира Слуцкера в кабинете и слушаю, как он клеймит всех этих красноточников шарлатанами. За его спиной в застекленном шкафу — книги на иврите и на древнеарамейском. И невольно поддаешься этой рублевской легенде, хочется унести поскорее ноги — того и гляди превратит в крысу.)

Вот так и выходит, что развод и традиционное при разводе поливание друг друга грязью превращает вдруг малоинтересных людей в легендарных, сказочных персонажей, в трендсеттеров.

Им остается только как-то приложить к делу свою способность навязывать людям модные тренды. Использовать свое трендсеттерство для продвижения вверх по иерархии Большой Игры.

30. ШТУКА В ТОМ, что сам по себе тренд ни для чего не нужен — так, безделка. Владимиру Слуцкеру никакой пользы от того, что тысячи людей начнут увлекаться каббалой. Ольге Слуцкер не тепло и не холодно от того, что сотни женщин станут всерьез обдумывать возможность суррогатного материнства. Ксении Собчак, может, и приятно сознавать, что множество девушек переняли у нее манеру носить очки в толстой оправе, но пользы-то опять никакой.

Тренды возникают и забываются. Ничего не значит ни появление трендов, ни их исчезновение. Просто какой-то трендсеттер зацепил общественное сознание каким-нибудь логическим парадоксом, и трендсеттеру ненадолго стали подражать. Без последствий.

Главный редактор журнала Vogue Алена Долецкая придумала никогда не носить чулок, некоторое время рублевские дамы подражали ей. И что? Ничего. Забыли. Снова принялись носить.

Бывший глава администрации президента Александр Волошин полюбил певицу Сезарию Эвору. Ввел моду ее слушать. Многие слушали. И что? Ничего. Разве что для Сезарии Эворы был от этого прок: несколько раз пригласили старушку с Кабо-Верде на Рублевку выступить за астрономический гонорар. Все. Мода прошла даже раньше, чем почил в бозе эксцентричная любительница сигар.

Миллиардер Алишер Усманов ввел моду на узбекскую кухню. И что? И ничего. В выходные дни под рублевскими соснами при каждой уважающей себя усадьбе стали колдовать узбекские повара над своими казанами, мангалами и тандырами. Но вскоре мода на узбекскую кухню прошла, увлеклись японскими суши. Те же таджики, что прежде притворялись узбеками, теперь стали притворяться японцами. А потом забыли и японцев, увлеклись фермерскими продуктами, так что повара вынуждены были рядиться в русские косоворотки. И что? Ничего. Быстротечная мода. Меняющиеся тренды.

Была, например, мода строить дома, похожие на Бутырскую тюрьму. Потом пришла мода строить дома, похожие на Зимний дворец в Петербурге. Потом стали строить финские дома. Потом — швейцарские горные шале. Потом пристрастились разбирать и привозить из Европы целые комнаты, а то и шато — аутентичный паркет, лестницы, камины. И что? Ничего. На территории некоторых рублевских усадеб так и стоят рядом тюрьма, дворец, финский дом, шале и шато — четыре дома пустуют, а хозяин живет в пятом, потому что он теперь в моде. И что?..

А в 90-е была мода оборудовать в подвале тир. А в 2000-е вместо тиров стали устраивать винные погреба. А в 2010-е поколения сменились, и молодежь принялась не складировать в подвалах дорогие бутылки, а выращивать в подвалах марихуану под лампами. И что? Ничего!

Меняющиеся рублевские моды имели смысл только для тех трендсеттеров, что ухитрились оседлать запущенный ими тренд, заработать на тренде деньги, пока тренд актуален.

Григорий Масленников строил горные шале на равнинной местности, пока шале не вышли из моды. Ксения Собчак написала книжку для девушек о том, как модно одеваться. Сталик Ханкишиев вымуштровал целый полк узбекских поваров, колдовавших над казанами, и написал про колдовство над казанами три книжки. Аркадий Новиков построил сотню ресторанов на узбекском гастрономическом тренде. Алексей Зимин — пару ресторанов, когда вошли в моду фермерские продукты.

Есть люди, которые смогли превратить тренд в проект. Эти люди — герои следующей главы. Их проекты — не что иное, как

монетизированные тренды. Не что иное, как мода, которую трендсеттер насаждает не просто для развлечения, а с целью заработать на тех, кто ей следует.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ДЕНЬ

31. ДНЕМ МУЖЧИНЫ ДВИЖУТСЯ. Просто так получилось: утром двигаться невозможно, шоссе постоянно перекрыто для того, чтобы проехали президент, премьер, мэр и еще целая куча правительственных чиновников. Поэтому утра рублевский житель проводит в ленивой неге, с женой, с детьми, с собаками. Или за воплощением таких проектов, ради которых никуда не нужно ехать.

А двигаться начинает днем.

Завтрак может длиться несколько часов. Все равно спешить некуда, шоссе забито, ты заперт. Завтрак может плавно перейти в обед. Утро — это время жен. Накормить мужа ужином, скорее всего, не получится — он не вернется к ужину, только к ночи. Стало быть, надо накормить завтраком. Завтраки обильны, сложны и подчеркнута по-домашнему — сама готовила. Сырники, оладьи из гречневой муки, запеканка из овсяной муки крупного помола, крыжовенное варенье, сваренное без всякого сахара, земляничное варенье из швейцарской горной земляники (помнишь, милый, мы покупали на озере четырех лесных кантонов?). За неспешным завтраком всерьез обсуждается, насколько не советует модный доктор Шено употреблять для сырников белую муку, насколько полезнее мука грубого помола. Шофер забирает ребенка и везет во французский детский сад, благо это в направлении, противоположном автомобильной пробке. И все тянется, тянется завтрак. Можно сидеть на террасе.

Можно спуститься в кабинет и сидеть над книгами, как делает, например, продюсер Александр Роднянский. У него в доме много книг. Этим он отличается от большинства рублевских жителей. У большинства — ни одной. Он много лет работал в Германии, привык по-немецки вставать ни свет ни заря. Для него особенно долго тянется время с шести утра (когда на Рублевке многие только ложатся, а Роднянский встает) до часа, когда можно начать двигаться. В час дня Роднянский говорит: «Ну, я поехал». Целует жену, садится в машину и едет в город. Потому что днем мужчины движутся.

Профессор Александр Аузан утром за завтраком принимает меня. Мы неспешно беседуем за чаем. У нас такой проект, что Аузан рассказывает, а я слушаю. Такой проект, что я могу приехать к Аузану утром против пробок. Сидеть и слушать. Но к часу дня профессор одевается в твидовый пиджак и вязаный галстук, встает и говорит: «Ну, я поехал». И едет устраивать те проекты, для которых надо в город. Он в пиджаке, потому что будет общаться с чиновниками, которые все в пиджаках, но он в твидовом пиджаке, чтобы понятно было, что не чиновник. Он в галстуке, потому что все чиновники в галстуках, но в вязаном галстуке, чтобы отличаться от собеседников. Партнеры его дневных проектов должны понимать, что профессор знает правила, но — не чиновник, а представитель творческой профессии. Что не мешает двигаться. Даже если проект, которым мужчина занят, не требует поездки в город. Все равно — надо. Новый проект Григория Масленникова — невиданный- агрегат- которому- нет- аналогов- в- мире — делается либо в интернете, либо на заводах и в конструкторских бюро в Германии. Григорию некуда ехать. Но алгоритм тот же. Длительный завтрак в огромном пустом доме. Сырники подает не жена, а прислуга. Это даже более по-домашнему, чем если бы жена. У Григория всей прислуги — пожилая украинская пара. Муж за дворника, садовника, охранника, водопроводчика... Жена за кухарку, уборщицу, прачку... Когда она подает сырники, с нею тоже можно поговорить про качество продуктов. Не про диетологические, разумеется, советы модного доктора Шено, а про то, какой у них там на Украине творог и чем отличается украинский рецепт сырников от российского, и какова на рынке сметана.

Но потом надо встать и двигаться, ибо днем на Рублевке мужчины движутся. Григорий обувается в трекинговые ботинки, берет в руки трекинговые палки и отправляется в лес часа на три интенсивной ходьбы. Потому что на Рублевке мужчины движутся днем. Подобно акулам, которые без движения не могут дышать.

Даже если мужчинам нужно обсудить что-нибудь серьезное и обсуждение приходится не на вечер, а на день, то обсуждают на ходу, во время прогулки, причем шагают быстро. Вот, например, политик Борис Немцов приезжал к миллиардеру Михаилу Ходорковскому в 2003 году накануне парламентских выборов. Ходорковский

финансировал оппозиционные партии, партию «Союз Правых Сил», которую возглавлял Немцов. Партию «Яблоко», которую возглавлял Григорий Явлинский. Ходорковский хотел, чтобы две демократические партии не сжигали его деньги в грязной борьбе компроматов друг против друга, а направили бы деньги на борьбу с партией власти, которую Ходорковский, впрочем, тоже финансировал. Финансировать оппозицию — это по желанию и на свой страх и риск. Финансировать партию власти — это для миллиардера обязательно. Но раз уж Ходорковский финансировал оппозицию, то хотелось бы...

Вот об этом и разговаривали двое мужчин, Ходорковский и Немцов, быстрыми шагами обходя по кругу, в который уже раз, обширную территорию поселка Яблонево сад. Прошло совсем немного времени, и Немцов проиграл выборы, едва ли не навсегда лишившись места в парламенте. А Ходорковский сел в тюрьму. На восемь лет. Потом еще на двенадцать. Но пока нужно двигаться.

Потому что днем на Рублевке мужчины движутся, подобно акулам, которые задохнулись бы, если бы прекратили движение.

32. А ЖЕНЩИНЫ ЖДУТ. Они ждут весь день. Жены начинают ждать примерно с полудня, с того момента, как муж сел в машину и уехал. Они ждут даже и нелюбимого мужа, ибо ничего не остается, кроме как ждать. Незамужние женщины, приехавшие в гости к подруге, то есть искать жениха, тоже ждут вечера, чтобы пойти куда-нибудь ужинать, чтобы подружин муж познакомил с приятелем. Девушки легкого поведения, те так и вовсе ждут безнадежно, например, в ресторане «Причал», с одним-единственным бокалом «Кир-Рояля», «Беллини» или какого-нибудь еще коктейля на основе шампанского, который окажется модным. Эти бедняжки ждут как привязанные в надежде даже не выскочить замуж, а закрутить недолгий роман, во время которого поправить свое материальное положение и опять ждать — с двумя бокалами «Кир-Рояля». А может, и выйти замуж. А если выйти замуж, то ждать на длинном поводке.

Потому что женщины на Рублевке днем только и делают, что ждут. Замужние, обеспеченные могут позволить себе скрасить ожидание невинными развлечениями. Например, кофе на «Веранде у дачи». Или

«Альдо Коппола» Каждое утро в парикмахерском салоне «Альдо Коппола»: укладка, завивка, макияж. Неплохой способ убить пару часов. А в перерывах между парикмахерскими процедурами сидеть в приемной, листать модный журнал и болтать с подругами, внимательно разглядывая, во что те одеты, какие у тех сережки. Разглядывая и пытаюсь сообразить, что бы могло значить на шее подруги винтажное кольцо — изменение тренда, несчастье, тщательно скрываемую тайну?

Еще примерно час в этой парикмахерской приемной можно потратить на дележ рабочего времени одной-единственной «правильной» массажистки, которую разыскала где-то Полина Дерипаска. Услуги ее стоят примерно вдесятеро больше по сравнению с любым другим массажем, и заполучить ее к себе домой — дело чести, свидетельство успеха.

А пока расписывается массажисткин график, наверняка получишь пару приглашений на детские праздники, куда отправляются с ребенком и няней, ибо без няни среднестатистическая посетительница «Альдо Коппола» не умеет переодеть ребенку подгузник. И там, на празднике, пригласить девочек с детьми к себе на праздник и самой получить приглашения еще на пару праздников. Познакомиться с двумя-тремя новыми девочками, и от них получить приглашения, и их пригласить, выведав сначала, кто их мужья, по рангу ли приглашать их в дом. Клоуны на ходулях, известные артисты с детскими песенками, фейерверки, театр мыльных пузырей — все одно и то же.

Ни на какое изменение программы, ни на какие шалости, ни на какие приключения рассчитывать нельзя. Летом поедешь на Сардинию, в межсезонье — в Париж или Милан ходить по магазинам, на Новый год — в Куршевель щеголять в новых бриллиантах. Шаг вправо, шаг влево расценивается как побег и карается жестоко — в лучшем случае двухкомнатной квартирой в Москве и скромной пенсией, в худшем — выбрасыванием за забор старых твоих сапог и старых джинсов со словами: «В этом ко мне пришла, сука, в этом и пошла вон!» Рассчитывать на тайную жизнь тоже нельзя. Завести роман с тренером по пилатесу невозможно. Тебя же возят на пилатес водитель и охранник — они шпионы, шпионят за тобой и друг за другом. И даже если каким-то чудом ты выторговала себе право самой

сесть за руль, то и это не даст тебе свободы. Потому что время твоего пилатеса заранее известно. Дом оснащен телекамерами. Известно, когда ты должна уехать на пилатес, и время, когда должна вернуться. Камеры фиксируют. А если ты задержишься на два часа и скажешь, что гуляла в лесу, то старые твои сапоги и джинсы полетят через забор и ты услышишь: «В этом ко мне пришла, сука, в этом и пошла вон!»

Тебе запрещены измены. При этом сама ты должна терпеть измены мужа. Раз в неделю, раз в месяц он будет присылать тебе записку в фирменном конверте отеля «Барвиха» с коротенькой запиской: «Вернусь поздно, не жди». Как будто нельзя позвонить по мобильному телефону? Да, но по мобильному недостаточно унижительно, и телефонный звонок не так утверждает его власть над тобой, как этот пахнувший чужими духами отельный конверт, в котором, кроме записки, могут лежать еще и наличные деньги. Тысяч тридцать рублей. Эти деньги и есть твоя истинная цена.

Единственное, что может тебя спасти, — это проект. Свой собственный проект. Многие женщины на Рублевке, несколько лет посвятив украшению своего дома, напичкав комнаты слонами из Индонезии, венецианской керамикой, марокканскими шелковыми коврами, английскими антикварными креслами, валансьенскими кружевами и провансальскими пахучими травками, начинают рассказывать всем, что они дизайнеры интерьеров. Или ландшафтные дизайнеры, если больше украшали не дом, а сад. Когда-то давным-давно собственное дизайнерское бюро могло стать проектом и могло освободить женщину. Но теперь на Рублевке интерьерных дизайнеров больше, чем домов, потому что каждый дом украшали несколько женщин — последовательно, если не параллельно. И каждой из них ведь помогали профессионалы. Так что дизайн интерьеров не годится. Ищи что-нибудь другое. И помни: проект нельзя выдумать, его надо найти. Вот Надежда, жена ресторатора Новикова, попеняла как-то мужу, что тот давным-давно не дарил ей цветов. Мягко попеняла, а Новиков был в хорошем настроении и подарил ей цветочный магазин. И это стало проектом — сеть цветочных магазинов. Заметьте, не сеть заправочных станций.

Женские проекты должны быть изящными, маленькими и неопасными. Ты не можешь попросить в управление нефтяную

компанию. Зато женские проекты, в отличие от мужских, могут быть бесприбыльными или почти бесприбыльными. В остальном гендерных различий нет.

Проект всегда строится по одним и тем же правилам.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ПРОЕКТ

33. В СРЕДОСТЕНИИ РУБЛЕВКИ (то есть треть пути от Москвы уже проехали и две трети не доехали до Николиной Горы), в Барвиха Luxury Village, кроме расставленных в шахматном порядке кубических прозрачных бутиков и отеля, имеется еще концертный зал. И если он переполнен, то там, стало быть, концерт проекта «Гражданин поэт», как бы странно ни звучало по-русски словосочетание «концерт проекта».

Потому что «Гражданин поэт» — это проект. Один из самых успешных за всю новейшую историю России, то есть с тех пор, как вообще завелись на Руси проекты. Чтобы проект получился, надо взять какое-нибудь широко известное явление и поместить его в неожиданный контекст. Например, званый ужин — это не проект. А званый ужин на дрейфующей льдине в Ледовитом океане — проект. Телевизионный концерт — не проект. А телевизионный концерт, в котором современные эстрадные артисты поют песни советских композиторов, — проект, называется «Старые песни о главном». Молодежное общественное движение — не проект. Но молодежное общественное движение, руководимое и оплачиваемое государством посредством черных финансовых схем, — проект, называется «Наши»...

Так вот, проект «Гражданин поэт» успешен, в частности, потому, что широко известные явления в необычном контексте нанизываются одно на другое, как колечки цепи. Поэт Дмитрий Быков сочиняет сатирические стихи, но не просто так, а обязательно в духе какого-нибудь знаменитого поэта — Пушкина, Некрасова, Блока, Киплинга... Сочиняет, но не публикует их в поэтическом сборнике или газете, а дает прочесть со сцены или на камеру артисту Михаилу Ефремову. Ефремов читает, но не так, как обычно читают стихи, не в пиджаке и галстуке, а в костюме соответствующей эпохи. Если Быков писал под Пушкина, то Ефремов будет в цилиндре и крылатке. Если Быков писал под Киплинга, то Ефремов читает в английском военном френче.

Выходит, Пушкин, Киплинг, Есенин, Бёрнс высказываются о нашей политической злободневности. Зачем это, вы спросите? Почему нельзя просто высказаться о политической злободневности? Пушкин же не писал политических эпиграмм Дантовыми терцинами. Нет ответа! Привыкайте к проектному мышлению. Пушкин с эпиграммой о Путине создает тот самый логический зазор, при помощи которого трендсеттер насаждает тренды. И «Гражданин поэт» — проект, потому что авторы получают за насаждение тренда деньги.

А руководит всем этим не театральный режиссер или эстрадный продюсер, а Андрей Васильев, легендарный главный редактор газеты «Коммерсантъ». От него ждут пристрастия к объективному освещению политических событий, а он продюсирует театральностихотворные пасквилы про политическую жизнь. От него после увольнения из газеты логично бы услышать громкие сетования об ущемлении свободы слова, а он устраивает веселые спектакли. От него ждут отчаянного фрондерства, а он, хоть и фрондерствует, но за приличные деньги, и продает свое фрондерство на Рублевке тем самым людям, про которых написаны пасквилы. В зале сидит, например, миллиардер Михаил Прохоров, как раз создающий марионеточную оппозиционную партию, и смеется, когда Ефремов читает со сцены, что прохоровская партия займет не второе место на парламентских выборах, а второе место по количеству блядей. Прохоров смеется до слез. А после концерта Васильев еще и договорится с Прохоровым, чтобы тот оплатил проекту «Гражданин поэт» гастроли по России. И ведь запросто оплатит.

А еще все трое — Быков, Ефремов и Васильев — не утонченные интеллигенты, как можно было бы подумать, раз уж они устраивают поэтический вечер, а отчаянные весельчаки, выпивохи и циники: на репетициях орут друг на друга матом, перемешивая бранные слова с пушкинскими ямбами. Если бы логика проекта была прямой, то на Васильева, Быкова и Ефремова обиделись бы все на свете. Власти — за едкую сатиру. Оппозиция — за откровенный коммерческий расчет. Образованные люди — за вольное обращение с текстами классиков. Необразованные — за снобизм.

На самом деле не обижается никто. Все понимают или, вернее, чувствуют нутром: это же проект. Общеизвестное явление в

неожиданном контексте. Иными словами, то, чего не может быть.

Ведь не может быть молодежного движения, финансируемого государством. Молодежь склонна к нонконформизму или фанатичному служению, к бунту против старшего поколения или к подобострастию, к желанию пройти стопами отцов. Но не к тому, чтобы стясти денег со старших и быть за это хорошими. Однако проект «Наши» существует.

Не может быть, чтобы модные современные артисты пели пропахшие нафталином старые песни. Однако проект «Старые песни о главном» имел успех. Не может быть, чтобы научно-исследовательский институт финансировался группой друзей-бизнесменов, но исследования проводил не для них, а какие вздумается. Однако же проект профессора Аузана «Институт общественный договор» работает, и успешно.

Все эти проекты, повторим, существуют при том обязательном условии, что базируются на парадоксе. Но парадокс — не единственное условие успеха, а всех условий никто не знает. Поэтому проект нельзя выдумать. Его нужно найти, как гриб в лесу. Никто ведь не знает, где растет гриб. Можно лишь смутно догадываться, следовать приметам, но все же брести наугад — авось получится. Вот как мы — побредем, пытаясь дознаться, какие составляющие требуются, чтобы проект оказался успешным.

34. ПРОЕКТ «ГРАЖДАНИН ПОЭТ» изобретался в недрах или в окрестностях маленького интернетного телеканала «Дождь». Наталья Синдеева, владелица телеканала, хотела чего-то творческого, как это свойственно людям, занимающимся не творчеством, а добыванием денег. Вера Кричевская, главный режиссер телеканала, хотела, по ее собственному выражению, «показать фак официальному телевидению», но при этом она плоть от плоти большого телевидения и поэтому, в частности, очень много внимания уделяла тому, как одеты в кадре ведущие. Писатель Дмитрий Быков сочинял стихотворные памфлеты для разных оппозиционных изданий. А уволенный главный редактор газеты «Коммерсантъ» Андрей Васильев выпивал с другом

своим, артистом Михаилом Ефремовым в кафе «Академия». Кафе и телеканал располагались в одном здании.

Вот они и встретились как-то за рюмкой (заметим, что Кричевская не пьет вовсе, а Васильев с Ефремовым пьют за четверых). Васильев, размахивая руками, принялся разъяснять Быкову, что тот неправильно выбирает сюжеты для памфлетов, не понимает политической остроты, не докручивает тему. Ефремов принялся кричать, что никто не умеет читать стихи. Кричевская придумала, что читать надо в театральных костюмах, чтобы получилась красивая картинка (тогда как на официальных телеканалах совсем обалдели и выпускают в эфир певицу Елену Ваенгу, не отбелив ей предварительно зубы). Идеи завертелись, и друзья поняли, что вот — они нашли (будто гриб) новый проект. Наталье Синдеевой оставалось только предоставить новому проекту эфир.

Поначалу было мило, да и только. Васильев придумывал тему, Быков писал стишок, Ефремов читал, Кричевская режиссировала, Синдеева радовалась, что у нее в эфире — очередная талантливая программа, не приносящая, впрочем, никаких денег. Но потом... На третьем или четвертом выпуске Синдеева испугалась. О ту пору она значительные усилия прикладывала к тому, чтобы студию только что открывшегося ее телеканала посетил тогдашний президент Медведев, большой любитель всего нового, интернетного, цифрового и высокотехнологичного. Не знаю уж, сколь грандиозные планы роились у Синдеевой в голове. Медведев как раз принялся позволять себе несогласие с Путиным. Умеренные оппозиционеры всерьез поверили, что Медведев может пойти на второй президентский срок, а не освободить президентское кресло для Путина. А если он пойдет, то тогда мы, умеренные оппозиционеры, — кем станем мы при умеренном президенте-реформаторе?..

Визит Медведева был нужен Синдеевой как своего рода благословение, индульгенция, сигнал государственным чиновникам, что закрывать телеканал не следует, несмотря на его оппозиционность, а наоборот, следует посещать студию и отвечать на вопросы журналистов «Дождя», хотя аудитория у телеканала крошечная. Велись переговоры с кем-то в администрации президента, уже был назначен день визита. Тут-то Синдеева и увидела готовое к эфиру

очередное творение Васильева, Быкова и Ефремова. И испугалась. В стихотворном памфлете речь как раз и шла о разногласиях Медведева и Путина. И если настоящий Путин никак публично не прореагировал на маленький бунт Медведева, то лирический Путин, придуманный Быковым, отвечал:

Меня публично он уел.
Ты что же, милый... обалдел?
Ты мне невежливо ответил,
И, в общем, судя по губе,
Ты неосознанно наметил
Второе царствие себе.

Синдеева посчитала, что это стихотворение унизительно и оскорбительно для Медведева, который вот-вот должен был посетить телеканал и на которого столько надежд возлагали умеренные оппозиционеры.

Дальше версии расходятся. Быков и Васильев утверждают, что Синдеева показывала стихотворение главе президентской пресслужбы Наталье Тимаковой, и Тимакова посоветовала стишок в эфир не пускать. Синдеева утверждает, что никому стишка не показывала, а сама приняла решение снять оскорбительный пасквиль. Так или иначе, стихотворение было сначала отредактировано, а потом и вовсе не допущено до эфира.

Васильев, Быков, Ефремов и Кричевская обиделись. Проект перестал существовать. В интернете поднялся скандал. Кричевская покинула «Дождь»...

В скором времени президент Медведев посетил-таки телеканал, дал-таки телеканалу свое благословение и даже ответил в эфире телеканала на беззубые вопросы журналистов. И — ничего не произошло. Не слишком-то визит президента способствовал расцвету «Дождя». Президент к проекту «Дождь» прикоснулся, но канонизации не произошло.

Зато проект «Гражданин поэт» из маргинальной шуточки превратился вдруг в самый успешный проект как минимум десятилетия. Не прошло буквально пары недель, и Ефремов стал

читать стихи Быкова на радио «Эхо Москвы». А на сайте F5 размещались видео, а по всей России ломались концертные залы, и потекли вполне ощутимые деньги. И выяснилось, что для успешного проекта действительно требуется, чтобы он был освящен верховной властью. Только это не должно быть благословение.

Инициация куда лучше.

Подвести новый проект под благословение верховной власти пытались многие. Отчетливого успеха это не приносило. Василий Якеменко и Владислав Сурков привозили президента и премьера на Селигер благословлять движение «Наши», но не помогло — год от года движение хирело. Миллиардер Прохоров показывал премьеру Путину свой высокотехнологичный Ё-мобиль, но не помогло и здесь — не удалось запустить в серию современную малолитражку. Все чувствовали, что прикосновение верховного властителя как-то необходимо проекту на старте, но как именно, не понимал никто.

Случай с «Гражданином поэтом» расставил точки над *i*. Выяснилось, что успешному проекту на начальном этапе нужно вовсе не благословение президента. Нужно, чтобы президент обратил внимание, разозлился, попытался бы проект закрыть и не сумел бы. Вот тогда выстреливает. Вот тогда, значит, прошел инициацию, стал взрослым. Успех и деньги — приложатся.

35. ВТОРОЕ НЕПРЕМЕННОЕ УСЛОВИЕ для успешного на Рублевке проекта — временность. Принципиальная конечность, мимолетность, никаких далеко идущих планов и уж точно — никаких попыток передать завет следующим поколениям. Это многие понимают. Для того проект и делается, чтобы вовремя его закрыть, пока не начал приносить убытки. А если не закрыть, то после кратковременного взлета он не приносит деньги, а тянет деньги из своих создателей и рано или поздно разоряет их в пух и прах.

Это многие понимают. А кто не понимает... Вот, например, Василий Якеменко на волне кремлевского страха перед оранжевыми революциями создал прокремлевское молодежное движение «Наши». Рекрутировал молодежь под свои знамена, выводил на митинги, свозил в летние лагеря, приглашал пропагандистов, которые правдами и

неправдами разъясняли политику Путина и клеймили путинских оппонентов, обещал социальные лифты... И в первые пару лет с легкостью находил деньги (как государственные, так и частные) на это верноподданническое воспитание молодежи. Недурно заработал, прославился, получил пост министра по делам молодежи. Тут-то ему бы и закрыть проект, посчитать министерский портфель отчетливой прибылью, выкинуть на улицу всех своих селигерских пионеров да и начать учить молодежь верноподданничеству непосредственно под эгидой государства. Но, видно, пожалел проект. Может быть, чувствовал своего рода ответственность перед теми, кого рекрутировал. Надеялся как-то пристроить на государственной службе активистов своих и поклонниц, хотя бы из числа комиссаров движения. «Наши» продолжали существовать и портить репутацию министра. Вскрывались финансовые махинации, видные нашисты несли у себя в блогах какую-то националистическую жеребятину. Так вот, стало быть, что это за министр? Это же его хунвейбины! Многие предприниматели взяли моду публично отказывать «Нашим» в финансировании. Какой же это министр, если его не боятся олигархи, для которых страх перед властью должен быть неременным условием выживания? Да и с протестными выступлениями, как выяснилось, «Наши» не справляются. Нашистские провокаторы совершенно терялись в стотысячных оппозиционных митингах, а когда их собирали на митинги в поддержку Путина, открыто говорили телекамерам, что прибыли сюда не по доброй воле. Закончилось тем, что по возвращении Путина в президентское кресло Якеменко министерский портфель потерял, а «Наши» в свой последний летний лагерь на Селигере пригласили оппозиционеров, прямых своих оппонентов, тем самым извращая первоначальную идею проекта и превратив движение нерассуждающей молодежи совсем уже черт знает во что такое. Вовремя не закрытый проект не прибыль принес своему создателю, а утопил его.

Андрей же Васильев на самом взлете «Гражданина поэта» упорно повторял, что существовать проекту только год, только до президентских выборов — 2012. Были миллионы просмотров в YouTube, были доходы от рекламы, были переполненные залы, интервью в прессе, овации, Вера Кричевская снимала документальный

фильм, продавались книжки со стихами Быкова и портретом Ефремова, но Васильев продолжал повторять, что проект временный и сразу после президентских выборов закроется.

Когда прошли выборы, веселая тройца записала последний выпуск, называвшийся «на смерть проекта». Ефремов (в буквальном смысле слова) лежал в гробу. Потом прокатилась еще волна концертов на смерть проекта «Гражданин поэт», потом — дополнительная волна концертов. Такой популярный проект трудно было закрыть, но таки закрыли. Посчитали прибыль, и прибыль имела место — как денежная, так и репутационная.

Дело в том, что в Большой Рублевской Игре проект подобен партизанской вылазке. Тут, как на войне, любой партизанский отряд легко раздавить силами регулярной армии, если только отряд действует в одном и том же месте, укрепился и оброс хозяйством. А если налетел и скрылся в лесах, то ищи его свищи по лесам, иди гадай, где налетит в следующий раз.

Власти, сами же инициировавшие проект «Гражданин поэт» давешним скандалом, разразившимся вокруг телеканала «Дождь», могли, тем не менее, закрыть проект в любую секунду. Со свойственным ему цинизмом Андрей Васильев говорит даже, что и сам бы закрыл, если бы какой-нибудь высокопоставленный чиновник или близкий к Кремлю олигарх предложил ему двести тысяч долларов отступных. Можно было действовать подкупом, можно — запугиванием. Закрыть проект — пожалуйста, но в любом случае репутационные и денежные издержки при насильственном закрытии оказались бы для власти велики, разразился бы новый скандал. И власть благоразумно решила, что не стоит нести издержек ради проекта, который и сам вскоре закроется, на чем не перестают настаивать авторы. Подождать дешевле.

Время пришло, проект закрылся, и авторам ничего не было, кроме прибыли и славы.

Партизанская вылазка Васильева, Быкова, Ефремова и Кричевской увенчалась полным успехом.

36. ЕЩЕ ВАЖНА НАГЛОСТЬ. Отчаянность. Чем наглее проект, тем вероятнее, что будет успешным и сойдет авторам с рук. Это как с бродячими собаками: если боишься их, сторонишься, избегаешь, то они непременно нападут всюю своей гавкучей стаей, а если сам набросишься на них с камнями, то разбегутся, поджав хвосты. Васильев, Быков и Ефремов знали это, разумеется. А Синдеева, вероятно, нет. Поэтому успешный проект «Гражданин поэт» получился у Васильева, Быкова и Ефремова, а не у Синдеевой.

Когда задумываешь и осуществляешь проекты, страх и нерешительность не то что показывать — иметь нельзя. Для наглядности можем сравнить несколько оппозиционных проектов весны 2012 года. Вот оппозиционный политик Алексей Навальный затевает в интернете антикоррупционный проект «РосПил», открыто собирает деньги, публикует документы, компрометирующие высокопоставленных чиновников и олигархов, клеймит партию власти жуликами и ворами. Довольно доказательно клеймит. Если бы это не было проектом (проект ведь, как мы говорили, не предполагает никакого развития, никакого продолжения), давно бы начались расследования, парламентские и прокурорские. Клеймит на огромную аудиторию блога — и не арестован, все еще на свободе (сейчас, по крайней мере, когда пишется эта книга^[12]), сажали ненадолго, но отпускали всякий раз.

Отчаянный левак Сергей Удальцов размахивает красным флагом. Протестует, и упорно, — но и он на свободе. То есть сажали много раз, но отпускали.

А вот девичья панк-группа Pussy Riot спела в храме Христа Спасителя песню «Богородица, Путина прогони» — и сразу же все арестованы, и надолго. А активисты оппозиционного митинга 6 мая 2012 года тоже арестованы всего лишь за потасовку с милицией, и тоже надолго.

Хотя очевидно, что Навальный и Удальцов опаснее девушек из Pussy Riot и уж тем более опаснее активистов 6 мая. Но дело в том, что Pussy Riot и активисты были в масках, то есть боялись, — вот и плата за страх. А Удальцов и Навальный — с открытыми лицами, то есть не боятся, и, стало быть, продолжают их проекты, пока совсем коса не

найдет на камень. Потому что проекты нужно выдумывать и осуществлять нагло. Совсем нагло. Так, как отвечал миллиардер Прохоров, когда французская полиция по личному, говорят, распоряжению Николя Саркози задержала его в Куршевеле с двумя автобусами привезенных из России девиц легкого поведения и обвинила в сутенерстве. Прохоров сказал тогда, что все эти девушки — его невесты, и все такие красивые (вы же видите!), что не смог он выбрать какую-нибудь одну, а решил взять на горнолыжный курорт всех.

Боюсь, Николя Саркози, ничего не знающий о рублевском проектном мышлении, даже и не понимал, что невольно инициирует Прохорову новый проект. Миллиардер на курорте — явление известное. Но не обласкан прислугой, а арестован полицией — необычные обстоятельства. Вот вам и проект. К тому же вскоре после инцидента Саркози стал главой государства. И получилось, что новый прохоровский проект не только запущен французскими властями, но и инициирован верховным французским властителем, который хотел автора проекта наказать, но не смог. Идеальные условия. Только проекта у Прохорова под идеальные условия придумано не было. Но условия такие идеальные, что...

Прохоров придумал проект. Раз уж его задержали с девками и раз уж к задержанию оказался причастен сам Саркози, Прохоров всерьез решил получить орден Почетного легиона. И через пару лет упорной работы получил-таки.

Посол Франции в Москве Жан де Глиниасти, вручая орден Прохорову (да-да, тому самому, которого обвиняли в сутенерстве), сказал, что новый кавалер ордена Почетного легиона имеет, дескать, искреннюю тягу к искусству и проявляет, дескать, неподдельный интерес к новым технологиям.

Еще бы не искренняя тяга к искусству, если кучу денег вложил Прохоров в устройство французских выставок в Москве и московских выставок в Париже! Еще бы не интерес к новым технологиям, если разрабатывать новый свой высокотехнологичный Ё-мобиль Прохоров пригласил не какую-нибудь компанию, а французскую. Как тут не вручить орден! Про арест в Куршевеле и четырехдневное содержание под стражей в Лионе дипломат де Глиниасти дипломатично не

упоминал — мало ли как шалит мужчина, прежде чем взрастить в себе искреннюю тягу к искусству и неподдельный интерес к новым технологиям.

А на Рублевке только про куршевельский арест и говорили в связи с прохоровским орденом Почетного легиона. Для рублевских Игроков то, что Прохоров был арестован в Куршевеле с девками, а потом получил орден Почетного легиона — одна и та же история. Успешный проект, начавшийся с помещения известного человека в неожиданные обстоятельства (то есть в тюрьму), освященный гневом верховного властителя (то есть Саркози), принесший прибыль (то есть орден) и вовремя закрытый.

В одном из рублевских ресторанов Прохоров (вообще-то небольшой говорун) увлеченно рассказывал друзьям, как нарочно для получения ордена учил речь на французском языке. Борис Немцов, старый прохоровский приятель и партнер по виндсерфингу, говорил, что давно не видел Мишу таким оживленным.

Оно и понятно — успешный проект.

37. ЕЩЕ ОДНО СВОЙСТВО УСПЕШНОГО ПРОЕКТА — это чудо, содержащееся в самом его основании. Чудо в наивном, детском, цирковом смысле этого слова. То есть фокус. Трендсеттер, запускающий успешный проект, всегда бывает способен сделать нечто такое, чего не умеют остальные. Если умеешь показать фокус, можно найти (как гриб в лесу) даже и не один успешный проект, а напасть на целую грибницу, и каждый будет построен на одном и том же фокусе, даже если фокус давно раскрыт или не получился.

В странах, где хотя бы для высших слоев общества есть классическое образование, проект «Гражданин поэт» был бы невозможен иначе как салонное развлечение. Если есть много людей, которых в школе учили стихосложению, то буриме, пусть даже остроумные и смелые, не могут вызвать всеобщего восторга, какой вызывали стихи Дмитрия Быкова. Но в России, где мало кто имеет опыт не то что написания стихов, но даже и их чтения... И на Рублевке, где в редком доме вы найдете хотя бы одну книгу,

способность Быкова сложить стишок на актуальную тему вызывала восторг.

Не меньший восторг, впрочем, вызывала и способность Василия Якеменко получить деньги на создание молодежной организации. В странах с прозрачной политической системой такое невозможно. Но в России, полагаю, есть тысячи людей, которые мечтали бы войти в кабинет замглавы администрации президента Владислава Суркова и выйти оттуда, заручившись поддержкой вельможи, каковая заставляет промышленников, банкиров и коммерсантов раскошелиться, не требуя дивидендов.

Совершеннейшим чудом, как в России, так и на Западе, представляется и то, что у Михаила Прохорова оказалось столько свободных денег, чтобы пустить их на русско-французские культурные проекты. Ибо даже у миллиардеров столько не бывает: из компании денег не вытащишь без согласия акционеров, личные тоже зарезервированы за множеством общественных и благотворительных обязательств. Прохорову просто повезло, что незадолго до куршевельского скандала он рассорился со своим давнишним партнером Владимиром Потаниным, они стали делить бизнес, реструктурировали, распродали, и многие прохоровские активы вовремя превратились в кэш.

Это всего лишь фокусы, легко поддающиеся объяснению, но каждый из вышеперечисленных фокусников волею судьбы (запомните слово «судьба») превратился в трендсеттера с целой системой новых и успешных проектов. Им подражали, их проекты пытались тиражировать.

Не успеешь оглянуться, и вот уж Быков публикует стихотворные памфлеты и в «Новой газете», и в «Огоньке». Никому даже не пришло в голову вспомнить, что памфлеты он писал раньше «Гражданина поэта», все просто вдруг стали их читать, воспринимая как сиквел «Гражданина поэта». А вот уже Быков и на радио «Эхо Москвы», еженедельный гость программы «Особое мнение». Читает публичные лекции по литературе. Если бы захотел, стал бы придворным поэтом — ведь звали.

А по примеру движения «Наши» штампуются и другие молодежные прокремлевские движения: «Молодая гвардия», «Россия молодая»,

«Местные», «Сталь»... Труба, конечно, пониже и дым пожиже, но все получают благословение у какого-нибудь высокого чиновника, все потрошат, заручившись благословением, благотворительные бюджеты крупных компаний, все свозят автобусами своих активистов на проправительственные митинги, все набирают отряды боевиков из числа футбольных болельщиков.

Надо ли говорить, что Михаил Прохоров, который до куршевельского скандала известен был только спортивными упражнениями да шумными праздниками с участием множества профурсеток обоего пола, стоило только ему получить орден Почетного легиона, превратился в видного мецената и запустил множество культурных проектов, включая политическую партию нового типа. Вдруг выяснилось, что у Михаила Прохорова есть чудесная сестра Ирина, книжный издатель, интеллигентный и умный человек, что при ее посредстве издаются литературный журнал и приличные книги, спонсируются переводы русских авторов на иностранные языки, проводятся книжные ярмарки, причем в Сибири, спонсируются театры, симфонические оркестры, гастрольные фестивали... И вроде бы не первый год, не после получения ордена, а с 2004 года^[13]... Да, но до получения Прохоровым ордена Почетного легиона все это не было проектом в рублевском смысле этого слова. Это были культурные инициативы, милые хобби Ирины Прохоровой, но не проект, не рассчитанное на прибыль кратковременное помещение чего-то общеизвестного в необычные обстоятельства посредством наглого фокуса.

Заметьте также: описывая здесь различные проекты, мы совершенно чужды моральных оценок. Автору этих строк проекты могут нравиться или не нравиться. «Гражданин поэт» нравится, движение «Наши» не нравится до тошноты, фонд Михаила Прохорова нравится по-родственному (поскольку дважды финансировал переводы моих книг). Однако любовь или нелюбовь автора к тем или иным известным проектам, благонамеренность этих проектов или злокозненность их никак не влияют на ход Большой Игры.

В Игре учитываются только слава и деньги.

38. ИНОГДА, ОЧЕНЬ РЕДКО, фокус может и впрямь оказаться чудом. Это не значит, что чудеса существуют. Это значит, что просто фокус очень высокого качества. Вот профессор-экономист Александр Аузан часто, очень часто бывает приглашен на всевозможные круглые столы, экспертные советы и просто телевизионные ток-шоу о судьбах России. Бесконечно слышит бессмысленную политическую трескотню про модернизацию российской экономики. И часто на круглых столах этих и в этих экспертных советах встречает симпатичных людей, старых своих знакомых и уважаемых профессионалов — математика Виталия Найшуля, писателя, телеведущего (и удачливого биржевого игрока, между прочим) Александра Архангельского, кинорежиссера Павла Лунгина...

Объединяет этих людей то, что в кулуарах круглых столов и экспертных советов они увлеченно разговаривают о культурных особенностях России. Потом перерыв заканчивается, и эти люди, которым так интересно было говорить друг с другом в кулуарах, вздыхают, делают кислые лица и идут слушать бессмысленную трескотню про модернизацию.

Так повторялось раз за разом, пока Аузану не пришло в голову создать из Архангельского, Найшуля, Лунгина и себя экспертный совет и написать доклад «Культурные факторы модернизации», то есть провести серьезное исследование на тему, которую в кулуарах обсуждать интересно, но которую в экспертных советах не обсуждает никто.

Находятся даже какие-то деньги на это исследование. Небольшие, так что Архангельский, Лунгин, Аузан и Найшуль, привыкшие к приличным гонорарам, вообще от денег отказываются, чем высвобождают ощутимые средства для социологических исследований.

Косвенным образом и власть дает этому Аузанову проекту отрицательное благословение: «Культурные факторы модернизации» — ровно то, от чего власть отмахивается во время экспертных советов, полагая, будто в рабочее время следует руководствоваться прагматическими соображениями, а культуру (балет всякий и музыку) оставлять на после работы.

Это удивительный на Рублевке парадокс (парадокс, как мы помним, — основа успешного проекта). Уже давно принято посещать балет и смотреть на «Жизель» как баран на новые ворота. Уже давно принято коллекционировать живопись, давно принято спонсировать театральные постановки, издавать книги, даже иногда читать изданное. Про культуру давно понятно, что она достойное хобби. И совершенно непонятно, как бы ее приложить к делу.

Тем более давно принято разговаривать о том, что вверенный власти народ ни на что не годен: работать не хочет, законов не соблюдает, слов не понимает, ни на какую регулярность не способен и вообще ведет себя как ребенок, хуже, чем ребенок, — как подросток.

И тут Аузан с компанией совершает чудо. Научными, математическими, социологическими методами приходит к практическим выводам, которые можно проверить и перепроверить. Эти выводы — про народ. Поведение народа объясняется его культурными особенностями. Несовместимые, казалось бы, вещи — народ и культура, культура и экономика — соединяются вместе. И это идеальный проект. Общеизвестные вещи помещаются в неожиданный контекст. Культура (Пушкин, Чайковский, «Черный квадрат» Малевича), оказывается, объясняет распространенную русскую лень и пьянство. А знаменитая наша лень, оказывается, объясняет, почему навязшую на зубах модернизацию экономики нельзя провести так, как пытался Дмитрий Медведев (в роли премьера), но вообще-то провести можно, только иначе, с учетом культурных особенностей.

Члены правительственной комиссии удивленно слушают Аузана. А тот с цифрами в руках разъясняет им, например, что модернизацию отечественной автомобильной промышленности в ближайшие десять лет провести невозможно, сколько ни инвестируй. Аузаном научно доказано, что российский народ с презрением относится к любого рода стандартам. Это культурная особенность. Уникальную ракету или невиданную турбину мы сделать можем, но рабочему на конвейере (сколько ему ни плати) быстро наскучит раз за разом наворачивать одну и ту же гайку на один и тот же болт. И если хочешь модернизации, то сейчас нужно развивать уникальное ракетостроение, а тем временем в школьных программах прививать детям не основы православной культуры (как почему-то решено), а уважение к

стандартам. Чтобы поля в тетрадках отчеркивали раз за разом одинаковой ширины, чтобы стандартно оформляли контрольные работы, чтобы дату всегда ставили слева, а фамилию справа. И тогда через десять лет вырастет поколение, способное сделать много-много стандартных качественных автомобилей.

Вскоре после того как проект «Культурные факторы модернизации» представлен президиуму соответствующей правительственной комиссии, Аузана зовут на встречу один из министров и предлагает повторить проект, разобрать культурные факторы, влияющие на деятельность вверенного этому человеку министерства. На этот раз Аузан заламывает за исследование вполне коммерческую цену. А министр, не задумываясь, выделяет денег вдвое больше, чем просил Аузан, лишь бы уважаемым исследователям работалось комфортно.

«Мне нравится ваш способ торговаться», — говорит профессор, и дочерний проект запущен.

Еще через несколько дней к Аузану обращается владелец транснациональной компании с просьбой (на коммерческой основе, разумеется) исследовать культурные факторы деятельности его компании. Аузан отнекивается. Говорит, что компания не может быть исследована, как страна, по той простой причине, что государство не нанимает себе население, а компания работников нанимает. Но владелец компании настаивает. Повышает цену, соглашается на любые условия. И вот запущен еще один исследовательский проект.

А еще через месяц к Аузану обращается правительство Казахстана — сделайте, дескать, и нам такое исследование. А потом — государственный банк Азербайджана: исследуйте, дескать, культурные особенности отношения азербайджанцев к деньгам.

Вот так культурно-экономические проекты Аузана, Найшуля, Архангельского и Лунгина множатся, как грибы. Однажды найденный удачный ход люди пытаются растиражировать и применить ко всему на свете. Так бывает с проектами. Это их естественное свойство, и в этом их погибель. Автору успешного проекта кажется, что проект универсален и может быть применен для достижения каких угодно целей. Автор успешного проекта сходит на своем проекте с ума. Проект застит весь мир. Проект кажется ответом на любой вопрос и решением любой проблемы. И тогда...

39. ПУСТО! В ПОСЕЛКЕ ЧИГАСОВО ПУСТО. Никто не сидит в кафе. Никто не окликает Веру Кричевскую с террас или с балконов, когда она идет по улице. Так не бывало. Никогда не было, чтобы на дорожках в парке, завидев друг друга издали, жители поселка сворачивали в лес, стараясь не встретиться и не поздороваться друг с другом. Это же был поселок друзей, соратников, единомышленников.

Теперь все поменялось. Поселок как будто населен призраками. Бывший Верин начальник Игорь Малашенко вернулся из эмиграции, тихо, как привидение, живет в соседнем доме, а Вера и не знала, что он здесь. Вернувшись, этот человек, руливший когда-то новостями, произвел только одну новость, и то светскую — завел роман с обозревательницей Боженой Рынской. Человек, повелевавший скандалами, поскандалил (и то посредством Божены в ее блоге) только с бывшим своим подчиненным Сергеем Пархоменко из-за бюстика Данте. Пархоменко написал где-то к слову, что, дескать, у Малашенки на столе стоял бюстик Макиавелли, а это был Данте, и Малашенко обиделся. Так не бывало. В прежние времена Малашенко не обижался бы из-за бюстика. Или прежде чем успел бы обидеться, выкинул бы Пархоменку одним щелчком из своего проекта. Потому что у него был проект — телекомпания, медиахолдинг. А теперь нет. Малашенко стал таким незаметным, что Вера не заметила, когда он вернулся. Потому что у него был проект, а теперь нет.

У Веры тоже нет проекта. И она редко приезжает в Чигасово. Главное ее занятие в чигасовском доме — поддерживать перманентный ремонт, чтобы дом соответствовал самоощущению хозяйки (запустение и разруха). По улицам поселка Вера ступает неслышно и говорит еле-еле — так, как будто отключили звук. С изображением тоже происходят странности. Вот адвокат Генри Резник играет в теннис, но Вера не видит с кем, как будто бы он один на корте, и мяч летит медленно, слишком медленно, чтобы это не был сон про навсегда ушедшие времена, когда...

...Медиамагнат Гусинский громко разговаривал, размахивал руками и расхаживал по просторной гостиной своего дома. И все сверкало вокруг. Блестящие бранзулетки, которыми отделан дом. Китчевая дрянь. Но тогда она казалась роскошью, потому что она и была роскошью. И если золоченая ручка в гостевом туалете отваливалась, то

это лишь потому, что руки не доходили починить золоченую ручку при помощи медиахолдинга. Ибо Владимир Гусинский всерьез полагал, будто медиахолдинг — это такой проект, при помощи которого можно все.

Когда...

...Писатель Виктор Шендерович хохотал в голос на террасе дома Гусинского, потому что Шендерович — смешливый человек и потому что он выдумывал свою сатирическую программу «Куклы» для телеканала НТВ. Программу, в которой политики представляли совершеннейшими уродами. Это был его проект. И он хохотал, заставляя хохотать других, а его маленькая дочка, приехавшая с папой за компанию, слонялась по саду и скучала, не понимая, чему так веселятся взрослые. Потому что дети не могут понять проекта, у детей нет проектного мышления. Про любую хорошую игру дети думают, что игра будет продолжаться всегда, и ее не нужно прекращать, и ее нельзя отнять. Кроме маленькой дочки Шендеровича, так думал и Гусинский.

Когда...

...Телеведущий Евгений Киселев, руководитель проекта НТВ, спускался в винный погреб, чтобы удивить гостей какой-нибудь редкой бутылкой. А жена Киселева Маша украшала дом старомодными финтифлюшками и писала от руки (не умела печатать на компьютере) сценарий очередной своей программы «Дачники», в которой рассказывалось, какова была жизнь в старинных дачных местах, как романтически там «гуляли по тропинкам и пили чай из самовара». Это был ее проект. Живя в новомодном дачном поселке, она никогда не снимала телевизионных программ про новомодную дачную жизнь, а только про ушедшую. Пыталась научить нуворишей правильной дачной жизни.

Когда...

...Политик Григорий Явлинский гулял тут же по тропинкам и пил чай из самовара, довольно подробно разъясняя Игорю Малашенко и каждому встречному свои политические взгляды и принципы, на которых строилась партия «Яблоко». Это был его проект, и он настаивал, что не возьмет денег, если ради денег надо поступаться принципами. А Игорь Малашенко улыбался, потому что это он давал

деньги. И думал, наверное, что партия «Яблоко» — это его проект, раз он дает деньги и руководит предвыборной кампанией.

Когда...

...На террасе в кафе сидели всевозможные юристы и всевозможные политологи, и у каждого был свой проект.

А потом...

...В три дня выяснилось, что ни у кого нет никакого проекта. Что есть один-единственный проект, который называется «Владимир Гусинский». Что Владимир Гусинский свалил все в одну кучу: банк, которому не хватает ликвидности, государственные кредиты, которые предполагалось не отдавать, телеканал, который должен быть одновременно независимым и обслуживающим бизнес-интересы Гусинского, газету, журнал, армию репортеров, которые получали зарплату под видом процента с несуществующего депозита в банке Гусинского (которому не хватало ликвидности). Этот гордиев узел трудно было развязать, но ты перерезаешь одну ниточку, и весь узел разваливается. Перерезали сразу несколько ниточек.

Гусинский ошибся, думая, что в борьбе за власть победит мэр Москвы Лужков. Вместо Лужкова победил никому не известный Путин. Гусинский ошибся, думая, что государство спишет ему кредиты, как списывало всегда. На этот раз не списали. Гусинский ошибся, полагая, будто репортеры будут верны ему, раз уж им раздали бонусы. Репортеры не остались верны. Во всяком случае, многие. Они не хотели верить, будто НТВ — это проект Гусинского. Каждый думал, что его программа или сюжет в новостях — это его проект, а не Гусинского. Каждый видел свое лицо в кадре и думал, что вот эта говорящая голова сама по себе что-то значит.

Поэтому, когда президент Путин решил отобрать у Гусинского медиахолдинг, многие журналисты не стали участвовать в забастовке. Многие не верили, что их говорящая голова — всего лишь часть проекта Гусинского, каковой стремится отобрать или разрушить Путин.

Не верила и Вера Кричевская. Она и сейчас говорит: «Нет! Нет, неправда! Мы делали хороший телеканал! Мы доказали!»

Они и вправду доказали, что умеют делать хорошие телеканалы. Но хороший телеканал — это, к вашему сведению, еще не проект.

Телеканал — общеизвестная вещь. Но чтобы сделать телеканал безупречным проектом, надо поставить его в парадоксальные условия.

Например, в такие, когда акционеры не могут поменять главного редактора. Вот тогда проект безупречен, и в Большой Игре вы выходите на новый уровень.

Когда Альфред Кох пришел отбирать у Гусинского его медиахолдинг и его телеканал НТВ, многие журналисты уволились. А режиссер Вера Кричевская и телеведущий Леонид Парфенов остались. И сделали телеканал действительно значительно лучше, профессиональнее, интереснее и независимее, чем при Гусинском.

Они сделали блестящий телеканал, у которого имелся только один изъян: про него было известно, что из этого проекта авторов можно выкинуть, на их место придут другие и проект будет существовать. Это было известно, потому что из проекта НТВ уже выкидывали авторов Гусинского, Малашенко, Киселева... Пришли Парфенов и Кричевская, проект продолжал существовать и стал даже лучше. Значит, можно выбросить авторов еще раз, и в третий раз, и в четвертый.

Потому что это был не проект Веры Кричевской и Леонида Парфенова под названием «Хороший телеканал». Это был проект Владимира Путина под названием «Уничтожить НТВ».

Потому что если бы всем проектам в Большой Игре давали названия, то большинство начиналось бы со слов «отнять» или «уничтожить». Потому что уничтожительные проекты в целом успешнее в Большой Рублевской Игре, чем созидательные. И прибыль приносят большую.

40. А ЮЛЯ ШАХНОВСКАЯ каждый вечер смотрела, как отец уходит под землю, и с каждым днем становилась все грустнее. Началось с телефона. Однажды Юля заметила, что у отца появился второй сотовый телефон. Всегда был один, а тут вдруг второй, и номер Юля не знала. Еще через некоторое время у Василия Шахновского появился третий сотовый, а потом четвертый.

Так часто случается на Рублевке. Вам нужен телефон с номером, который знали бы все. Его нельзя менять. Никогда. И никогда нельзя

отключать, даже в самолете. Потому что вы всегда ждете звонка по этому номеру, который все знают. Однажды по этому номеру может позвонить хороший знакомый. Или малознакомый, или совсем не знакомый вам человек. Он ничего не скажет по существу, только то, что надо поговорить. Потому что этот номер все знают, а раз знают, то, стало быть, слушают. Вы продиктуете номер второго вашего телефона, который никто не знает, и человек сразу перезвонит, пока не начали слушать и этот номер тоже. И скажет: «Беги!» Или: «Тебе предлагают сдать», — и разъяснит условия сдачи. Или: «Тебе хотят помочь», — и сообщит кто, и условия, на которых будет оказана помощь. После этого разговора вы можете, в принципе, выкинуть сим-карту, потому что этот номер не является уже номером, которого никто не знает. И если вы стали персонажем чьего-то проекта под названием «Отнять... (что там у вас есть? компания? партия? семья? жизнь?)», то суток не пройдет, как и второй телефон будут слушать. Ибо проекты, начинающиеся со слов «отнять» или «разрушить», затевают серьезные парни, умеющие слушать мобильные телефоны и не видящие в прослушивании ничего зазорного.

А третий телефон вам нужен, чтобы на него звонил единственный человек. Какой-то очень важный для вас, которому номер этого телефона вы не послали эсэмэской и не продиктовали по телефону, а записали при личной встрече на бумажке, прикрывая локтем от телекамер, возможно, следящих за вами.

Если у вас есть второй очень важный человек, то тогда вам понадобится еще один телефон специально для разговоров с ним. А больше... Больше телефонов вам вряд ли понадобится, потому что даже и два очень важных человека, ради которых стоило бы заводить отдельные телефоны, — это уже огромное везение.

Юля ничего этого не знала. Ей становилось не по себе, когда она видела, что у отца сначала появился второй мобильный, потом третий, потом четвертый. А потом отец и вовсе взял обыкновение после ужина спускаться в подвал и проводить там по несколько часов. Лестницу, ведущую в подвал, было видно из кухни. Юля смотрела, как он спускается, и с каждым его шагом ей все сильнее казалось, что он тонет или проваливается в тартарары.

Лестница вела в подвальную комнату. Обыкновенный человек устроил бы там мастерскую: делал бы табуретки из палисандрового дерева, точил бы шахматные фигуры на токарном станке... Но Василию Шахновскому было не до хобби, и потому подвальная комната в его доме была пуста. А в конце ее была дверь и еще несколько ступенек вниз, и еще дверь, за которой стояли огромный бойлер, обеспечивающий дом теплом и горячей водой, электрический щит и газовый вентиль. И от бойлера в темноту уходил подземный лабиринт.

Дело в том, что поселок Яблоневый сад, в котором жили руководители нефтяной компании «ЮКОС», строился разом, одновременно все дома. Соответственно, одновременно прокладывались и коммуникации: газ, электричество, вода, канализация... Проложить коммуникации для всех и потом эти коммуникации обслуживать удобно было по единой системе подземных тоннелей — просторных, круглых, в полтора человеческих роста. Они были похожи на тоннели метро, только делались из какого-то специального бетона высшей марки, который идет на строительство военных бункеров. И этими тоннелями соединялись между собой дома Ходорковского, Лебедева, Невзлина, Брудно, Шахновского. Поначалу, когда модно было на Рублевке устраивать в подвалах тир, был в одном из тоннелей и тир. Когда там стреляли, Юля и другие дети, игравшие над самым тиром, не слышали выстрелов. Потом тир забросили, и пару лет в подземелье вообще никто не заходил.

Теперь тоннели пригодились снова. Каждый вечер руководители ЮКОСа шли по тоннелям друг к другу, садились на бетонные ступеньки и принимались обсуждать дела — как отбиться от налоговых претензий? как защитить Платона Лебедева от ареста? надолго ли закроют? что сказал человек в Кремле? что сказал человек в правительстве?

Они спускались сюда, потому что их телефоны слушали. Даже разговоры на кухнях слушали. И разговоры во время прогулок в парке. Вокруг поселка стояли кагэбэшные фургончики с чувствительной прослушивающей аппаратурой. И люди спускались в подземелье. Миллиардеры...

Чувствуете верный признак успешного проекта? Встреча миллиардеров (общеизвестная вещь), но происходит не в Лакшерите и не в доме приемов, а в подземных канализационных тоннелях. Кроме того, к проекту прикоснулся верховный властитель, прикоснулся именно так, как надо, — знал, что компанию собираются разорить и отобрать, высказывался против, но не смог (или не захотел) остановить процесс. По всем признакам проект «Отнять ЮКОС» должен был получиться успешным, только Ходорковский, Лебедев, Невзлин, Шахновский, Брудно не были его авторами, а были персонажами. Ты ничего не можешь сделать, если ты персонаж. Остановить проект может только автор. Максимум, на что способен персонаж, — это исчезать, прятаться, путать следы, затягивать... Как можно дольше затягивать проект в надежде, что тот перестанет приносить авторам прибыль и начнет авторов разорять. Что начальники ЮКОСа и пытались сделать в подземелье — прятаться, запутывать следы и тянуть время.

41. ЕДВА ЛИ НЕ ГЛАВНАЯ ПРОБЛЕМА миллиардеров, прятавшихся в катакомбах, заключалась в том, что они не могли сдать, даже если бы и захотели. Один из них был не просто человеком, он сам был проектом. Ты не можешь закрыть проект, если этот проект — ты сам, Михаил Ходорковский.

Я не знаю, сознательно ли Ходорковский путал разные виды своей деятельности. Понимал ли он, что если не разделять свои проекты, а перемешивать их и замыкать друг на друга, то каждый перестает быть сам по себе и проектом становишься ты сам, человек, который...

Имел банк, но купил еще и нефтяную компанию и перепутал дела банка с делами нефтяной компании.

Имел банк и нефтяную компанию, но выстроил еще в подмосковном поселке Коралово школу-интернат для детей, чьи родители были военными, служили или погибли в горячих точках. И обучение в школе устроил так, чтобы выпускники поступали в нефтяные институты, а по окончании институтов получали работу в компании ЮКОС. И даже выставку про нефть устроил в школьном

актовом зале. И даже сырая нефть в бутылочке стояла там за стеклом, чтобы дети сызмала знали, как она выглядит.

Имел банк, нефтяную компанию и школу, но устроил еще и благотворительный проект «Открытая Россия», который занимался образованием, поставлял компьютеры в провинциальные школы и книжки в провинциальные библиотеки.

Имел банк, нефтяную компанию, школу и благотворительный проект, но сколотил в парламенте лоббистскую группу, куда входили депутаты от разных партий, вне зависимости от партийной принадлежности работавшие в интересах ЮКОСа. Причем одним из депутатов стал бывший директор школы. А Василий Шахновский стал сенатором. И все так переплелось, что нельзя было отделить один проект от другого, а можно было иметь дело только с ключевым во всех проектах человеком — Михаилом Ходорковским.

Который в довершение устроенной им путаницы (наверное, он бы назвал эту путаницу стратегией) задумал еще и объединить две крупнейшие нефтяные компании страны и обменять часть акций новой огромной компании на акции какого-нибудь мирового нефтяного мейджора, вроде Chevron. И, обменяв акции, стать членом или даже главой совета директоров транснациональной нефтяной компании, чей бюджет сопоставим с бюджетом страны, то есть выйти из-под власти государства.

Это было уже так близко, что Ходорковский осмелился на встрече промышленников с президентом Путиным говорить Путину в лицо о засилье коррупции, обвинять в коррупционности всех, включая Путина и себя, и предлагать план разрушения коррупционной системы, начинающийся с Путина и Ходорковского.

Это была встреча олигархов с президентом — общеизвестная история. Но один из олигархов на этой встрече заботился не о том, как бы на близости к власти заработать еще денег, но о том, как бы потратить деньги, чтобы изменить власть, — неожиданная коллизия. Тогда кристаллизовались хорошие условия для проекта «Михаил Ходорковский». И Путин освятил данный проект тем, что, услышав олигарха, одернул его довольно жестко, хотя не смог сразу остановить. Что и зажгло над проектом «Михаил Ходорковский» ореол успеха (он же катастрофа). Отчего экономический проект «Отнять ЮКОС»,

который задумали серьезные парни, прослушивающие мобильные телефоны, и превратился в политический проект «Уничтожить Ходорковского». И тут уж сдаться было нельзя, иначе как покончив с собой, потому что уедешь ли ты из страны, сядешь ли ты в тюрьму, раздашь ли ты все свои богатства и уйдешь ли в монастырь — ты все равно Михаил Ходорковский, а стало быть, проект «Уничтожить Ходорковского» продолжается. А все, что тебе остается, — длить его и длить. Тянуть судебный процесс за судебным процессом, сидеть в подвале собственного дома, сидеть в тюрьме, ждать, не унывать и продолжать оставаться Михаилом Ходорковским, потому что рано или поздно проект «Уничтожить Ходорковского» начнет работать сам против себя. И если удастся продержаться достаточно долго, то увидишь: люди, желавшие уничтожить Михаила Ходорковского, объявляют его героем, а люди, желавшие захватить ЮКОС, не знают, как бы от ЮКОСа избавиться — и да поможет им Бог!

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: ВЕЧЕР

42. И ВСЕ! Больше мне нечего толком рассказать про Большую Рублевскую Игру, потому что дальше я не понимаю, как она устроена. Я сижу в ресторане «Веранда у дачи», на Жуковку опускается вечер, и я заказал вина и бакинских помидоров со сладким луком. Но на самом деле я подобен Вергилию, который довел Данте до врат рая, а дальше ему путь заказан. На самом деле, читатель, если хотите достоверно знать о правилах и перипетиях Игры на более высоких уровнях, вам потребуется другой проводник, как Данте для путешествия по небесным сферам потребовалась Беатриче. Найдите себе такого, если можете. А я буду сидеть на веранде, мне принесут помидоры с луком, базиликом, оливковым маслом и моденским уксусом. И бокал вина. И ресторан будет полон. Публика в основном будет состоять из простых рублевских обывателей. Но окажутся тут и трендсеттеры. И даже два-три человека, у которых есть свои проекты. И — я оглянусь вокруг — ни одного, кажется, человека, который сам был бы проектом. Я один. Да, я всерьез полагаю, что, хоть и не играл никогда осознанно в Большую Рублевскую Игру, не собирал реликвий, не соблюдал правил, не следовал трендам, не насаждал трендов — однако же превратился-таки в проект под названием «Валерий Панюшкин». Только я пустой проект, не получивший от власти ни благословения, ни проклятия. И в этом смысле подобен неплодотворенному яйцу, которое можно съесть, но из которого никогда не вылупится птенец.

Я сижу в углу за маленьким столиком и смотрю на людей вокруг. Вот ужинает семья. Глава семейства — мужчина лет пятидесяти с некрасивым и неблагородным лицом. Простой обыватель, которому удалось тем не менее собрать несколько реликвий. У него, например, есть Новая Жена. Напротив него сидит женщина лет двадцати пяти. Блондинка. Что называется, модельной внешности. Молодец, мужик! Для человека, который случайно заработал денег в структурах Газпрома или Роснефти, такая Новая Жена — неплохой результат. Еще у него есть дочка. Девочка лет пяти, похожая на маму и одетая в скромное, но все же принцессочное платье. Девочка с длинными

распущенными волосами цвета льна. Совсем хорошая реликвия. У такого уroda вообще-то не должно было быть такой красивой дочки. Но есть. А рядом с его женой сидит еще одна молодая женщина, про которую непонятно, кто она — то ли подруга жены, то ли вторая жена, то ли бедная родственница из Когалыма, которую успели уже приодеть и причесать в парикмахерской «Альдо Коппола». Тоже хорошая реликвия. Хорошо иметь женщину, про которую непонятно, кто она, и против присутствия которой жена не возражает, демонстрируя дружелюбие и покорность.

Этот человек лет пятидесяти старается даже следовать некоторым трендам. Вот, например, он не оставил дочку дома с няней, а привел в ресторан. Правильно — чадолюбие в моде. И правильно, что ребенка не заставляют сидеть за столом и держать спинку ровно. Хорошо, что отпустили рисовать за соседний столик со специальной девушкой-аниматором, которая работает в ресторане на тот случай, если кто-то из клиентов проявит чадолюбие. Но вот ест этот человек — плов. Так что про него можно забыть, ибо, если хочешь плова, то нечего тащиться в ресторан, а нужно пригласить к себе домой Сталика Ханкишиева. Нельзя же есть в ресторане блюдо, на приготовление которого требуется верных четыре часа. И поэтому мы теряем интерес к обывателю с женой, не женой и дочкой. С ним никогда больше не случится ничего интересного. В лучшем случае он соберет еще несколько реликвий.

Посмотрим лучше на столик у окна. За ним двое. Мужчины. Время ужина, но они не похожи на геев, значит, у них не свидание, а переговоры. Говорят тихо. У обоих приличный и аккуратный маникюр. У одного пуговицы на рукаве пиджака расстегнуты — шитый пиджак, не купленный в магазине готового платья. Эти двое, пожалуй, могут запустить какой-нибудь тренд, а то и проект, только мы не слышим, о чем они говорят, и узнаем, как их зовут, только если проект окажется успешным.

Еще чуть подальше за маленьким столиком — молодые мужчина и женщина. И вот о чем они говорят, мы слышим. Ссорятся. Мужчина обвешан реликвиями, как елка. Какие надо часы, какой надо галстук, какой надо пиджак, какие надо туфли. На женщине реликвий меньше, но все необходимые присутствуют, как-то, например, прическа от

«Альдо Коппола». И одно кольцо, которого не мог подарить мужчина, сидящий напротив. Слишком дорогое для него и слишком неожиданное — ну не мог его выбрать этот раб трендов. Кажется, из-за этого кольца они и ссорятся. Мужчина старается говорить шепотом, но все равно получается слишком громко. Он говорит, что изо всех сил старается, работает от зари до зари, стремясь стать олигархом. И вот уже скоро станет. И, наверное, уже стал бы, если бы женщина, сидящая напротив, создавала ему комфортные условия, тихий домашний уют, а не носилась бы по вечеринкам и не принимала бы безумно дорогие подарки черт знает от кого. И еще он говорит, что когда он станет олигархом, то она пожалеет, но будет поздно...

Беги от него, девочка. Встань и уйди прямо сейчас. Потому что он никогда не станет олигархом. Потому что в Большой Рублевской Игре нельзя стать олигархом, как нельзя стать гениальным поэтом или выработать у себя абсолютный музыкальный слух. Олигархом, настоящим богачом, миллиардером в Большой Рублевской Игре становится не тот, кто работает по пятнадцать часов в сутки в инвестиционном банке пусть даже и на заметной должности. Олигархом становится тот, кого поцеловал в темя Великий Бог Денег. Это даже я знаю, хотя рублевская религия и не укладывается у меня в голове. Даже я знаю, что дело не в количестве денег, а в качестве. Деньги, которые зарабатываю я, никогда не сделают меня богатым, потому что я всегда знаю, за что именно мне платят. Большие же Деньги не зарабатываются, а проливаются на человека золотым дождем. Не в уплату за труд, а потому что человек Избран. Так что встань, девочка, и уйди от своего педального лоха к тому, кто подарил кольцо.

А я доем помидоры, допью вино, дождусь звонка и пойду в гости тут неподалеку — к настоящему Жрецу Великого Бога Денег Петру Авену. Мы будем валяться в креслах и болтать, потому что Жрец считает меня интересным проектом. И Жрец расскажет мне про что угодно: про живопись, про литературу, про путешествия...

Но ни за что не расскажет про Великого Бога Денег.

ГЛАВА ПЯТАЯ. АДЕПТ

43. МНОГИЕ ПОЛАГАЮТ, что, нырнув под Самый Опасный Мост и войдя в Москву, Рублево-Успенское шоссе естественным образом превращается в Рублевское, потом естественным образом впадает в Кутузовский проспект, потом перетекает в Новый Арбат, а потом в Знаменку — и упирается в Кремль. Это политическая версия. Но есть и другая — гламурная. Возможно, Рублевка упирается не в Боровицкие ворота Кремля, а, нырнув перед Знаменкой направо в тоннель, петляет по Никитскому бульвару, Спиридоновке и Бронной — и упирается в ресторан «Аист». Многие думают так.

На перекрестке Большой и Малой Бронной — три ресторана. В ресторан «Аист» по несколько раз в месяц неизбежно едет всякий рублевский житель, если не хочет выглядеть лохом. А напротив через Большую Бронную — кафе «Академия». В него рублевские жители не ходят никогда, зато в него всегда ходит политолог Стас Белковский. А напротив через Малую Бронную — кафе «Кафе», куда никогда не ходят ни рублевские жители, ни политолог Белковский. Зато хожу я. И там я назначаю политологу Белковскому встречу, потому что людей, которые ходят в «Аист», — полный «Аист», людей, которые ходят в «Академию», — полна «Академия», свободных мест нет. А в кафе «Кафе» пусто. Стас был свидетелем и участником многих перипетий Большой Игры. Ему, собственно, платят за работу инструктора в Большой Игре, как платят бретеры фехтовальному тренеру, который (хоть его победы и не в счет) по определению фехтует лучше любого бретера. И вот представьте себе, каково учителю фехтования, если дуэли запрещены. Стас оглядывается, ему неуютно, он ежится и морщится то ли от непривычного интерьера кафе «Кафе», то ли от того, что политика в России перестала быть публичной и политических консультантов никто больше не спрашивает про их методы. Всех интересуют только прогнозы. От безысходности Стас занялся даже консультированием бизнесменов, ибо в бизнесе

компании конкурируют друг с другом точно так же, как в политике когда-то конкурировали партии, а теперь — группировки.

Я не знаю, насколько Стас красуется и вполне ли серьезен, но вот он мне рассказывает про бога. Про великого бога, которому служат рублевские Игроки и имя которому — Деньги. (Во множественном числе про единое существо, точно так же как иудеи к единому своему богу обращаются во множественном числе — Элохим.)

Итак, деньги, если верить Белковскому, — это единственный на Рублевке бог. На какой-то своей стадии Большая Игра превращается в религию Денег. И вот как формулирует Белковский символ этой веры, ее десять заповедей.

«Единственный разумный результат любой деятельности, — говорит Белковский, — это деньги». Но мне скучно так записывать. В своей голове я редактирую его тезисы и записываю так, как религиозный фанатик писал бы в книге, которую считает боговдохновенной.

1. Деньги — это альфа и омега, начало и конец. С Денег все начинается и к Деньгам все стремится. Единственная истинная причина всего — Деньги. Единственный истинный результат — Деньги. Даже слава имеет значение лишь как средство получить Деньги. Если ты прославлен, но беден — горе тебе.
2. Человек с Деньгами и человек без Денег — различны. Разница между ними непреодолима, как непреодолима пропасть между посвященным и простецом, благословенным и проклятым. Вопрос только в пороговой сумме, начиная с которой слово «Деньги» следует писать с заглавной буквы. Двадцать лет назад это был миллион. Теперь — миллиард. Но не следует поминать миллиард всуе. Деньги могут разгневаться. Миллиардер Полонский опрометчиво рисковал, говоря: «У кого нет миллиарда, пусть идет в жопу»^[14]. Горе ему! Зачем он это говорил? Ставил свое тщеславие выше Денег? Горе тщеславцу!
3. Ни на что не стоит тратить Деньги, кроме снискания Денег. Ни на мужчин, ни на женщин, ни на стариков, ни на детей, ни ради слез и ни ради радости. Жертвовать деньги можно только Деньгам,

чтобы Деньги вернулись сторицей. И если придут к тебе и скажут: «Вот мы благотворительный фонд», спроси: «Кто благословил вас?» И дай Деньги только благословенному.

4. Никогда посвященный не станет отдавать Деньги простецам. Это значило бы, что ценишь какое-то их горе или какую-то их радость выше Денег. Деньги могут разгневаться. Блюсти Деньги должны посвященные, те, у кого Деньги есть. Поэтому лучше потратить миллион на проститутку, чем тысячу на сиротский дом. Ибо проститутка достанется посвященному, а сиротский дом — кому? Пусть на сиротские дома жертвуют деньги те, у кого нет Денег.
5. Не отдавай Деньги. Горе отдающему. Ибо нет ничего ценнее Денег. Отдать Деньги можно только ради того, чтобы Деньги вернулись другим путем, умножившись. Мудрые знают, на что потратить Деньги. На какую одежду, какую пищу, какую машину. И если ты не знаешь, то горе тебе, ибо ты глупец и Деньги отнимутся у тебя. И горе тому, кого простецы увидят в рейсовом самолете, лучше бы ему не родиться. Не бывай с простецами: они выдыхают воздух, отравленный бедностью.
6. Укради! Мудрый позволяет себе роскошь, чтобы показать, как много украл. Если ты мог украсть и не украл, не значит ли это, что честность или законопослушание ставишь выше Денег? Деньги разгневаются. Мудрые знают друг про друга, что все они вору. Но не говорят об этом, ибо иначе получится, что говорящий ценит правду выше Денег. Молчать мудро. Деньги умножатся.
7. Не прельщайся прекрасным и изощренным. Искусство, наука, ремесла — это всего лишь функция Денег. Ни один мастер без Денег не может создать даже и пустоту. А Деньги привлекают любого мастера.
8. Все продается. Любая вещь и любой человек. Всякий, кто не продается, — еретик. Призвание мудрого — доказать еретикам, что они не просто продаются, а продаются дешево, дешевле, чем думали.
9. Не убий! Деньги милосердны. Если можно купить, зачем убивать, это слишком дорого. Но если убить — дешевле, чем купить,

убийство неизбежно. Впрочем, мудрый всегда предпочтет убийству навет. Деньги милосердны.

10. Деньги сами находят верных своих по милости своей. Никому никогда не удавалось стяжать Деньги против их воли. И если Деньги выбрали тебя, береги их. Потеряешь — не вернешь. Никому и никогда Деньги не давались дважды.

Сформулировав десять заповедей, Белковский откидывается в кресле и улыбается удовлетворенно. Я спрашиваю:

— Стас, и что будет человеку, соблюдающему эти заповеди? Счастье?

— Нет, — отвечает Белковский. — Бессмертие. Ведь любая религия стремится к бессмертию, а вовсе не к счастью.

44. МНОГИЕ РУБЛЕВСКИЕ ИГРОКИ просто не знают, откуда у них взялись Деньги. Или так долго скрывали это, что и сами поверили в свои отвлекающие версии. Не было Денег — и вдруг появились. Не то чтобы человек работал в поте лица, откладывал по грошику, инвестировал в дело, а вот просто не было Денег — и вдруг на тебе! Чудо! Рациональные объяснения чуду, да еще и повторяющемуся раз за разом с одним и тем же человеком, трудно найти, и немудрено, что богатые прибегают к мистическим объяснениям своего успеха, а бедные эти объяснения принимают. Мало ведь у кого есть экономическое образование. Мало кто всерьез задумывался о природе своих богатств. Компьютерный геймер тоже не задумывается, из каких алгоритмов сложен противостоящий ему монстр в мониторе, просто крошит монстра волшебным мечом, не рассуждая и о том, из каких алгоритмов состоит меч.

Роман Абрамович, например, не устает говорить, что все в жизни дается тем, кто оказывается в нужное время в нужном месте, но не уточняет, что это за волшебное место и что за волшебное время и почему раз за разом в нужное время и в нужном месте оказывается именно Роман Абрамович. Как это объяснишь, кроме благословения и миропомазания? Пожалуй, Абрамович и сам теперь верит, что благословен и миропомазан.

Ведь откуда-то взялись же Деньги! Вот в конце 80-х и в начале 90-х в России все были примерно одинаково бедными, так что даже компьютер считался предметом роскоши. И когда Горбачев слегка послабил государственную собственность на все, разрешил кооперативы, всякий кому не лень принялся торговать компьютерами. Кто-то сделал на компьютерах миллионные состояния, а кто-то едва сводил концы с концами. Как это объяснить, кроме благословения Великого Бога Денег? Многие разбогатевшие на компьютерах и вправду верят в везение. Как шаман, постучавший в бубен: если после камлания пошел дождь, он верит, что они с бубном прекратили засуху.

Нет, ну правда! Как вы объясните, что на одних и тех же компьютерах кто-то не заработал ничего, а кто-то — миллионы? Объяснение между тем довольно простое. В конце 80-х некоторые кооперативы создавались сами по себе, а некоторые — при крупных предприятиях военно-промышленного комплекса. Тот, кто торговал компьютерами на свой страх и риск, прогорел. Потому что компьютеры покупались за доллары, а продавались за рубли. И свободной конвертации рубля не было. Чтобы купить в Америке компьютеры, надо было сначала продать в Америке что-нибудь купленное за рубли. Ничего нужного в Америке Советский Союз не производил, нефть стоила меньше десяти долларов, и если находилось в советской экономике что-то нужное за океаном, то для советских времен это были слишком сложные коммерческие схемы. Рано или поздно торговля по принципу «американские компьютеры в обмен на русский лес» разлаживалась.

Но крупные военно-промышленные предприятия покупали доллары у государства по официальному курсу за двадцать шесть копеек. Покупали и отдавали своим дочерним кооперативам. А те привозили компьютеры, продавали за рубли по рыночной цене, но доллары, чтобы закупить следующую партию, покупали не по рыночной цене (на черном рынке доллар тогда стоил около пяти рублей), а опять-таки у государства — за двадцать шесть копеек. То есть никакого везения, никакого благословения, никакого миропомазания. Простое мошенничество: компьютеры продавали по рыночной цене, а доллары покупали по государственной, компьютеры — по рыночной, доллары — по государственной. На каждой такой сделке за счет бюджета

государство в двадцать раз увеличивало прибыль торговцев компьютерами. Но только тех торговцев, что торговали под крышей государственных военно-промышленных предприятий. Потом, в самом начале 90-х, правительство отменило государственную монополию на водку. Это решение превратило компьютерных миллионеров в водочных мультимиллионеров, просто потому что у них были деньги, чтобы закупить за границей огромные партии спиртного, как только это стало возможно.

Себестоимость спирта мизерная. Огромные доходы от продажи водки идут обыкновенно в бюджет и направляются на социальные программы. Но государство решило так, что в начале 90-х водочные сверхприбыли не направлялись на здравоохранение и образование, а оставались торговцам. Потом люди, разбогатевшие на торговле компьютерами и водкой, открыли частные банки, и государство создало банкирам платежеспособных клиентов. Денег ведь ни у кого не было. Но государство провело приватизацию, и каждый гражданин оказался вдруг собственником как минимум квартиры. Квартиру можно сдать, продать, а деньги положить в банк. И когда денег граждан в банках оказалось достаточно много, государство помогло богачам еще раз — объявило дефолт в 1998 году, то есть дало официальный повод денег вкладчикам не возвращать. А если кто и вернул, как, например, банк «Менатеп» Михаила Ходорковского, — то по восемнадцать центов с доллара.

А еще государство раздало новым богачам крупнейшие предприятия на залоговых аукционах. В те времена на городских помойках можно было найти антикварную мебель: она была мусором, а после реставрации становилась нешуточной ценностью, но у владельцев не имелось денег на реставрацию. И то же самое происходило с нефтяными, металлургическими, химическими компаниями — они были мусором, приносили только убытки. Но, оказавшись за бесценок в руках богачей, получив серьезные инвестиции и толковое управление, приобретали огромную ценность — миллиарды.

Всякий раз сверхприбыль образовывалась не столько из-за деловой хватки владельцев и даже не из-за труда рабочих, сколько из-за политического решения государства. Государство вдруг меняло

условия игры, и кто-нибудь мгновенно сколачивал состояние на разнице между тем, что было, и тем, что стало.

Слова Абрамовича, что все на свете дается людям, оказавшимся в нужное время в нужном месте, можно расшифровать. Надо оказаться в том месте, где государство меняет условия игры, и в то время, когда оно их меняет. Вот секрет рублевского благословения. Несмотря на его простоту, мало кто понимает этот секрет. А кто понимает — молчит. До массового сознания жреческая тайна о том, откуда берутся Деньги, доходит только в виде анекдота: дескать, лучший бизнес — приватизировать один метр государственной границы.

Анекдот только кажется абсурдным. В Большой Рублевской Игре приватизированы могут быть самые неожиданные вещи. Не нефтепровод, а вентиль в том месте, где нефтепровод пересекает государственную границу. Не аэропорт в городе Грозном, а право делать вид, будто аэропорт разбомблен и не восстановлен, тогда как на самом деле работает и принимает карго. Что там везут? Что угодно: любые товары, людей, оружие, наркотики... В то время как повелители аэропорта-призрака живут на Рублевке в особо охраняемом доме, окна которого никогда не открываются. Приватизирована может быть подпись министра, время прокурора, приказ маршала. Любая функция государства может ненадолго (или надолго) оказаться в частных руках и создать немислимые Деньги.

45. КОГДА ДЕНЬГИ ПОЯВЛЯЮТСЯ, надо заставить их двигаться. Вернее, нет: заставить нельзя. Надо не мешать им двигаться. Любой капиталист вам скажет, что деньги должны работать. Капиталист относится к деньгам как к слугам. Рублевский же Игрок — как к божеству: следит за их движением, подобно древнеегипетским жрецам, наблюдавшим полет птиц и предсказывавшим будущее, истолковывая его траекторию. Если птицы падали на землю, не летели никуда — худшее предзнаменование. С Деньгами в Большой Рублевской Игре то же самое: если они не движутся, лежат на банковском счете или в ячейке, то нет ничего страшней.

— Деньги должны двигаться, двигаться, понимаете? — говорила мне рублевская трендсеттерша Ксения Собчак. Мы сидели в гостевой

комнатке радио «Серебряный дождь», где Ксения работала, чтобы быть знаменитой и получать приглашения вести корпоративные мероприятия разных коммерческих структур, то есть обменивать свою славу на деньги. — Если не можешь пустить деньги в дело, тогда нужно просто потратить их. На что угодно. На платья, на украшения, на благотворительность...

Я сидел и думал, что по описанию Ксении Деньги подобны волейбольному мячу, к которому игрокам можно лишь прикоснуться, но который нельзя брать в руки. «Держать мяч» в волейболе — это значит одним касанием перебрасывать мяч партнеру и получать обратно. Вот так и в Большой Игре: иметь Деньги — значит лишь на мгновение касаться их, отправляя в рискованную атаку.

Мы говорили об этом с Ксенией примерно за месяц до того, как с нею произошли ужасные с точки зрения Большой Игры события: Деньги Ксении были арестованы. В связи с оппозиционной деятельностью ее самой и ее бойфренда Ильи Яшина на квартире у Собчак был проведен обыск. С утра ворвались люди в масках, перерыли частные письма, поставили всю квартиру вверх дном, не давали одеться, говорили гадости... Но главное — главное с точки зрения Большой Рублевской Игры, — арестовали найденные в сейфе деньги, больше миллиона евро в разных валютах. Деньги были разложены по конвертам, и следователи предположили, что, стало быть, предназначались для выплаты разного рода оппозиционерам за разного рода антиправительственные выходки. Хотя логичнее было предположить, что Ксения, зарабатывающая в основном тем, что ведет корпоративные праздники, получала в конвертах гонорары от своих нанимателей.

Каких только глупостей не говорили безголовые обыватели по поводу арестованного Ксеньиного миллиона. Финансирует ли она оппозицию? Заплатила ли она налоги со своих гонораров? Вот о чем думал обыватель. А проправительственное молодежное движение «Наши» даже на скорую руку сняло пародийный рекламный ролик с юношей, похожим на Яшина, девушкой, похожей на Собчак, и лозунгом «Заплати налоги и спи спокойно». Серьезные рублевские Игроки тем временем думали о другом — не лишится ли Ксения благословения? Сумеет ли без значительных потерь пережить это

святотатство, чтобы доверившиеся ей Деньги оказались вдруг обездвижены в сейфах генеральной прокуратуры? Ведь позволить кому-то арестовать твои Деньги — хуже нет. Лучше быть арестованным самому. Арестованные счета — позор. Акции компании можно допустить до ареста, но только с целью изменить в свою пользу расклад на собрании акционеров, то есть опять же — заработать Денег. Но счета? Но наличные? Их арестовывают только у нищих правозащитных организаций. У серьезных людей — никогда.

Не знаю, насколько Ксения понимала это, но действовал она так, будто понимает. Во-первых, скандалила. Она, наверное, могла бы заявить публично, что никаких денег у нее не находили, а тайно договориться со следствием, что сыщики забирают себе арестованные деньги в качестве взятки. Так поступил бы лох, святотатственно ценящий свободу больше Денег. Но Ксения скандалила. Потому что нельзя отречься от Денег — это грех. Во-вторых, Ксения изыскала способ заработать Деньги на том, что у нее отобрали Деньги. Она снялась в рекламном видео-ролике.

Раннее утро, в постели спят юноша и девушка. Девушка — Ксения Собчак. Вдруг взламывают дверь и врываются в квартиру молодцы в спецназовской форме. Ксения вскакивает и кричит.

Бойцы специального подразделения переворачивают мебель, роняют предметы и, наконец, волокут откуда-то из гардеробной тяжелый сейф. Вскрывают его, но сейф пуст.

— Где деньги? — кричит боец. — Где деньги?!

— Вот деньги, — скромно потупившись, отвечает полураздетая Ксения. И действительно: в глубине сейфа отыскиваются две пластиковые кредитные карты банка «Тинькофф».

Этот ролик не предназначался для показа на телевидении. Его крутили в интернете. Как только ролик вышел, Ксения сама вывесила его в своем блоге и гордо написала: «Ну, вот и денег заработала».

С точки зрения религии Денег, это был очень верный шаг.

Арестованный Ксеннин миллион евро благодаря этому ролику перестал быть поруганным и обреченным на заточение божеством, а стал инвестицией. Сколько там заработала Собчак на этом ролике? Даже если и двадцать тысяч, даже если и сто — все равно инвестиция очень невыгодная: вложить миллион, а получить сто тысяч. Но тут

дело магическое: невыгодные сделки бывают. Можно вложить деньги и проиграть — это не грех. Великий Бог Денег прощает неудачные сделки, если на одну неудачную приходится десять удачных.

46. К СОЖАЛЕНИЮ, ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ДВИГАТЬСЯ, Деньги должны воплотиться во что-то материальное. Перестать быть идеальными цифрами на счете в каком-нибудь офшорном банке и обратиться в нефтяные вышки, заводские цеха, телевизионные студии, банковские офисы... В конце концов — в чемоданы ассигнаций, акций или векселей. Эта материальность делает Деньги уязвимыми — любая религия знает историю про воплотившегося и оттого растерзанного-бога. Вот так и Деньги: стоит им только явить себя людям, как люди начинают терзать их и дербанить на куски, как терзали и дербанили Озириса, Адониса, Таммуза^[15], Иисуса Христа, наконец.

Разумеется, идеальной сделкой, идеальным камланием Великому Богу Денег, любой рублевский Игрок назвал бы историю компании «Сибнефть». Подумать только, в 1995 году Роман Абрамович купил компанию у государства за сто миллионов долларов (это тогда были Деньги, но компания должна бы стоить дороже на порядок), а в 2005-м продал государству за тринадцать миллиардов (компания должна бы стоить дешевле). И все эти десять лет получал Роман Абрамович дивиденды с «Сибнефти». Но надо же понимать, что десять лет подряд Деньги, вложенные Абрамовичем в «Сибнефть», ежесекундно подвергались опасности. Проблемы управления, мировые экономические кризисы, колебания цены на нефть — это нормальные угрозы, с которыми сталкивается всякий предприниматель, вложивший деньги в любое предприятие, будь то нефтяной гигант или маленькое кафе. Однако, помимо обычных угроз, рублевский Игрок сталкивается с угрозами специфическими. Риск усиливается, пропорционально чудовищными становятся катастрофы и пропорционально баснословными — барыши.

Абрамович купил «Сибнефть» в 1995 году. Баснословно дешево. Пятнадцать лет спустя в лондонском Высоком суде он сказал, что аукцион по продаже «Сибнефти» был фиктивным, что один из трех претендентов на эту компанию в последний момент отозвал свою

заявку, а второй по предварительному сговору с Абрамовичем предложил денег заведомо меньше, чем Абрамович. Компания ушла за гроши.

Но ведь не в собственность Абрамовичу, а в залог. В декабре 1995-го на парламентских выборах победили коммунисты, и, если бы коммунисты выиграли еще и президентские выборы в июне 1996-го, никакой нефтяной компании Абрамович не увидел бы. Коммунисты провели бы национализацию или уж точно отказались бы от долгов, которые наделал президент Ельцин под залог нефтяных компаний.

Даже когда Ельцин выиграл при непосредственной поддержке Абрамовича и тогдашнего партнера его Бориса Березовского, даже когда компания перешла Абрамовичу в собственность, что он получил? Разрушенное производство, бунтующие нефтяные города, банды преступников, которые на каждом этапе брали с нефтяников дань. Партнер Абрамовича Березовский кинул бы его (слово «кинул» было произнесено в лондонском Высоком суде и представило немалую проблему для переводчиков), кинул бы непременно, если бы Абрамович не оказался ловчее, ибо ведь в лондонском суде Березовский обвинял Абрамовича именно в том, что тот его «кинул».

И мы обойдем стороной длинную и запутанную историю про то, как компания «Сибнефть» Абрамовича дважды пыталась слиться с компанией «ЮКОС» Ходорковского. И как чуть не погибла вместе с ЮКОСом или, наоборот, служила приманкой в игре властей против ЮКОСа. Мы ведь не знаем подробностей. И слава богу: в Большой Рублевской Игре знание подробностей вредно для здоровья.

Мы можем только догадываться, с каким облегчением вздохнул Абрамович, когда ему удалось продать компанию государству за тринадцать миллиардов. Хотя и тут мир полнится слухами, будто не все эти миллиарды перевел Абрамович на свои лондонские счета, а добрую половину «откатил» государственным чиновникам, от которых зависело решение купить «Сибнефть» так дорого. Подробностей мы не знаем, ну и хорошо — крепче спим.

Однако же и в Лондоне деньги, полученные Абрамовичем за «Сибнефть», не упокоились на банковских счетах. А предстояло Абрамовичу защитить эти, казалось бы, выведенные из игры деньги от Березовского, заплатив невиданные 12 миллионов долларов адвокату

Джонатану Сампшну. И это была победа, не только потому, что Абрамовичу не пришлось ничего платить Березовскому. Но и потому еще, что лондонский Высокий суд, отказав Березовскому в удовлетворении иска, как бы признал тем самым, что деньги Абрамовича законные, чистые, годные к употреблению в странах доминиона.

Оглядываясь на историю «Сибнефти», мы видим, что качество риска менялось. В 90-е за эту Игру можно было поплатиться жизнью. Тогдашние Игроки предпочитали прямое действие и огнестрельное оружие. В 2000-е за Большую Игру можно было поплатиться свободой. Игроки стали предпочитать не физическое уничтожение соперников, но научились функцию уничтожения перекладывать на государство, а государству удобнее посадить, чем убить. Тем, кто выжил и не сел, предстоит завершающая стадия игры, к которой только-только приступил Абрамович, — надо легализовать Деньги на Западе. Очистить Деньги в глазах всего мира. Это возможно, но с изрядным дисконтом. То есть надо заплатить Деньги, чтобы твои Деньги считались законными. Это возможно, но очень уж тяжело рублевскому Игроку, адепту религии Денег: Деньги ведь могут и прогневаться, если их адепт поставит выше Денег закон.

47. ВПРОЧЕМ, МАЛО КТО ДОШЕЛ до такого жреческого уровня, чтобы дерзнуть тратить Деньги на легализацию Денег. Большинство Игроков застряло в 2000-х: продолжают играть Деньгами и на Деньги, в качестве главного оружия используя государство. Журналистка Ольга Романова жует салат и говорит: «Кого бы нам заказать? Давай закажем, ну, например... Васю Якеменко»...

Мы сидим в кафе, которое принадлежит приятелю Романовой. Это тоже рублевская привычка: более или менее опытный Игрок автоматически назначает встречи не в тех кафе, где вкусно кормят, а в тех, что принадлежат приятелям. Романова даже не замечает этого, а я замечаю потому только, что коллекционирую даже и мелкие рублевские привычки. Ольга говорит: «Кого бы нам заказать? Васю Якеменко...» — и смеется.

Потому что мы никого не можем заказать. У меня сроду не было денег, чтобы и волос заказать с Васиной головы. Романова тоже изначально была журналисткой, в Игру попала по романтической причине — любовь-морковь, вышла замуж за миллионера, и вот теперь ее муж Алексей Козлов «заказан» партнером по бизнесу и сидит в тюрьме. А дом на Рублевке продан, чтобы хоть частично расплатиться с долгами по судебным решениям и судебным издержкам.

А Вася Якеменко — это Василий Якеменко, отец-основатель прокремлевского молодежного движения «Наши», бывший министр по делам молодежи, Игрок хоть и не высшего уровня, но такого, что нам с Романовой не подступиться. Я просто спросил Ольгу, как это — «заказать». И вот она показывает на конкретном примере.

«Ну, давай Васю Якеменко. Не нравится он нам», — Ольга делает паузу и улыбается хитро: понимаю ли я, что в Большой Игре никто не «заказывает» человека просто потому, что тот не нравится? Я понимаю, Оля. Не совсем же идиот. Ольга кивает и продолжает по-деловому: «Вася человек труднодоступный. Хотя у него неприятности. Мы, предположим, хотим заказать Васю, потому что тебе он денег должен, а от меня он, предположим, ушел к другой бабе. Такой человек стоит дорого. Предположим, двадцать миллионов. (Доллары имеются в виду, доллары, конечно.) Никакая наша обида на него не стоит двадцати миллионов. Но если в процессе его посадки у него можно отнять что-то, что стоит, например, двадцать два миллиона, то смысл есть. Во-первых, мы посадили обидчика; во-вторых, удовлетворили прокуратуру, и там теперь знают, что с нами можно работать; в-третьих, заработали два миллиона. Это уже бизнес».

Я не знаю, понимаете ли вы, о чем она говорит. Я понимаю теперь. Я уже привык к подобной логике. Она говорит, что ни одна обида на Рублевке не стоит того, чтобы удовлетворить ее не за Деньги. Ни супружеская измена, ни предательство, ни воровство — ни за что нельзя мстить, если месть не принесет, кроме морального удовлетворения, еще и Денег. Месть должна быть бизнесом. Жажду мести нельзя ставить выше Денег, ибо (помните?) нет ничего выше Денег. И лучше всего вообще не испытывать никаких чувств к жертве

своего бизнеса: во всяком случае, любовь к Деньгам следует ставить безусловно выше любви к супругу или ненависти к врагу. Вот что она говорит. Не просто нельзя поддаваться эмоциям. Нельзя их иметь, если служишь Великому Богу Денег. Надо просчитывать риски и планировать прибыль. В гипотетическом нашем «заказе» Василия Якеменко выгод три: получить два миллиона, хорошие связи в генпрокуратуре (пригодится на будущее) и, наконец, отомстить — последнее наименее важно, шалость, виньетка.

«Мы, — продолжает Ольга, — идем к Слуцкеру и говорим: “Слуцкер, почему у нас посадить Якеменко?” Слуцкер отвечает: двадцать пять. Мы торгуемся, уминаем его до двадцатки. И относим двадцать миллионов ему, потому что прямо генеральному прокурору отнести не можем».

Слуцкер, бывший сенатор Владимир Слуцкер, — это тот самый бывший партнер мужа Ольги Романовой, который, по мнению Романовой, ее мужа и посадил. Говорить об этом прямо Ольга не боится. Я не могу понять почему. Я несколько раз переспрашиваю: «Ты под запись мне говоришь?» — «Да-да! Под запись! Я всегда понимаю, что говорю под запись». И мой диктофон раз за разом записывает — Слуцкер, Слуцкер, Слуцкер. Я спрашиваю: «Скажи, Оль, зачем нам нужен Слуцкер? Почему мы сами не можем занести деньги прокурору?»

Она улыбается, как если бы объясняла ребенку, почему нехорошо в холодный день промочить ноги. «Прокурор, конечно, отнесется к нам с большим уважением, если мы уважаемые люди, выразит мне сочувствие в связи с тем, что Вася ушел от меня к другой бабе, но скажет, что у нас правовое государство, а Вася — невиновный человек. Прокурор так скажет, потому что мы с тобой не те люди, которые заносят деньги. А Слуцкер — тот человек. Слуцкер просто заносит деньги и говорит: “Якеменко”. А ему в прокуратуре отвечают, что трудно, конечно, посадить Якеменко, у него высокие покровители. Но у него есть телеканал в Ульяновске...»

Я смотрю на Олю как баран. Я не понимаю, при чем тут телеканал в Ульяновске. А Романова продолжает. «У Васи в Ульяновске действительно есть молодежный телеканал, напололам с одним оборотом. И надо сказать, этот телеканал гоняет социальный рэп с

утра до ночи. Это ж измена. Вася-то думает, это бизнес, рейтинги хорошие, реклама... Но мы собираем материал по Ульяновску, несем Бастрыкину (главе следственного комитета. — *В. П.*) и говорим: мы-то думали, Вася свой, а он вон чего, социальный рэп, измена... И если папа (то есть Путин. — *В. П.*) спросит, мы папе покажем, как Якеменко крутит на ульяновском телеканале социальный рэп и видеоролики проекта “Гражданин поэт”. Он думает, это рейтинги и чистый бизнес? Не-е-ет. Это измена. Поэтому можно и нужно Васю Якеменко посадить. Прокуратура берет у нас деньги и сажает Васю в полной еще и уверенности, что очищает страну от скверны».

Этого я тоже не понимаю, но часто сталкивался с тем, что рублевские Игроки, затеявая беззаконие, не ощущают себя преступниками. Как герой «Декамерона» Боккаччо, соблазняя жену старика, считает себя вправе — потому что нечего было жениться на молоденькой. Вот так и в Большой Игре: не стыдно посадить конкурента, потому что, если сел, то, стало быть, не достойный конкурент, а лох. Безжалостность рассказанного (и пережитого) Романовой такова, что я спрашиваю: «А вот звонит нам в этот момент Вася и говорит: “Ребята, я сдаюсь”. Мы что делаем? Встречаемся вот здесь в кафе, и Вася спрашивает, на каких условиях мы от него отстанем?»

Романова удовлетворенно улыбается, съедает кусок курицы, как если бы курица была Василием Якеменко.

«Это интересное предложение. Мы отвечаем, например: “Вася, тридцать и плюс телеканал в Ульяновске наш. Нам же надо теперь занести в прокуратуру деньги, чтобы остановить твоё уголовное дело. Сколько у нас оправдательных приговоров в судах? Ноль целых семь десятых процента? То есть ты понимаешь, Вася, ты уже попал в девяносто девять и три десятых процента. Тебе наверняка теперь вынесут обвинительный приговор, и остановить это будет дороже, чем было запустить”».

В какой-то момент я даже ставлю себя на место несчастного Якеменко. «Оль, мы эти отступные по какой формуле рассчитываем?» — «По рыночным ценам, — парирует Романова. — Вот несчастный следователь Домовец попался на том, что ему по рядовому делу занесли пятнадцать миллионов долларов. Понятно, что самому

следователю досталось бы не больше миллиона, но цена-то вопроса была пятнадцать и дело было три года назад, и рядовое. А Вася Якеменко — не рядовое дело. Поэтому посадить — двадцать, а остановить следствие — сорок и телеканал. Кроме того, придется посадить Васиного партнера в Ульяновске, потому что надо же на кого-то свалить экстремизм и измену, в которых мы обвиняли Васю. Раз уж следствие раскрутилось, а Васю надо отпустить, то про Васю мы скажем, что он ничего не знал о подрывной деятельности своего телеканала, а знал партнер. И Васин партнер сядет у нас на пятнашечку совершенно бесплатно, просто потому что подвернулся под руку».

«А почему, — спрашиваю, — мы уверены, что Вася не побежит к Путину?» — «Потому что, если бы Вася мог побежать к Путину, мы бы не стали с ним связываться». — «А если мы недооценили Васю и он все же добежал до Путина?» — «Тогда, — Романова разводит руками, как игрок, проигравшийся в пух, — наши двадцать миллионов, которые мы отдали Слуцкеру, пропали. Слуцкер уже взял себе четверть, занес остальное в генпрокуратуру, а тут генеральному прокурору позвонил Путин и сказал Васю не трогать. Это форс-мажор. Генеральный прокурор прекращает дело, и мы теряем деньги, потому что недооценили Васю». Я спрашиваю: «Оля, а сколько стоило твоему мужу откупиться? И почему вы не откупились?»

48. И РОМАНОВА РАССКАЗЫВАЕТ.

Большая Игра рождает новые, неведомые в обычном мире профессии. Здесь, на Рублевке, большим почетом пользуется, например, профессия «консильере», словно бы сошедшая со страниц романа «Крестный отец», или профессия «трасти», удачно представленная в фильме «Леон» о наемном убийце. Иногда я думаю, что рублевские Игроки просто насмотрелись западного приключенческого кино. И Романова подтверждает — таки да, насмотрелись!

Романова говорит, что в почерпнутых из кинематографа рублевских представлениях о мире Владимир Слуцкер — трасти прокуратуры.

Она описывает эту профессию так. Взятку в миллион долларов (или уж тем более в десять миллионов) не положишь ни на один счет ни в России, ни за границей. Откуда у прокурора миллион долларов? Такие Деньги нельзя положить ни на счет жены, ни на счет сына, ни на счет тестя, тещи... Доходы государственных служащих декларируются, и не российская полиция, так Интерпол сунет же свой нос и спросит — откуда?

Поэтому взятку свою государственный служащий кладет на счет трасти, который должен быть бизнесменом и миллионером, чтобы миллионные суммы терялись на его офшорных счетах. Вернее, даже так: трасти сам же и является посредником между взяткодателем и взяткополучателем, сам несет чиновнику взятку, но не в чемодане, а под честное слово. Трасти говорит: «С сегодняшнего дня твои десять миллионов долларов лежат на моем счете в банке на Каймановых островах. Можешь получить их в любую минуту, когда захочешь. Но зачем тебе Деньги? Чтобы враги спрашивали, откуда они у тебя? А про твои Деньги на моем счете никто не спросит. Ты хочешь что-то купить на них? Океанскую яхту? Дом в Нормандии? Акции Apple? Я куплю тебе океанскую яхту, дом в Нормандии и акции Apple. Оформлю на подставных лиц или подставные компании. Потому что зачем тебе яхта, дом и акции, оформленные на твое имя? Чтобы враги спрашивали, откуда они у тебя? Тебе нужно свидетельство о собственности на яхту — или ходить на яхте по морю? Тебе нужна купчая на дом — или жить в своем доме в Нормандии, когда захочешь? Тебе нужны акции Apple в сейфе — или дивиденды с акций Apple?»

Этакий ход мыслей трасти кажется рублевскому Игроку разумным. Игрок ходит по морю на океанской яхте, живет в собственном доме в Нормандии, летает на частном самолете и в любой день может попросить управляющего перевести ему сколько угодно денег в счет дивидендов от акций. Так вырабатывается доверие.

К тому же трасти приносит Игроку все новые и новые взятки. Вернее, говорит, что в банке на Каймановых островах лежат еще десять миллионов, и еще десять, и еще двадцать. Игрок считает себя миллионером, мультимиллионером, миллиардером. И так до тех пор, пока в жизни Игрока не случается несчастье. Когда оно случается (например, доверитель попадает в опалу и вынужден уехать из

страны), трасти может поступить с ним честно, а может кинуть. Кинуть — значит не отдать деньги, лежащие на Каймановых островах. Поступить честно — значит отдать, но не все, а столько, сколько нужно доверителю, чтобы достойно, по рублевским меркам, пережить опалу и встретить старость.

Вот Абрамович, например, был трасти Березовского. Березовский устроил так, чтобы благодаря своей близости к власти получить за бесценок нефтяную компанию. Но сам управлять ею не мог из-за той же близости к власти. Доверился Абрамовичу. И когда попал в опалу, когда эмигрировал в Лондон, Абрамович не кинул его, деньги отдал. Правда, Березовский полагал, что ему в компании «Сибнефть» принадлежит доля в шесть миллиардов долларов. А Абрамович полагал, что Березовскому хватит полутора миллиардов, чтобы купить в Англии поместье и спокойно дожить жизнь, по субботам посещая Ковент-Гарден. Это, в понятиях Большой Игры, не значит кинуть. Это значит отдать. Потому что отдают не столько, сколько тебе принадлежало, а столько, сколько ты можешь унести, сумму, которой ты достоин в жалком твоём опальном положении. Такова логика трасти.

А если умирает трасти, то доверитель его не получает вообще ничего. Так случилось со вторым трасти Березовского Бадри Патаркацишвили. Он скорострительно скончался, и Березовский не сумел найти свои деньги, которыми управлял Бадри. Такова логика окружающего трасти мира: бедолагу рвут на части, стоит ему не то что умереть, а хотя бы ослабеть.

Поэтому трасти должны поминутно доказывать всему миру, что остаются сильными, что не потеряли своих связей и палец им в рот не кладут. Потому, говорит Романова, трасти прокуратуры должен время от времени доказывать всему миру, что он все еще трасти прокуратуры — периодически показательно сажать кого-нибудь, тем самым демонстрируя свою способность посадить кого угодно.

Так вот, Ольга Романова говорит, что ее муж Алексей Козлов был для Владимира Слуцкера рекламной акцией, показательной жертвой, человеком, которого следовало посадить в тюрьму, чтобы весь мир в очередной раз убедился в способности Слуцкера посадить кого угодно, даже и миллионера, партнера, мужа известной журналистки.

Романова говорит, что Алексею Козлову нельзя было откупиться: на кону стояли не двадцать миллионов каких-нибудь, а сама репутация прокурорского трасти, то есть все Деньги, которые он за всю жизнь может заработать, заносая прокурорам взятки. Если бы Слуцкер не посадил Козлова, все подумали бы — не смог, Акела промахнулся, Акела — мертвый волк. И все, кому нужно посадить партнера, заказать врага — не понесли бы больше Владимиру Слуцкеру Деньги, искали бы другого посредника, другого трасти. Так говорит Романова. Она, правда, не говорит, что, возможно, ее муж Алексей Козлов не пробовал откупиться еще и потому, что Деньги (в полном соответствии с правилами Большой Игры) ценит выше свободы. Нельзя ведь сбрасывать со счетов такую возможность. Нельзя ведь забывать, что для адепта Денег нет ничего страшнее, чем потерять Деньги.

49. ПРИ ЭТОМ ЧЕМ УСПЕШНЕЕ РУБЛЕВСКИЙ ИГРОК, тем ближе и вероятнее день, когда ему придется потерять Деньги. Не все. Не известно случая, чтобы человек, однажды бывший миллионером или миллиардером, разорился до нищенства. Те крохи, которые остаются Игроку после разорения, любой нормальный человек посчитал бы настоящим богатством — разложил бы по банкам и инвестиционным фондам и жил бы припеваючи.

Игрок — другое дело. После разорения его дети не покидают престижной английской школы. Его старики родители не переселяются в богадельню. Бытовые обстоятельства его собственной жизни не меняются, если только Игрок не сел в тюрьму. Кроме одного.

Слово «Деньги» в устах Игрока теряет заглавную букву «Д». Божество Денег превращается просто в деньги. И это гибель богов. В День Разорения Игрок подобен скандинавскому богу Одину, которому мало того, что все погибло, он еще и восходит на костер, чтобы уничтожить самого себя. И тем мучительнее, что поленья не разгораются, саморазрушения не получается, пес Фенрир, разрушитель мира, медлит.

(Вы скажете, я сбиваюсь с логики, наделяя божественными функциями то Деньги, то Игрока, поклоняющегося Деньгам? Но это не я сбиваюсь с логики, это рублевский Игрок, чем ближе он ко Дню

Разорения, тем больше сбивается с логики и начинает путать, кто тут божество — Деньги или он сам, добившийся такого количества Денег.)

Чем успешнее Игрок, тем отчетливее он сходит с ума, считая себя неуязвимым. Вот Платон Лебедев, Игрок опытный и высокого уровня, финансовый гений группы «Менатеп», Колдун в команде Ходорковского, человек достаточно осторожный, чтобы понимать, как это важно — быть готовым к атаке. И он был готов. Несмотря на внезапность и энергичность, с которой началась атака на ЮКОС, Платона поначалу успели спрятать, уберечь от ареста. Он прятался в одной из элитных больниц, и всего несколько дней требовалось акционерам ЮКОСа, чтобы эвакуировать Лебедева за границу. И прошли эти несколько дней. Все было готово: частный самолет в аэропорту, документы, подкупленные гаишники, которые провели бы машину до аэропорта, подкупленные пограничники, которые обеспечили бы коридор через границу...

Но (вот говорил же я, что Игроку нельзя иметь человеческих чувств!) за две недели до начала атаки на ЮКОС у Платона Лебедева родилась дочь. Даша. И он, кажется, всерьез любил свою вторую жену и своих маленьких дочерей. В день, на который был назначен побег, Платон позвонил домой. На что он рассчитывал? Что его телефон не слушают? Но слушали, конечно. На невероятное везение, раз уж ему несколько раз в жизни невероятно везло? Только не на этот раз. На нерасторопность спецслужб? Всерьез надеялся, что, пока фээсбэшники отследят звонок, да пока определят местонахождение звонившего, да пока приедут, пройдет не менее суток, и он уж будет таков на частном самолете через дырявую границу? Нельзя так думать в Большой Игре. Группа захвата была у Платона в больнице через сорок минут и арестовала его. Так рассказывает Юлия Шахновская.

С ареста Платона в ЮКОСовском поселке Яблонево наступил День Разорения, продлившийся почти год, до ареста Ходорковского и дальше. Дело в том, что в Большой Игре человек никогда не разоряется один, всегда разоряется команда. Деньгами группа «Менатеп» рисковала много раз. И когда создавала банк, и когда покупала ЮКОС, и когда прикупала к ЮКОСу Восточную нефтяную компанию. Потерять все деньги, уйти в минус, начать все с нуля

рисковали многократно, но Деньги при всех этих рисках оставались умирающим и возрождающимся Богом, про которого известно, что чем жесточе Он умер, тем триумфальнее воскреснет.

Разорение команды в Большой Игре начинается с захвата заложника. Платон был заложником. Когда взят заложник, команда лишается возможности контратаковать, потому что бог знает, какие меры воздействия применят к заложнику, как он будет страдать, как выдержит страдания, что расскажет под пыткой карцером, голодом, неоказанием медицинской помощи, а то и просто избиениями. Когда взят заложник, команда не может и бежать, бросая то, чего нельзя спасти, и спасая Деньги, спрятанные на офшорных счетах. Не потому даже не может бежать, что дурно бросать в беде товарища. А потому, что заложник, узнав, что команда его бросила, — на какое сотрудничество со следствием пойдет? Сколько расскажет тайного? Сколько подпишет на себя и на команду свою наветов? Команда ЮКОСа, полагаю, в твердости Платона Лебедева была уверена: Платон не предаст, Платон — кремень. Но не меньше были они уверены в существовании психотропных средств, которые любой кремень превращают в слизняка. К Платону их не применяли, но впоследствии к начальнику службы безопасности ЮКОСа Пичугину применяли, кажется, вполне активно.

И потому над поселком Яблонево сад повисло молчание. Юля Шахновская рассказывает, что у них в поселке было всегда два больших праздника, которые справляли все вместе, — Новый год и день рождения Миши (Ходорковского).

Новый год до ареста Платона Лебедева был еще веселый. Ничего особенного, сидели за большим столом, балагурили, шутили, пуляли в потолок пробками от шампанского. А после ареста Платона 26 июня на день рождения Миши Юля пришла к Ходорковскому в дом и была поражена: как всегда сидели за большим столом, но — молчали. Все до одного, как в рот набрав воды.

50. В ПРОМЕЖУТКЕ МЕЖДУ МОЛЧАЛИВЫМ днем рождения в начале лета и арестом поздней осенью Ходорковский путешествовал. Официально смысл его путешествий заключался в том, чтобы

встречаться по регионам со студентами, рабочими, солдатами и разьяснять, как выгодно слияние компании «ЮКОС» с компанией «Сибнефть». Неофициально, как говорили, эта его поездка — политическая, серия выступлений, во время которых Ходорковский впервые представал в качестве политика.

Но с точки зрения Большой Игры эта поездка — побег. Когда взяли заложника, бежать нельзя. Для того ведь заложника и взяли, чтобы ты не убежал. Но и не бежать нельзя, поскольку если не побежишь, то возьмут тебя. Задача, стало быть, сводится к тому, чтобы бежать и не бежать одновременно. И вместо надежного побега за границу члены команды ЮКОСа начали перемещаться, как угорелые, по стране. Ошибочный расчет их в том, что арестовать будто бы могут только в столице, а в провинции не могут. В одном из интервью томскому телевидению Ходорковский, рассказывая, каким авторитарным и полицейским стало государство, произнес следующую фразу: «Посадить можно кого угодно. Только чтобы посадить меня, нужен генеральный прокурор, а чтобы посадить простого предпринимателя, достаточно участкового милиционера».

Ошибка. На самом деле в Большой Игре участкового милиционера достаточно, чтобы посадить кого угодно — хоть мелкого булочника, хоть миллиардера, владельца огромной нефтяной компании. Даже депутата и сенатора может арестовать простой мент, несмотря на парламентскую неприкосновенность. На форумах компьютерных игроков это называется плохим балансом. И речь вот о чем. В самом начале игры вооруженный пока только одним простым кинжалом герой подходит к двери, за которой ждет его первый квест, но дверь, оказывается, стережет охранник. Приходится сражаться с охранником, и прежде, чем победишь, несколько раз погибнуть и начать игру с начала. Но вот проходит много месяцев, игрок преодолевает пятьдесят, семьдесят уровней. Обзаводится волшебными доспехами, волшебным мечом, магическими способностями, запасными жизнями, смертоносными заклинаниями... И однажды логика игры приводит игрока к той самой двери, с которой игра начиналась. И у двери опять охранник. И опять битва тяжелая. «Как? — думает игрок. — Почему? Я прошел семьдесят уровней, стяжал в битвах волшебное оружие и

магические навыки. А этот охранник стоит здесь, у первой двери. Когда он успел прокачаться и оказаться равным мне?»

Но так устроена игра. И компьютерные игры, и Большая Игра на Рублевке — одинаково. Баланс ни к чему. Стражники и охранники всегда оказываются равны по силе любому игроку. Только их много. Победишь одного — на его место встают двое.

Никакого генерального прокурора не потребовалось, чтобы арестовать Ходорковского. Его арестовала простая оперативная группа ФСБ в сибирском аэропорту во время дозаправки самолета. И в Москве никакого генерального прокурора не потребовалось, чтобы предъявить обвинения — достаточно простого следователя прокуратуры. И никакого верховного судьи не потребовалось, чтобы определить меру пресечения «содержание под стражей». Присудил простой судья. И простой же судья потом осудил на восемь лет. И простые судьи не выпустили по УДО. А взыскания и карцеры в тюрьмах назначали простые тюремщики.

И адвокат Ходорковского Антон Дрель вспоминал, что не спорил его подзащитный ни с оперативной группой во время ареста, ни со следователем во время предъявления приговора, ни с судьей, когда брали под стражу. Про всех, кто арестовывал его, Ходорковский говорил, что они, дескать, люди подневольные, не они же принимают решения. И если так говорил, то ждал, вероятно, что рано или поздно появится на сцене тот, кто принимает решения — вот с ним-то и поговорить, у него-то и выторговать условия мира или почетной капитуляции. Но тот, кто принимает решения, так и не появился. Да и был ли он? Существовал ли у всей атаки на ЮКОС единый мозг? Акционерам ЮКОСа почетней, конечно, думать, что был. Что сам президент Путин стоял за банкротством их компании и их собственными арестами. А ну как не было единого мозга? Ну как люди в погонах дербанили крупнейшую в стране нефтяную компанию каждый за себя? Как стая ворон дербанит падаль — не по единому ведь плану, не выстраиваясь в боевые порядки.

Разгром ЮКОСа был осуществлен людьми простыми, невысокого положения, не богатыми. Каждого из них Ходорковский мог бы купить со всеми потрохами, жалкими квартирками, убогими дачками и подержанными автомобильчиками. Только и преимущества у этих

людей, что форма какого-нибудь силового подразделения да оружие в руках. Но именно это преимущество оказалось решающим.

Во время обыска в доме приемов ЮКОСа в поселке Яблоневый сад следователи и бойцы ОМОН столько посуды дорогой побили, столько напитков представительских выпили, разворовали и разлили на пол больше, чем стоило содержание всего их отряда, все их зарплаты, премии, выслуги и боевые. И ничего им не было: не укоряло начальство, не делало взысканий за превышение полномочий и уничтожение ценностей, которые можно ведь и конфисковать. Никто даже и не пытался апеллировать к воинской дисциплине, потому что никто из врагов ЮКОСа не относился к бойцам ОМОНа как к людям. Они инструмент, а с инструмента какой спрос?

Зато очевидной становится стратегия выживания, к которой прибегает рублевский Игрок накануне Дня Разорения, перед лицом посадки, эмиграции или, в лучшем случае, тихого выхода из Большой Игры на скромную пенсию.

Чтобы сохранить Деньги, избежать Разорения, посадки, эмиграции, в Большой Рублевской Игре надо стать инструментом, поступить на государеву службу, потому что с инструмента — какой спрос.

Сложность только в том, чтобы поступить на государеву службу, но Деньги при этом сохранить и Игру продолжить. Для этого имеется целая технология.

ГЛАВА ШЕСТАЯ. ЧИНОВНИК

51. В 90-е ГОДЫ, если рублевский Игрок становился настолько успешен, что большие Деньги делали его уязвимым, принято было избираться депутатом парламента или сенатором. Это давало парламентскую неприкосновенность. К концу 2000-х депутатская неприкосновенность не стоила ничего. Кандидатов в депутаты Марию Гайдар и Никиту Белых задерживали на митингах и мариновали в милиции, несмотря на прямой законодательный запрет задерживать кандидатов в депутаты. Депутата Илью Пономарева задерживали, когда он уже был избран, и не помогли депутатские корочки. А депутата Гудкова, когда понадобилось подвергнуть его гонениям, за два дня и вовсе лишили мандата.

К концу 2000-х сколько-нибудь существенная неприкосновенность превратилась не в депутатскую, а в чиновничью. Формально, например, следователь прокуратуры или сотрудник ФСБ не обладает никакой неприкосновенностью, но на самом деле любой регулировщик знает: если нарушитель правил движения покажет прокурорский или эфэсбэшный документ — надо отпустить.

Минус государственной службы в том, что зарплаты у чиновников очень маленькие, а иметь бизнес или заработки на стороне запрещено. Наталья Тимакова, пресс-секретарь Дмитрия Медведева (в прошлом президента, а теперь премьера), так и говорит: «Только зарплата. Я декларирую все свои доходы. В этом смысле девушкам проще, муж зарабатывает. А для мужчины, который должен нормально содержать семью, зарплата на госслужбе, конечно, очень невелика». Тимакова, правда, не уточняет, что в какой-то момент ее пресс-секретарской деятельности муж ее, журналист Александр Будберг, вынужден был прервать свою успешную карьеру в газете «Московский комсомолец». Официально потому, что нельзя работать журналистом и быть мужем главного в стране пресс-секретаря — это конфликт интересов. Но неофициально получается, что вот Тимакова работает у Медведева пресс-секретарем, а муж ее ушел с работы и получил... крайне

высокооплачиваемую должность главы пресс-службы банка ВТБ. Таким или подобными способами всякий пресс-секретарь правительства и всякий пресс-секретарь президента получает доступ к деньгам. Но не к Деньгам. Мы ведь помним, что доступа к Деньгам нельзя добиться, поступив на какую-то там службу, пусть даже и государственную. Помним ведь, что Деньги сами выбирают себе служителей. Так вот, не ради получения Денег поступают на госслужбу, а ради защиты Денег, которые уже приобретены. Госслужбой защищают Деньги, а Деньги, в свою очередь, защищают Игрока, поступившего ради них на госслужбу.

Я спрашивал Тимакову, на чем держится ее лояльность по отношению к шефу, почему Медведев доверяет ей. Тимакова отвечала невнятно, что никогда, дескать, шефа не подставляла, и он никогда ее не подставлял, что во многом, дескать, совпадают их оценки текущих событий. Так она отвечала мне, а через несколько дней зачекинулась на фейсбуке в дорогом итальянском отеле Villa Feltrinelli.

Поднялся скандал. Журналисты обсуждали, может ли пресс-секретарь премьер-министра жить в отеле, где одна ночь стоит чуть ли не месячную ее зарплату. Вспомнили про состоятельного мужа. Но выяснилось немедленно, что Villa Feltrinelli — не просто дорогой отель, а дорогой отель, принадлежащий российскому бизнесмену Виктору Вексельбергу. Скандал разгорелся снова: обсуждалось теперь, не в подарок ли, не в качестве ли взятки от олигарха получила госчиновница Тимакова несколько ночей в отеле Вексельберга.

С точки зрения Игры этот скандал оказался для Тимаковой настоящей находкой. Если до скандала лояльность пресс-секретаря премьер-министру обеспечивалась только «совпадением оценок» и доходной должностью мужа, то после лояльность была скреплена кровью. Теперь Дмитрий Медведев мог закрыть глаза на скандал с Villa Feltrinelli, а мог в любую секунду дать ход расследованию. При неряшливости наших следователей, при послушности наших судов и при бессилии наших адвокатов за неделю против Тимаковой могли сострять уголовное дело, из которого следовало бы, что она получила взятку от олигарха. А против Виктора Вексельберга можно было сострять дело, что он, дескать, дал взятку госчиновнику. Вот теперь, только теперь премьер-министр Медведев мог быть уверен, что

пресс-секретарь Тимакова будет беззаветно верна ему. Она открылась, подставилась под уголовное дело, от которого только шеф мог защитить ее, что в глазах шефа гарантировало совершеннейшую лояльность подчиненной.

Подобных случаев множество. Вот депутат Митрофанов, например, избирался во все созывы парламента, бегал из фракции во фракцию, вел себя эксцентрично, участвовал во всех на свете ток-шоу — но не шла карьера. А стоило только депутату Митрофанову попасться на передаче взятки в 2,5 миллиона рублей (или только жалоба в парламент поступила, что попался, не доказано еще), как депутат Митрофанов сразу получил важный комитет по средствам массовой информации. Потому что скомпрометирован всерьез, потому что лояльность депутата Митрофанова по отношению к власти обеспечена теперь висящим над Митрофановым уголовным делом. Значит, карьера пойдет в гору. Государство защитит Митрофанова от конкурентов в Большой Игре, будучи уверенным, что сам Митрофанов беззащитен перед государством, ибо по одному щелчку пальцев даже не генпрокурора, а простого следователя сядет в тюрьму.

Этим желанием скомпрометировать себя, выдать себя с головою в руки государства, доказав тем самым начальству свою лояльность, объясняется и та несусветная роскошь, которую с некоторой даже натугой принародно позволяют себе государственные чиновники. Европейцы недоумевают: зачем чиновница Голикова спускает в монакском казино явно не сопоставимые с ее зарплатой деньги? Зачем чиновник Костин приплыл в греческий порт не на одной — на двух шикарных яхтах? Зачем дорогие отели? Зачем бриллианты на пальцах жен и любовниц?

Ответ прост: затем, чтобы тюремный срок на лбу был написан у каждого чиновника и чтобы защитить мог только шеф.

52. ЧТОБЫ КОМПРОМЕТИРОВАТЬ СЕБЯ и добиваться таким способом доверия со стороны начальства, рублевские Игроки держат, кормят и натаскивают (так натаскивают сторожевую собаку) кого бы вы думали? Оппозиционеров!

Вот депутат Железняк. Во власти мелкая сошка, но главный враг оппозиции. Это он инициировал закон о митингах, фактически сделавший митинги в России невозможными. И закон о цензуре в интернете, пытаясь ограничить последнее прибежище несогласных — фейсбук. Это он, когда принимался закон, запрещающий усыновление российских сирот в Америку, принялся вдруг нарочито учить оппозиционеров патриотизму, говоря, что жить надо в России, работать в России, детей учить в России, отдыхать в России и даже установить в российских кинотеатрах специальную квоту для российского кино. Мало того, насмеялся еще все время в твиттере, подначивал, дразнил оппозиционеров, как дразнят за чужим забором собаку.

Зачем он это делал? Затем, что у него была компания, против которой возбуждено было несколько уголовных дел, так что Железняку ничего не оставалось, как баллотироваться в Госдуму от правящей партии и демонстрировать отчаянную лояльность, чтобы не сесть в тюрьму.

Однако беда с отчаянной лояльностью в том, что ее ведь могут и не заметить сильные мира. Чтобы твою лояльность заметили, надо раздражить оппозиционных собак. Пусть лают как можно громче. Пусть негодуют в своих фейсбуках и твиттерах. Пусть так обозлятся, что на блюдечке принесут следователям прокуратуры компромат на тебя. Это безопасный компромат. Не будет же ни один представитель власти пускать в ход компрометирующие материалы, добытые оппозицией. Просто потому, что они добыты оппозицией.

И — следует отдать депутату Железняку должное — оппозиция клюнула на его дешевое законотворчество и дразнилки в твиттере. Лидер оппозиции, юрист и блогер Алексей Навальный организовал колоссальное расследование, в котором раскопал уголовные дела против компании Железняка. Посчитал квартиры Железняка, явно слишком дорогие, чтобы купить их на задекларированные доходы. Отыскал фотографии коллекционных автомобилей Железняка и фотографии дочек Железняка — учащихся престижных школ Великобритании и Швейцарии. Материалов Навального хватило бы с лихвой если не на новое уголовное дело против Железняка, то уж на

прокурорскую проверку точно. Навальный нашел весь или почти весь компромат на Железняка.

И именно поэтому разом выставил Железняка в глазах власти лояльным человеком, на которого имеется компромат. И одновременно освободил Железняка от даже гипотетической угрозы, что когда-нибудь этот компромат будет использован властью против него. Не станет же, повторяю, власть пользоваться компроматом, который нашел ненавистный Навальный. К тому же упоминались в материалах Навального дочери депутата Железняка — дети. Так что сердца наполнились праведным гневом против Навального, втягивающего в политику детей. И глубоким сочувствием к чадолюбивому Железняку пропитались души властителей, накануне втянувших в политику всех российских сирот, которым нельзя теперь надеяться на усыновление в Америку.

Получилось, что первый взлет политической карьеры Железняка произошел от того, что он проворовался и попал под следствие. А второй — от того, что он проворовался и был уличен в воровстве.

Вот так оппозиционеров и используют. Оппозиционеры нужны для того, чтобы раскапывать компромат на чиновников и обезвреживать этот компромат именно тем, что раскопан он оппозиционерами.

53. ТОЧНО ТАК ЖЕ, чтобы неопасно компрометировать себя и добиваться доверия со стороны начальства, используют Игроки и другую категорию людей — светских репортеров. Светские репортеры на Рублевке — целый штат высокооплачиваемых и избалованных доносчиков. Им платят, их кормят, их одевают, возят на курорты.

Светские репортеры женского пола могут даже рассчитывать при удачном стечении обстоятельств выгодно выйти замуж.

Светским репортерам мужского пола перепадает иногда поучаствовать в бизнесе героев своих хроник. И это манит. С лучшей из цеха — Боженой Рынской — я встречаюсь в ресторане, разумеется, принадлежащем ее доброму приятелю.

Кто больше Божены знает рублевских баек, сплетен, анекдотов и даже тайн? Ее перу принадлежат гневные филиппики про министров путинского правительства, которые на глазах у всех ходят по морю на

роскошных яхтах, проигрывают в казино целые состояния, разъезжают на немислимых автомобилях. С ее дисплея сошла целая галерея образов бывших (ельцинской эпохи) чиновников, достойнейших людей, с которыми интересно поговорить, поскольку они незаурядные люди: вот Альфред Кох, бывший вице-премьер, лучше всех разъясняет все про политику и, вопреки рублевским обычаям, тридцать лет живет с одной и той же женой; вот Александр Починок, бывший министр труда, лучше всех разъясняет все про налоги, да к тому же еще и владеет если не самой обширной, то уж точно самой изысканной на Рублевке коллекцией вина... С ее клавиатуры сошел целый ряд комических персонажей, «рублевских новых», все эти жены разбогатевших милиционеров, когалымские бухгалтеры и прочая подобная публика, скупившая на Рублевке дома у Игроков, не избежавших Разорения, севших в тюрьму или уехавших в Лондон. Эти «рублевские новые» рядятся у Божены в идиотски-дорогие платья, криво сидящие на толстых задницах, покупают отвратительную мазню на помпезных благотворительных аукционах, где собирается денег меньше, чем было потрачено на банкет. Кто же, как не Божена, поможет мне разукрасить повествование яркими подробностями?..

Однако вот уже скоро как час заговорить о деле с Боженой не получается.

Первые минут десять уходят у меня на то, чтобы привыкнуть к ее облику. Нет, на ней никаких вызывающих шмоток. Наоборот — довольно строгое платье, разве что с чуть глубоковатым вырезом. Но тем не менее вся она — один сплошной призыв, избыточное женское обаяние, с которым невозможно иметь никакого дела, кроме флирта, как невозможно выпить чашку кофе, в которой три килограмма сахара.

Еще минут десять мы обсуждаем еду. Ресторан, разумеется, располагает устрицами, трюфелями и прочими изысканными яствами, но Божена ест котлету с гречневой кашей, а я — филе-миньон, честный кусок мяса с картошкой. Это тренд: трюфели теперь для когалымских бухгалтеров, модные люди едят простую пищу. И пьем мы только воду. Это тоже тренд с тех пор, как Ксения Собчак написала в своем твиттере, что слишком многие мужчины на Рублевке допились односолодового виски до отчетливой импотенции.

Еще полчаса мы обсуждаем протестное движение. Вот уж тренд так тренд в начале 2012 года, когда происходит описываемый разговор. Божена рассказывает про прогрессивного полицейского генерала, с которым срочно следует поговорить всем лидерам оппозиции, дабы привлечь на свою сторону силовые структуры. Божена звонит модному журналисту Кашину, известному тем, что был избит, по всей видимости, активистами прокремлевских молодежных движений. Мне кажется, мы обсуждаем все это с одной-единственной целью — показать друг другу, что оба — trendy. И битый час уходит у нас на это сомнительное занятие.

А потом Божена вдруг начинает петь. У нее хорошее контральто. Не просто природное, а прилично обработанное толковым музыкальным педагогом. Ресторанный тапер играет на рояле (на рояле, разумеется, пианино стоят только в ресторанах для бедных), подмигивает Божене со свойственной таперам благожелательной развязностью, а Божена поет лирические песни советских времен, тех, когда светскими львицами были артистки — жены боевых авиационных генералов или инженеров, строивших ДнепроГЭС.

Наконец, я собираюсь с силами и выпаливаю: «Божена, давайте вместе напишем книжку про Рублевку!» И она немедленно соглашается. Протягивает мне для рукопожатия через стол мягкую руку, шедевр рублевских маникюрош и европейских косметологов. Мы заключаем сделку и оговариваем условия.

Но Божена не напишет ничего. В Большой Игре никакого значения не имеет, как мягко мы ударили по рукам. Даже если мы подписали бы договор, это тоже не имело бы значения. Договоры в Большой Игре имеют значение, только если подписаны в Лондоне. Поначалу я даже обиделся на этакое ее вероломство. Пока до меня не дошло, что не выполнять обещаний — это ее профессиональное свойство, навык, отработанный за много лет. Год за годом ее приглашают на частные вечеринки, про которые просят не писать, а она про них пишет. Год за годом рублевские Игроки поверяют ей свои мелкие тайны с просьбой не говорить никому, а она говорит всем. Прелесть этих тайн в том, что они быстро портятся. Это не преступления, а повод для мгновенного скандала: новая любовница, вычурные часы, боцманская шутка в приличном обществе. Рублевские Игроки предпочитают

предоставлять начальству такой, скоропортящийся компромат на себя. Если начальство компроматом не воспользовалось, через неделю забудут. И светские репортеры, следовательно, привыкают не помнить ни о чем больше недели.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. ЖРЕЦ

54. ВОТ ТАК ПОСТЕПЕННО складывается у меня в голове образ рублевского Игрока, переходящего на высший уровень Игры. Он собрал достаточное, даже избыточное количество реликвий. Вернее, все его вещи теперь суть реликвии. Он никогда не ошибается в следовании трендам, потому что научился сам тренды насаждать, каждый его поступок — тренд. Он создал множество успешных проектов, так что теперь практически каждое его начинание — проект. На него снизошла благодать Великого Бога Денег, и теперь он все что угодно может превратить в Деньги. Накануне Дня Разорения он сумел спасти свои Деньги и Деньги своей команды, поступив на государственную службу. Вам кажется, я кратко пересказываю биографию Владимира Путина? И вы не ошибаетесь: тут, на вершине игры, у них у всех примерно одинаковые биографии, просто Путин — на виду.

Теперь, когда Игрок под защитой государства, практически ничто не угрожает ему, кроме государственного переворота. Потому что все конкуренты Игрока Высшего Уровня, все прочие серьезные Игроки — тоже под защитой того же государства, служат ему: конкуренция возможна, но уничтожение друг друга — нет, для этого государство должно расколоться внутри себя, чтобы один столп всерьез вознамерился уничтожить другой. Так бывает. Так бывало в истории нашей, знававшей разного рода дворцовые перевороты или успешные дворцовые интриги рангом поменьше.

Все, чего боится Игрок Высшего Уровня, — это дворцовый переворот. Именно не государственный, не революция, не смена власти — в их возможность никто не верит, — а дворцовый переворот, успешная политическая интрига, смена одной команды, занимающей вершину государственной пирамиды, на другую команду, ничем не отличающуюся по сути — те же Воин, Колдун, Доктор и Вор, — но отличающуюся по персоналиям.

Когда после парламентских выборов в декабре 2011 года в Москве начались многотысячные уличные протесты против фальсификации результатов, мне приходилось слышать от человека, близкого к Путину, фразу: «Неужели это Медвежонок мутит?» Владимир Путин, без сомнения, Игрок Высшего Уровня. И, будучи таковым, он боялся не народных протестов: никакая толпа народа не может поколебать жреца. Он боялся, что уличные протесты устроены другим жрецом, Дмитрием Медведевым (или Борисом Березовским, или Михаилом Саакашвили, или Бараком Обамой, который вот бы удивился, узнав, что и он рублевский Игрок). Путин, если верить моему источнику, боялся, что государство, магически защищающее всех Игроков от превратностей свободной и рациональной конкуренции, расколосось внутри себя. С другой стороны, от человека, близкого к Дмитрию Медведеву, мне в разгар протестов доводилось слышать фразу: «Если бы мы знали, что у нас такая поддержка, вели бы себя смелее». То есть, надо полагать, и в команде Медведева никто не допускал мысли, что люди могли выйти на улицы протестовать по собственной воле. Кто? Эти? Профаны, считающие деньгами зарплату в сто тысяч долларов в год? Никому на этих высших уровнях Игры не приходит в голову, что профаны (или, в старинной рублевской терминологии, «лохи») могут иметь собственную волю. Приходит в голову, что самим фактом своего существования президент Медведев породил как-то мощное общественное движение в свою поддержку. Ну, подобно далай-ламе, который своим присутствием неизменно вызывает дождь.

Многие рублевские Игроки, видя, с одной стороны, протесты под лозунгом «Путин должен уйти», а с другой, видя предоставившийся Медведеву шанс баллотироваться на второй президентский срок, ошибочно полагали, что это как-то связано. У протестов с декабря 2011-го по май 2012-го не было лидера среди рублевских Игроков Высшего Уровня. Так вот Игроки помельче и подумали, что естественный лидер протестов — Медведев. Многие говорили мне об этом. Многие ждали, когда же Медведев займет столь естественное в парадигме Большой Игры место лидера оппозиции. И владелица телеканала «Дождь» Наталья Синдеева ждала. И депутат Государственной думы Геннадий Гудков ждал. И горько ошиблись,

позабыв, что правила Большой Игры действуют только на Рублевке (и в филиалах ее, вроде Сколково или княжества Монако), только в сфере Больших Денег, а на весь остальной мир не распространяются. Протесты захлебнулись, и те Игроки, что делали на них ставку, проиграли.

В очередной раз жизнь вошла в прежнюю колею. Игроки высшего уровня опять примерно девяносто процентов своего времени посвящают охране реликвий, проверке актуальности трендов, перезапуску проектов и камланию Деньгам. Светские рауты, деловые мероприятия и даже разговоры, подобные нашему с Боженой, ежедневно служат для того, чтобы держать руку на пульсе, проверять, не нарушен ли баланс, не стал ли Медведев сильнее Путина, не стал ли Бастрыкин сильнее Чайки, Громов сильнее Пескова, Сурков сильнее Володина... Не знаете, кто эти люди? Так вы же не Игрок Высшего Уровня.

Так или иначе, девяносто процентов времени Игрока Высшего Уровня уходит на поддержание status quo. Оставшиеся десять процентов жизни занимает хобби.

55. ХОББИ ДЛЯ РУБЛЕВСКОГО ИГРОКА — очень серьезное дело. Возможно, самое серьезное после стяжания Денег. Хобби служит для того, чтобы разумно и красиво устроить какой-то сегмент жизни, пусть небольшой. Но ведь тогда можно верить, что и другие Игроки, каждый по-своему, разумно и красиво устраивают некие сегменты жизни. Главное — можно верить, что за Деньги жизнь подлежит красивому и разумному устройению.

В некотором смысле хобби — противоположность проекту. Проект, как мы помним, предполагает помещать известное явление в неожиданный контекст, тогда как хобби, наоборот, предполагает расставлять все по местам. Устраивать званые ужины на Северном полюсе или на вершине Монблана, привлекать широкую публику и получать деньги — это проект. Устраивать званые ужины в уютном ресторане для друзей и тратить на это деньги — хобби.

О проектах своих, как правило, Игрок рассказывает журналистам, а когда проект состоялся и не может быть сорван конкурентами —

вообще каждому встречному. О хобби рассказывают только доверенным людям.

Иногда в роли доверенного человека оказываюсь я. Вот, например, миллиардер, глава «Альфа-Групп» Михаил Фридман рассказывает о своем благотворительном фонде «Линия жизни».

Этот фонд оплачивает операции детям с пороками сердца, но Михаил Фридман денег на операции не дает, а дает на то, чтобы содержать инфраструктуру, собирающую деньги детям на операции. В этом суть хобби Фридмана: за Деньги обустроить разумно и красиво маленький кусочек здравоохранения и доказать, в первую очередь себе, что люди, если их правильно организовать, могут устроить себе здравоохранение, как на Западе. Фридман рассказывает о своем социальном эксперименте, а я вдруг спрашиваю: «Михаил Маратович, а правда, что вы еще финансируете какие-то исследования в области медицинских технологий, продления жизни, бессмертия или чего-то в этом роде? Вы что-то же рассказывали такое на Гайдаровском форуме?»

«Не-е-ет, — отмахивается Фридман. — На Гайдаровском форуме я рассказывал о новых технологиях, объемных телевизорах всяких...» И непонятно, то ли Фридман действительно не имеет никакого отношения к исследованиям в области бессмертия, то ли я недостаточно доверенный человек, чтобы рассказывать мне об этом.

Задуманные свои хобби Игроки всерьез оберегают от посторонних глаз. Иногда даже специально, чтобы отвлечь общественное внимание от настоящего, выдумывают отвлекающее хобби, показное. Потому что должно же быть у Игрока хобби, не бывает же иначе. Вот, например, Виктор Вексельберг, по слухам, всерьез занимается благотворительным фондом, в котором реабилитируют психически больных людей. Это занятие мировоззренческое: рублевские Игроки полагают, что весь народ вне Рублевки состоит из психов (и они, надо признать, недалеко от истины).

Фонд, реабилитирующий психически больных, — это экзистенциальная, я бы сказал, попытка за деньги вернуть разум сошедшему с ума народу, не желающему работать, пьющему горькую и погрязшему в религиозных и национальных дрязгах. Благородная попытка, но опасная: ведь если народ вернется в разум, что же ему

тогда — голосовать? Это ведь смена власти, то есть подрыв государства, которое прикрывает Игроков и связывает их круговой порукой. Поэтому Вексельберг придумывает себе ложное хобби — скупает яйца Фаберже. Хобби такое идиотское, что вся непосвященная публика записывает Вексельберга в идиоты и теряет интерес к его хобби. Для закрепления результата Вексельберг еще зовет на все свои праздники певца Григория Лепса. Широкая публика совсем уж отказывает миллиардеру в разуме и способности мало-мальски следовать трендам. И теперь Вексельберг может заниматься серьезным хобби в тишине. Заметьте: истинное хобби Вексельберга тоже имеет отношение к медицине.

Главный же рублевский Игрок Владимир Путин хобби имеет два: спасение редких животных и детский гематологический центр, где лечатся дети, больные раком крови.

Спасение редких животных в исполнении Владимира Путина выглядит довольно комично. То он стреляет снотворным в нарочно привезенную тигрицу, которая и так уже к приезду Путина накачана наркотиками. То он, взгромоздившись на моторный дельтаплан, учит летать исчезающих журавлей стерхов, причем во время подготовки к приезду Путина один из журавликов попадает в винт дельтаплана, а другой еще как-то калечится. По всему видно, что это путинское хобби — хобби прикрытия: чем оно несуразней, чем глупее, тем лучше. Что-то вроде яиц Вексельберга. А вот детским гематологическим центром Путин занимается всерьез, с нуля, с самого начала и несмотря ни на что. Это по его приказу выделяется для центра участок земли в Москве, деньги в министерстве финансов, проект в Германии. Под его надзором деньги не разворовываются, как водится, а действительно на них строится чуть ли не лучшая в Европе клиника и научный центр. Это Путин решительно пресекает все интриги, которые медицинское сообщество пыталось было развернуть вокруг центра. Врачи, работающие там, неприкосновенны, как при Берии огражден был от всех интриг академик Курчатов, выдумывавший атомную бомбу. Несколько раз отчетливо и публично Путин благословляет и фонд актрисы Чулпан Хаматовой, который поддерживает работу центра благотворительными деньгами помимо государственных. Такое благословение (сел рядом, пожал руку, поблагодарил, приехал на

открытие) дорогого стоит в Большой Игре. Это — Деньги. И фонд Хаматовой действительно собирает четыре миллиона евро в месяц, причем львиную часть этих денег — с помощью крупных рублевских Игроков, таких как глава Сбербанка Герман Греф.

Гематологический центр — это серьезно. Поскольку гематологический центр — это трансплантации костного мозга. А костный мозг — это стволовые клетки. А стволовые клетки — это бессмертие. Физическое бессмертие, а не какая-то там жалкая загробная жизнь.

56. О БЕССМЕРТИИ НА РУБЛЕВКЕ говорят часто, но неопределенно. Вот Наталья Тимакова, пресс-секретарь премьер-министра Медведева, стоит мне только произнести при ней слово «бессмертие», рассказывает: бывший министр здравоохранения Михаил Зурабов будто бы рассказывал ей, что будто бы совсем скоро трансплантология достигнет таких высот, что бессмертие станет вопросом Денег. Зурабов будто бы говорил, что уже совсем в скором будущем надо будет только тщательно следить за своим здоровьем, вовремя проходить диспансеризации и менять свои органы на донорские по мере износа. Разумеется, если спросить Михаила Зурабова, правда ли, что богатые скоро будут жить вечно, разбирая бедных на запчасти, бывший министр от такой постановки вопроса отмахнется. В лучшем случае скажет, что трансплантология развивается динамично, хотя она ни черта не развивается, а скована в России кучей предрассудков и табу.

А другой высокопоставленный чиновник, отвечающий за развитие новых технологий в наукограде Сколково, когда я спрашиваю, проводятся ли в Сколкове исследования в области бессмертия, улыбается загадочно. Улыбается и показывает мне заставку на своем рабочем компьютере. Во весь монитор у чиновника этого — монстр, страшный лысый грызун, из складчатой кожи которого торчат редкие щетинки, а изо рта — два изогнутых и несоразмерно больших резца. Глаза у зверя красные и вид несчастный. Чиновник говорит, что страшный зверь — это лысый крысокрот. Лысый крысокрот, по словам высокопоставленного чиновника, живет в десять раз дольше обычного

крота и обычной крысы и никогда не болеет онкологическими заболеваниями. Насколько я понимаю, чиновник этот надеется, что исследователи в Сколкове изучат лысого крысокрота и передадут его способность жить вдесятеро дольше и не болеть раком тем состоятельным людям, которые смогут оплатить роскошь жить вдесятеро дольше и не болеть раком. Если вместе с мафусаиловым веком крысокрота пациентам будет передаваться и его внешний вид, то я предпочитаю смерть.

А политолог Станислав Белковский уверяет, что известные артисты Янковский и Абдулов, умершие от онкологических заболеваний, заболели раком потому, что согласились на курс то ли омоложения, то ли лечения при помощи стволовых клеток. Каковым омоложением или лечением занимается компания под названием «Система управления здоровьем», которой владеют дети высокопоставленных чиновников, а руководит некий доктор Шаменков. Я пытаюсь проверить факты, нахожу «Систему управления здоровьем» и доктора Шаменкова. Шаменков утверждает, что ни Янковского, ни Абдулова не лечил никогда. Утверждает, что занимается продлением жизни, улучшением качества жизни, но никак не бессмертием. Пускается в пространные и небезынтересные объяснения про организм человека как информационную матрицу. Говорит про жизнь человека как одно большое информационное сообщение, книгу, компьютерную игру (нет, к сожалению, слова «Игра» Шаменков не произносит, это я сам додумываю.) Говорит, наконец, что в сообщении этом не следует ничего путать, что здоровье и счастье во многом сродни правде. И тут слова доктора расходятся с рублевской парадигмой. Ценить счастье, здоровье и правду выше Денег? Врешь, Айболит! Ничего выше Денег нет.

Зацепившись в речах Шаменкова за ключевые слова — «стволовые клетки», «голый крысокрот», «трансплантация», — рублевские Игроки продолжают верить: эксперименты в области бессмертия ведутся. На артистах (то есть как бы полубогах) если не Шаменков, то другие какие-то люди ставят опыты, прежде чем предложить эликсир бессмертия богам — миллиардерам и высшим государственным чиновникам. И каждый раз, когда я пытаюсь добраться до подробностей, все мои собеседники как воды в рот набирают. То ли не

знают ничего об экспериментах, направленных на обретение бессмертия, то ли боятся разувериться в ключевых своих верованиях, то ли не считают меня человеком, достойным войти в круг адептов.

Много раз от разных людей я слышал, что миллиардер Олег Дерипаска, дескать, всерьез финансирует исследования в области бессмертия, но у миллиардера Дерипаски не допросишься про это интервью ни официальным способом, то есть через пресс-службу, ни неофициальным, через общих друзей и знакомых. Молчит. Во всяком случае со мной — человеком явно недостойным никаких знаний о бессмертии.

По моей просьбе Наталья Тимакова в частной беседе спрашивает жену Дерипаски Полину, не слыхала ли та от мужа, чтобы тот финансировал какие-то поиски эликсира бессмертия. Полина отвечает — нет, не слыхала. Звучит странно: как же так — вся Рублевка слыхала, а жена Полина — ничего? Или она не жена?

В итоге приходится признать: сплетни и слухи про поиски физического бессмертия, которыми полнятся рублевские рестораны и гостиницы частных рублевских домов, недостоверны, как любые сплетни и слухи. Зато они объясняют нам, как устроены рублевские хобби.

Вот человек всерьез занимается чем-нибудь: бывший министр труда Александр Починок коллекционирует вино, банкир Петр Авен — живопись, миллиардер Абрамович налаживает отечественный футбол... Они всерьез занимаются каждый своим хобби. И каждый имеет возможность верить, что где-то рядом с тем же погружением в проблему, щедростью и тщательностью кто-то же занимается и проблемой бессмертия. По слухам — Дерипаска, один из избранных. Значит, дело в надежных руках, и рано или поздно Дерипаска (или кто там?) предложит эксклюзивную партию эликсира бессмертия для очень, очень богатых клиентов. Остается только вести здоровый образ жизни в соответствии с рекомендациями докторов Шено и Шаменкова, следить за здоровьем и дожить до того дня, когда Дерипаска (или кто?) решит проблему смерти посредством вложения достаточной суммы Денег.

Об этом не принято говорить, но мысль, что бессмертие за деньги не купишь, адепты рублевской религии Денег считают ересью.

Спешить тоже не принято. Собирают ученых в шарашки, заставляют их в условиях комфортабельного концлагеря изобретать в кратчайшие сроки атомную бомбу — это устаревшие методы, сталинские, бериевские. Теперь на Рублевке ученых, врачей, артистов, поэтов и даже святых подвижников покупают. А если купленные не устраивают заказчика, то покупают новых.

57. НА ВСЯКИЙ СЛУЧАЙ, если в ближайшее время эликсира бессмертия не будет найдено, многие рублевские Игроки в качестве хобби обращаются и к вере — более традиционному способу обрести бессмертие. Однако веру свою они выбирают, как товары на рынке.

Житель поселка Раздоры профессор-экономист Александр Аузан (человек-проект, а то и бери выше) поведение соседей своих во многих случаях склонен сравнивать с поведением потребителя на рынке. Не поймешь, в шутку или всерьез, но по самым неожиданным поводам профессор ссылается на книжку Торстейна Веблена «Теория праздного класса»^[16].

Весело смеясь, профессор растолковывает, в частности, как описаны у Веблена механизмы выбора. Как выбирает потребитель, пришедший за покупками в супермаркет, на рынок или в бутик.

По Веблену, выбор этот вовсе не рационален. В огромном супермаркете, где полно разнообразных товаров и каждого по несколько наименований, потребитель смотрит не на товар, не на качество его и даже не всегда на цену.

Потребитель смотрит на других потребителей и сообразует свой выбор с их выбором. То есть потребление в современном обществе — это способ социализации, способ определить свое место в обществе.

Веблен описывает четыре основных способа выбирать товар:

- 1) есть люди, которые покупают самое дешевое, полагая, что незачем зря тратить деньги;
- 2) есть люди, которые покупают самое дорогое, полагая, что чем дороже товар, тем качественнее;
- 3) есть конформисты, которые покупают то, что покупают все;
- 4) и есть снобы, которые покупают то, чего не покупает никто.

Каждый, последив за собой, наверняка отнесет себя к одной из этих описанных Вебленом потребительских групп. Но правда в том, что все эти четыре способа выбирать неверны.

Дешевый товар может оказаться совершеннейшей дрянью, годной только на выброс, и покупать такую дрянь — значит выбрасывать деньги на ветер. Дорогой товар вовсе не обязательно самый качественный. Пользоваться огромной популярностью может какая угодно широко разрекламированная гадость. Не пользоваться популярностью могут не только уникальные товары, предназначенные для утонченных ценителей прекрасного, но и просто плохие.

Наши способы выбирать сплошь неверны и нерациональны. Но это не значит, что глупы. Дело в том, что рациональный способ выбирать товар очень затратен. Зайдя в супермаркет за бутылкой вина, вы не будете сорок минут листать в айфоне справочник Паркера, сравнивая его оценки с оценками Gambero Rosso^[17]. Вы схватите бутылку с полки, руководствуясь одним из вебленовских принципов, и сэкономите тем самым кучу времени, сил и нервов. Вероятнее всего, вы выберете не лучшее вино по соотношению цена/качество. Но оно доставит вам удовольствие, укажет вам самим и окружающим, какое место в социуме вы занимаете или хотели бы занимать.

Мы не знаем, насколько верна вебленовская теория для всех потребителей вообще. Но должны констатировать, что на Рублевке она верна. По крайней мере, в том, что касается веры рублевских жителей в Бога. Рублевские Игроки веру свою или безверие, религиозность или атеизм, агностицизм или способность воспринимать божественные откровения выбирают так же, как покупатель в супермаркете — товар. По тем же вебленовским принципам.

Идеологий, мировоззрений (кроме культа Денег) и даже просто умозаключений вы на Рублевке не встретите. Девяносто девять процентов рублевских разговоров скажут с темы на тему. А «тема» — это сленговое рублевское словечко, обозначающее новость какую-то, нетривиальное явление, которое нужно обсудить, пока убирают закуски и несут горячее, оценить и снабдить мировоззренческим ярлыком. В этом смысле вера, религиозная принадлежность говорящего — очень удобный инструмент для того, чтобы в короткое

время дать оценку любому явлению, описанному в газетах или обсуждаемому в социальных сетях.

Рублевские Игроки обычно активны, встречаются с десятками людей, поддерживают десятки светских разговоров. «Тем» у них возникает великое множество. Разобраться в каждой невозможно или, во всяком случае, очень затратно. Надо убить кучу времени, усилий, а иногда даже Денег. Черт его знает, как относиться к суррогатному материнству, пенсионной реформе, расходам на вооружение, однополым бракам, ювенальной юстиции, выборам в координационный совет оппозиции, благотворительности или Олимпиаде в Сочи. Но стоит только рублевскому Игроку выбрать себе веру (атеизм давайте тоже считать верой), как практически все явления окружающего мира мгновенно сами собой сортируются на плохие и хорошие. Если Игрок сказал себе, что он православный христианин, то он автоматически оказывается против суррогатного материнства, за пенсионную реформу, за расходы на вооружение, против однополых браков, против ювенальной юстиции и против выборов в координационный совет. Если человек сказал себе, что он атеист, то, стало быть, — за суррогатное материнство, против пенсионной реформы, против расходов на вооружение и за однополые браки. И то и другое — неверный способ выработать свое отношение ко всем перечисленным явлениям. Неглупые Игроки понимают это. Но понимают также, что религия — это умный способ разобраться в чем угодно, потому что значительно менее затратный, чем если разбираться во всем всерьез.

Привыкшие к роскоши и одновременно крайне уважительно относящиеся к деньгам Игроки понимают: любой храм (будь то православная церковь, мечеть или фейсбук, храм атеистов) на порядки дешевле, чем социологические исследования, необходимые, чтобы предсказать и оценить отдаленные общественные последствия одного только (к примеру возьмем) суррогатного материнства. Православная церковь со всеми ее куполами, мерседесами, резиденциями и дорогими часами патриарха на порядки дешевле, чем наука, а отвечает на все вопросы. Часовню построить дешевле, чем лабораторию. Медресе^[18] — дешевле, чем университет. А фейсбук вообще не

требует затрат, более того — приносит прибыль, но тоже ведь отвечает на все вопросы методом быстрого рейтингового голосования.

Поскольку рублевского Игрока ничто всерьез не интересует, кроме Денег, все остальные явления природы он старается расклассифицировать как можно быстрее и дешевле. А для этого выбирает себе религию. Точно так же, как на рынке — товар.

1. Можно выбрать самую дешевую веру. В церковь не ходить, не молиться, не поститься, но носить крестик, крестить детей и считать себя православным. Или не соблюдать субботы, но носить на шее маленький золотой магендовид. Или не есть свинины, а баранину покупать на халяльной бойне. Или, наконец, держать на прикроватной тумбочке ни разу не читаную книжку Стивена Хокинга про Большой взрыв и считать себя атеистом. И вся недолга. Затраты минимальные, но знали бы вы, сколько это решает проблем, насколько облегчает выбор водителя, охранника или невесты.
2. Можно выбрать и самую дорогую веру. Молиться, поститься, паломничать и на все вопросы отвечать цитатами из Библии. Построить церковь на своем дачном участке. Или ввести в своей компании православный дресс-код и запретить невенчанным сотрудникам интимные отношения. Не просто ходить в синагогу, а возглавить конгресс еврейских общин. Не просто творить намаз, а лично финансировать медресе. Или наоборот — всерьез читать научные книжки и на все вопросы отвечать с использованием научных терминов.
3. Можно выбрать такую же веру, как у всех. Быть верующим, если все знакомые верующие. Или наоборот, быть атеистом, если все знакомые атеисты.
4. А можно не такую веру, как у всех. Быть православным, который за однополые браки. Быть атеистом, который против абортов. Выписать из Непала буддийского монаха, который живет неподалеку в избушке, нарочно купленной за два миллиона долларов, и каждое утро приходит к вам в дом проводить медитации. Нанять колдуна, который, чтобы вас не могли убить, вытащит из вас душу и вселит в куклу, которую вы

собственноручно закопаете где-то на двух гектарах своего барвихинского участка.

В любом случае нужно понимать, что, какую бы веру ни исповедовал рублевский Игрок, это не вера в том понимании, в котором употреблял это слово Франциск Ассизский, Серафим Саровский, мать Тереза или святой архиепископ Лука. Словом, «верой» на Рублевке называется дешевый интеллектуальный инструмент для быстрой сортировки новостей. Верит рублевский Игрок, как мы не устаем повторять, только в Деньги. И у этой его истинной, деньговдохновенной и сокровенной веры — свои капища.

58. НА ВОСЬМОМ КИЛОМЕТРЕ Рублево-Успенского шоссе, то есть по самой его середине, напротив железнодорожной станции Барвиха располагается предприятие чрезвычайно странное, если считать его шопинг-моллом, и совершенно понятное, если считать его храмовым комплексом — Барвиха Luxury Village.

Странно в нем все, начиная с названия. Не знаешь даже, как перевести. Роскошная деревня Барвиха? Барвихинская деревня роскоши? Мы-то понимаем, что так и должен называться успешный рублевский проект — парадоксально, с противоречинкой, с безуминкой. В минуты благодущия мы и сами придумываем подобные названия: бордель «Хиросима» (населенный ядерными секс-бомбами), «Оймьякон Бич&СПА», дайвинг-клуб «Эверест»... Но главный редактор журнала GQ Михаил Идов говорит, что слова «Барвиха Luxury Village» суть тест: если название это кажется тебе смешной нелепицей, значит, ты еще не сошел с ума и можешь продолжать Большую Игру. Если произносишь «Барвиха Лакшери Вилладж» всерьез, значит, Игра поработила тебя, иссушила твои мозги, и пора ехать куда-нибудь в Америку или в Европу: там, среди нескончаемой зимы и непролазной грязи (попробуйте-ка дойти до станции Барвиха без резиновых сапог), в деревне, никому не пришло бы в голову продавать туфельки Manolo Blahnik на тонкой шпильке.

«Деревня роскоши» представляет собой несколько кубических стеклянных зданий, в которых располагаются бутики, рестораны, а

чуть поодаль — гостиница и концертный зал. Все это стоит на дорожке рублевской земле и никогда не бывает заполнено посетителями. Те же посетители, что приезжают в Барвиха Luxury Village, по большей части ходят из бутика в бутик, ничего не покупая, ибо какой же идиот станет покупать здесь одежду, которую на улице Монтенаполеоне в Милане можно купить втрое, а то и вдесятеро дешевле (поймите, не то что денег нет, деньги есть, много, но тратить лишнее — это неуважение к Деньгам, так что адепты здесь не отовариваются, отовариваются лохи).

Если не пялиться в витрины, если сдерживать мечты о недостижимой и сладкой жизни, если подумать, на что это похоже, то ассоциация приходит сразу: это похоже на Соборную площадь в Кремле. Точно так же здесь есть храм для венчания и храм для успения (то есть бутики с платьями, в которых не стыдно явиться на свадьбу и в которых не стыдно лечь в гроб).

Точно так же выделено посередине и даже вымощено брусчаткой место для парадов. Точно так же, как в Кремле, стоят неспособный звонить Царь-колокол и неспособная стрелять Царь-пушка, в витринах Барвиха Luxury Village выставлены Царь-машины «Феррари» и «Ламборгини», ездить на которых даже и по Рублевке невозможно. Это храмовый комплекс, место силы, с которого начинаются все отправления рублевского культа Денег. Одежда на Рублевке давно не служит сохранению тепла, украшения давно не служат украшению. Они нефункциональны, как нефункциональна в православной церкви ряса священника и епитрахиль. Они — ритуальные, и ритуалы можно либо понимать, либо просто слепо им следовать.

Вот, например, венчание. Венчание, то есть ритуал, соединяющий мужчину и женщину, здесь, в Барвихе, устроено по лекалам знаменитой сцены из фильма «Красотка». Влюбленные приходят в бутик, мужчина садится в кресло, пьет шампанское (ну, или кофе), а женщина заходит в примерочную кабинку, надевает одно за другим тысячу платьев, выходит из кабинки, показывается кавалеру, застывает на миг в картинной позе и возвращается в кабинку переодеваться. Так проходит час, переодевания повторяются раз за разом, как во время церковной службы раз за разом повторяются слова «Паки и паки миром Господу помолимся». Наконец, счастливая пара в

сопровождении слуги, нагруженного пакетами с одеждой, покидает бутик (пока смерть не разлучит их). И в дверях счастливая невеста целует смущенного жениха — все как в храме.

Или крестины. Рано или поздно маленького ребенка приводят в бутик покупать первую шубку Fendi, первую курточку Moncler или первое платье Dolce&Gabbana. В эту шубку-курточку-платье ребенка окунают, как в купель. Делает это обычно не мать и не отец, а няня (исполняющая роль крестной матери), поскольку сами рублевские матери одеть малыша, как правило, не умеют.

Этими своеобразными венчаниями и своеобразными крестинами аналогии между церковью и торговлей предметами роскоши не заканчиваются. В глянцево-рублевском мире есть и свои проповедники: приезжают из Европы знаменитые портные или журналисты, пишущие о моде, читают лекции на тему «Как одеваться». И простые прихожане из Барвиха Luxury Village посылают на эти лекции жен. А именитые брезгуют.

Есть свои святые, подвижники, они дают обеты, как православные монахи — обет молчания. Всем, например, известно, что главный редактор журнала «Интервью» Алена Долецкая никогда не носит чулок. Дала, стало быть, обет. И это уважают.

Случаются паломничества. В Милан на шопинг, в Париж, в Нью-Йорк, в Лондон на Сэвил-роу шить мужские костюмы, в Неаполь — к тамошним знаменитым портным, которые держат иглоку не перпендикулярно, а параллельно указательному пальцу.

Ну и, разумеется, у каждого мало-мальски уважающего себя рублевского Игрока есть в мире моды духовник. У людей попроче — журналист какой-нибудь из глянцевого издания. У Игроков высших уровней — профессиональный шопер, человек, способный ради хорошего клиента закрыть на один день в Риме бутик Fendi, чтобы клиент в совершенном одиночестве выбирал шубы жене (ведь и скупит половину бутика). Что же касается олигархов, миллиардеров, полубогов, богов — я понятия не имею, кто их одевает и кто советует им, какие купить часы.

Зато знаю, что на высшем и заключительном уровне Большой Рублевской Игры те немногие адепты Денег, что достигли совершенства и просветления, решительно перестают посещать

храмовый комплекс бога Денег в Барвиха Luxury Village. Становятся атеистами. Более того — богоборцами. Принимаются уничтожать Деньги, таким парадоксальным образом спасая их.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ: НОЧЬ

59. И НАСТУПАЕТ НОЧЬ. Ночью, если, конечно, вы не едете по шоссе, если вам навстречу — бум-бум-музыка, ха-ха-ха-блондинка — не мчится в ревущей спортивной машине ваша смерть с накакаиненными ноздрями, если у вас есть пропуск, чтобы попасть за наглухо закрытые ворота элитного поселка, если вы можете перемещаться где-нибудь, кроме собственно шоссе, вам становится понятно, что Рублевка вовсе не такое уютное и не такое приятное место, как казалось при свете дня.

Во-первых, спускают собак. По темным аллеям элитных поселков идут с собаками на поводках или с собаками у ноги (вторые лучше обучены и злее) вооруженные охранники. Они идут парами, ожидают нападения, и я не очень понимаю, как они поступят, если вам взбредет в голову прогуляться по поселку ночью, даже если вы резидент.

Во-вторых, из домов наружу выходят телохранители. Не из всех домов, но из больших и мрачных — выходят. Встают безмолвною тенью у ворот и стоят до рассвета, положив руки на автомат, висящий на шее и предусмотрительно снятый с предохранителя.

В-третьих, уходят дети. Взрослые сыновья и дочери звонят (в лучшем случае, а могут и не позвонить) и говорят, что не желают жить в родительском Эльсиноре^[19] и общаться с папиными приятелями-коррупционерами, даже если папа не коррупционер никакой, а кинопродюсер Александр Роднянский, умница и кинематографический эрудит.

В-четвертых, зажигаются одинокие окна гостиных в домах, где разочарованные в рублевском счастье женщины ждут разочарованных в этих женщинах мужчин. Иногда к таким неспящим домам приезжают курьеры и привозят письмо в конверте Barvikha Hotel&Spa «Не жди, ложись спать, задерживаюсь». Конверт, кажется, отдает духами. Глупая рублевская жена понимает, что муж изменяет ей в Барвихе с какой-то сукой, готовится закатить скандал и опрометчиво не готовится быть выставленной за ворота. Умная рублевская жена

понимает, что муж изменяет ей в Барвихе, а значит, надо лечь спать и утром встретить его свежей и улыбочливой, показывая, что изменять можно. В то же время готовится и быть выставленной на улицу, то есть складывает колечки с бриллиантами в пудреницу, потому что не станет же он отбирать пудреницу, а подарки, сделанные за время совместной жизни, отберет. Бог знает, какой у него там секс...

Да, заглянем в окна отеля... Каков же секс на Рублевке в гостиницах, в нарочно снятых или купленных для блуда домах? Придется констатировать, что секс, как правило, жалок.

Секс не потому жалок, что Большая Игра делает людей импотентами или отучает от нежности (хотя и это). Не потому, что (по язвительному замечанию Ксении Собчак) мужчины слишком много пьют, чтобы к сорока годам сохранить нормальную эректильную и эякуляторную функцию (хотя и это бывает). Дело в другом.

Блестящая журналистка Ксения Соколова однажды написала целое эссе, в котором откровенно и зло рассказывала о своих романтических приключениях с чиновниками. (Вот подарок! Откуда бы мне иначе узнать!) Ксения утверждала, что секс на Рублевке жалок из-за завышенных ожиданий. Каждый чиновник (а мы добавим — каждый продвинутый рублевский Игрок) чувствует себя Бэтменом, супергероем. Деньги и Власть кружат рублевскому мужчине голову, и оттого бедняге кажется, что и секс у него должен быть таким же роскошным, как автомобиль, на котором он ездит, часы, которые он носит, и вино, которое пьет. Мужчина на Рублевке считает себя достойным невероятных сексуальных переживаний и способным на них. Тогда как женщина настроена совершенно противоположным образом. Связывая свою жизнь (пусть даже и на одну ночь) с богачом и уж тем более с чиновником, женщина идет на циничную уступку. Отказывается от девичьих мечтаний про принцев на белых конях и даже от простого физиологического зова к тренеру в фитнес-клубе: она настраивается на тихую, но зато чрезвычайно комфортную жизнь в рублевском особняке с мужем, который не будет ее любить (лишь бы вел себя прилично, не имел венерических болезней и платил в случае расставания (немалые) алименты). Она настраивается на это, а потому чем тише будет секс, тем лучше. Так она думает.

А любовник — Бэтмен. Мнет партнершу в объятиях, рычит от страсти, орет дурниной и требует воспроизвести все известные позы «Камасутры» плюс все увиденное когда-либо в порнографических фильмах.

Трогательная подробность в том, что порноактеры занимаются любовью не так, как удобно людям, а так, как удобно видеооператору. Они работают на камеру. И наш Бэтмен тоже занимается любовью так, как если бы его снимала камера. Впрочем, во многих случаях камера действительно снимает, и запись любовных походов Бэтмена ложится в архив какой-нибудь государственной или частной спецслужбы, чтобы в нужный момент запись эту можно было продать.

Увлечшись игрой в Бэтмена, редко какой мужчина понимает, что стал рабом Большой Игры, что Деньги разрушили его. Что даже и сексом он уже не может заниматься просто в свое удовольствие, а только ради Игры и Денег. Те, кто понимает это, переходят на последний, высший уровень. Не то чтобы выходят из Игры (из нее живым не выйдешь), но ждут с благодарностью дня, когда Игра пережует их и выплюнет. Стараются спасти хоть что-то. Хотя бы любимых и близких, обретенных тогда, когда не атрофировалась еще способность к любви и близости.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. БОГОБОРЕЦ

60. СТАРИК-МИЛЛИАРДЕР БЕРЕТ РУЧКУ, раскрывает красивый книжный каталог, принимается писать на титульном листе дарственную надпись. Это каталог научно-популярных изданий, которые издает учрежденный стариком-миллиардером благотворительный фонд. Я попросил старика написать дарственную надпись. Он пишет медленно. И я уж стыжусь своей просьбы, отвожу глаза, оглядываю интерьер, лишь бы не видеть, как дрожат у старика руки, ибо твердость руки не купишь. Интерьер — антикварная мебель, дорогая, но не дороже, чем и у меня дома, и у всякого, кто помнит, что мебель бывает не только из «Икеи», — кто имел детство не барачного типа. А он имел детство: в роду купцы-староверы и пламенный переводумец Гучков. Его детство продолжалось целых два года — с 1933-го по 1935-й, когда за «антисоветскую агитацию» арестовали отца.

Я заканчиваю осмотр кабинета, возвращаю взгляд на старика, а он написал только одно слово «Валерию», отдувается и говорит: «Нет, не могу, увольте. Напишите себе дарственную надпись сами, а я подпишу».

Он одет в простую одежду, что-то вроде Zara или H&M, он приехал на метро, он обедал в ресторане Mi Piace — недорогая сеть, в которой даже и не бизнес-ланч, а обед из трех блюд по меню никак не превысит пятидесяти евро, если не считать вино. И он не пил вина. А журнал Forbes насчитывает ему состояние в полтора миллиарда евро. И созданный им бренд считается одним из трех самых дорогих брендов России, одним из ста самых дорогих в мире.

Дмитрий Борисович Зимин — первый, кажется, в Большой Игре человек, в силу ума и возраста дошедший до конца, до крайнего уровня, на котором единственная цель — избавиться от Денег.

Глупые журналисты раз за разом спрашивают его — почему, зачем? Зачем избавляться от Денег, про которые все на свете только и мечтают? И я спрашиваю в очередной раз. Почему он ушел из бизнеса

и девяносто процентов своего состояния вложил в благотворительность? Он говорит:

— А что с ними делать, с этими деньгами?

— Передать по наследству.

— Кому? Сыну? Такие деньги убьют его. Разве не понятно? Убьют всякого, кто их не сам заработал. Сыну можно оставить квартиру, дом, дать хорошее образование, но передавать состояние нельзя.

Он говорит про сына Бориса, которому действительно, похоже, нельзя передавать миллиардное состояние. Борис — автогонщик, максимальный его успех в бизнесе — создание гоночной команды. Большие Деньги действительно, пожалуй, убьют его, как убили...

...и тут за спиной Дмитрия Борисовича Зимина встает призрак, фигура умолчания, старший сын Сергей, про которого не принято говорить, про которого нет ни слова ни в официальной биографии миллиардера, ни в неофициальной, ни в Википедии, ни в Гугле, ни на сайте Компромат.ру^[20], ни на сайте Антикомпромат^[21]. Вполне достоверным кажется, что его и не было никогда, этого старшего сына, а все, что написано о нем в 90-е годы, — просто газетная выдумка.

А ведь писалось изрядно. Сергея Зимина газетчики называли то ли главой одной из преступных группировок, то ли знаменитым убийцей, то ли бизнесменом, связанным с преступной группировкой. И то ли погиб он в мафиозной войне, то ли пропал, напоследок встретившись с отцом в Куршевеле. А может, и не было его вовсе. Одним словом, вот что получает глупый журналист, спрашивающий Дмитрия Зимина, зачем отдавать состояние на благотворительность, — стандартный ответ и призрака.

Умные журналисты не спрашивают, зачем избавляться от денег. Умные спрашивают, как избавиться. Спрашиваю и я. Непросто ведь продать компанию «ВымпелКом», если ты ее владелец. Как только станешь продавать, компания немедленно подешевеет, так что рад будешь выручить за акции хотя бы половину цены. Да и что скажут другие акционеры? Они ведь не собирались продавать свои пакеты? А ведь их пакеты акций тоже подешевеют вдвое, если главный владелец станет распродавать. Поди, еще и в суд подадут, что, дескать, держатель контрольного пакета — сумасшедший старик, вздумавший

заняться благотворительностью, — нарочно миноритарных акционеров разоряет.

А если даже и удастся продать компанию постепенно, если удастся, что называется, «окешиться» и вложить вырученные деньги в благотворительный фонд, то чем же будет отличаться миллиардный благотворительный фонд после смерти благотворителя от миллиардной компании? Все тот же миллиард, раздербанить который найдется тьма охотников.

На этот вопрос Дмитрий Борисович Зимин отвечает подробно. Про свой фонд «Династия» (Династия! Опять призрак!), занимающийся поддержкой молодых ученых и популяризацией науки, Зимин любит рассказывать, как именно он будет защищен. Как миллиард предполагается не просто потратить, а «закрутить», пустить в дело, чтобы деньги возобновлялись, чтобы фонд существовал «практически вечно» — собственные слова Зимина. Как важно, чтобы у фонда был попечительский совет, состоящий из таких же крупных бизнесменов, как и сам Зимин, чтобы эти бизнесмены умели защитить миллиард, но не хотели его раздербанить. Им самим, членам попечительского совета, с возрастом захочется избавиться от денег (как уже задумался Потанин и задумывается Прохоров). И они создадут свои благотворительные фонды, и войдут друг к другу в попечительские советы, защищая Деньги друг друга. А Деньги не убивали бы никого, но служили бы общественному благу. То есть жили бы практически вечно — если не обладатели Денег, то хотя бы сами Деньги. Вечно! (Тут уж вылезает из памяти моей и подмигивает Голый Крысокрот — вечно!)

— Только вот Петя Авен, прогульщик, — усмехается Зимин. — Опять не явился на попечительский совет. Ну что с ним делать?

61. НОЧЬ ЗА ОКНОМ. Петр Олегович Авен, которого Дмитрий Борисович Зимин называет прогульщиком и журит за нежелание всерьез участвовать в спасении Денег путем вложения их в благотворительность, заканчивает обещанную мне индивидуальную экскурсию по своему дому. Петр Авен (4,5 миллиарда состояния, список Forbes, банк, нефтяная компания, три телеканала, литературная

премия, и только на благотворительность, между прочим, не меньше пяти миллионов в год) говорит:

— Давайте, Валерий, шампанского, что ли, выпьем.

И ведет меня по своему дому, который был домом писателя Алексея Толстого. Я-то думаю, что в винный погреб, а он — в подсобку. Специальная такая комната, где по диванам, столам и стульям навалены подарки — бутылки с дорогой выпивкой, художественные альбомы, книжки...

— Должно же тут где-нибудь быть шампанское, — говорит Авен. И, порывшись в подарках, извлекает на свет книгу. Перелистывает задумчиво:

— Вы читали Сергея Кузнецова «Хоровод воды»^[22]? Нет? Почитайте. Прекрасная история про то, как люди в одной семье пытаются не развязаться даже, а просто разобраться, что за узлы навязались у них в отношениях за полвека. Почитайте. Все что-то пишут, никто ничего не читает... Мы, наверное, ей премию дадим, этой книжке.

(Ошибся, не дали. Члены литературного жюри иначе смотрят на жизнь и литературу, чем Игрок наивысшего уровня.)

Роется в подарках еще немного и действительно находит среди коробок и свертков бутылку шампанского. Мы берем бутылку и идем мимо авеновской коллекции живописи и скульптуры, мимо «Бубнового валета», Врубеля, Коровина, Серебряковой, Кустодиева — к креслам. Мы даже не ставим вино на лед. Просто открываем и сразу пьем, забравшись с ногами в кресла. По телевизору фоном говорят что-то стендап-комедианты. Иногда Авен поглядывает на них и улыбается. Я спрашиваю, он отвечает.

— Нет, за пятнадцать лет в этом доме я так и не научился дружить с соседями. Впрочем, в Англии так же. Моя семья живет в основном в Англии. Там примерно такой же дом. И там тоже очень изолированная жизнь. Мы не знаем соседей.

Второй бокал шампанского. Шампанское теплое, но Авену, кажется, все равно. Мне тоже. Равнодушием продвинутого Игрока быстро проникаешься. Я спрашиваю, он отвечает.

— Да, приходите в офис. Я покажу вам договор, который лондонские юристы составили нам с Мишей (Имеется в виду партнер Авена по «Альфа-Групп» Михаил Фридман. *В. П.*). Это вот такой толстенный том (Авен показывает толщину старинной Библии. *В. П.*). Там все прописано. Как нам, в конце концов, друг от друга избавиться и выйти из Игры.

— А с государством? — спрашиваю. — У вас есть договор про то, как друг от друга избавиться?

— С государством? С государством у меня нет такого договора, — этому обстоятельству он (бывший министр) улыбается больше, чем шуткам стендап-комедиантов в телевизоре.

Я не спрашиваю глупостей. Разумеется, у него есть все мыслимые степени защиты. Разумеется, у него есть специальный телефон, на который может позвонить доверенный человек из Кремля и сказать: «Беги!» или «Поздно!» — или предложить условия капитуляции. Говорят только, будто у них в «Альфа-Групп» есть еще и особенный режим тревоги. Когда вся команда получает на телефон условный сигнал. По этому сигналу все должны сесть в машины и начать двигаться. Лишь бы не оставаться на месте. И никаких звонков по засвеченным телефонам. А в это время в нескольких аэропортах готовятся к вылету несколько самолетов. Лишь специальный диспетчер знает, на каком самолете вылететь безопасней, координирует движения членов команды, ведет их к самолетам и прикрывает, пока не улетят. Я спрашиваю, правда ли это? Правда есть такой режим тревоги в «Альфа-Групп»?

Авен улыбается:

— Нет. Нет, конечно. Но если что, я думаю... Я успею убежать.

Я окидываю взглядом живопись, скульптуру, книги... Врубеля, Коровина, Кустодиева, Серебрякову... Говорю:

— Вы-то, может, убежать и успеете. Но как вы вывезете свою коллекцию? У вас есть план?

— Нет. У меня нет плана, как вывезти мою коллекцию живописи.

— Вы собираетесь подарить ее государству, если что?

— Нет, не собираюсь никому дарить. Просто у меня нет плана ее спасения.

— Как это? Почему?

Я тянусь за шампанским. Рука движется медленно, бутылка наклоняется медленно, бокал наполняется медленно. Как будто редеет время и растягивается пространство.

— Вы собирали коллекцию много лет.

— Да.

— Вы любите живопись и разбираетесь в ней.

— Да.

— Это, может быть, лучшая частная коллекция.

— Да.

— И вы никогда не думали, как будете спасать ее, если дела пойдут плохо и придется эмигрировать? Откуда у вас такая уверенность в будущем?

— У меня нет никакой уверенности. Семья уже в Англии. Про себя я просто надеюсь. Если что, я сумею спастись. А коллекцию я спасти и не собираюсь. Потому что ничего спасти нельзя.

Наверное, у меня в глазах написаны вопросы: «Как? Почему?»

— Потому что прах всё, Валерий. Ничего нельзя спасти, да и не нужно. Всё — прах. Коллекция, компания, дом — прах. Не просто может стать прахом, а уже есть прах.

Я не спрашиваю глупостей. Я не спрашиваю, прах ли Деньги. Сказано ведь — всё.

Так говорит Игрок, прошедший Большую Игру до конца. Он правда так думает. Он и добрался сюда, до этого уровня, лишь потому, что изначально, в отличие от конкурентов, считал все прахом. Теперь можно побродить, разумеется, еще немного по последнему лабиринту, поискать ненужных реликвий. Но из этого лабиринта нет уже никакого выхода никуда, ни на какой более высокий уровень.

Максимум, чего можно добиться, — это выйти из Игры. Устроиться в Англии или в Нормандии. Весьма состоятельным человеком, но не магом никаким, не чародеем, не жрецом Денег. Можно, одним словом, только увидеть надпись:

GAME OVER

ЭПИЛОГ: МЕРТВЕЦ

62. ДО СИХ ПОР единственным человеком, который жил на Рублевке и всерьез умер, остается первый президент России Борис Николаевич Ельцин. Криминальные авторитеты не в счет: их смерти лихие, случайные — от пули или пластика. В 90-е годы криминальные авторитеты были подобны эльфам в толкиеновских сказках: вообще-то бессмертные, не подверженные времени, старости и болезням, но рискующие погибнуть в бою. Их смерть — высшее, экстремальное проявление пацанской удали.

Но чтобы человек умер от старости и болезней — тут Ельцин единственный. Он умер своей смертью, как бы утверждая истину, не укладывающуюся в головах рублевских Игроков: у каждого человека должна быть своя смерть. Нет, возможно, какие-то другие рублевские жители тоже умирали, но незаметно. Так, что их смерть не касалась никого, кроме ближайших родственников, и никто, кроме ближайших родственников, не приходил к ним на похороны. А Ельцин умер так, что вся Рублевка у него на похоронах была. И удивительным образом никто в реальность его смерти не поверил. Вернее, виртуознейшим образом отвлеклись от мыслей о смерти на мысли о достоинствах кремлевского пропуска.

Прощание и отпевание проходили в храме Христа Спасителя. От входа и вдоль всего Соймоновского проезда к набережной тянулась огромная очередь из простых людей. Они хотели попрощаться с первым президентом. Но с Волхонки был и другой вход — для вип-скорбящих. К этому вип-входу то и дело подъезжали черного цвета мерседесы, из которых выходили в черных костюмах люди и шли в храм, предъявляя часовому какие-то пропуска.

Одним из этих скорбящих випов оказался банкир Михаил Фридман, и я, пользуясь нашими добрыми отношениями, полюбопытствовал, что это за пропуск, позволяющий пройти без очереди и, более того, не пересекаясь с общей очередью простецов. Фридман охотно пропуск мне показал. Это была ошибка, я ведь из той очереди, с

Соймоновского. Я ведь даже не часовой, чтобы показывать мне пропуск. Но Фридман показал в порыве необъяснимого великодушия. Пропуск был кремлевский. Документ, по которому пропускают в Кремль людей, имеющих с Кремлем дела. Показал мне пропуск да и уехал. А люди в черных мерседесах все подъезжали и подъезжали к вип-входу на Волхонке, а я смотрел на них, разговаривал с ними и удивлялся, какие разные переживания — здесь, возле вип-входа, и там, в общей очереди на Соймоновском.

Там смерть первого свободно выбранного президента объединяла людей, уравнивала, сводила на нет имущественные, возрастные, гендерные и интеллектуальные различия. Все были россияне, и всех ждала смерть. Здесь, возле вип-входа, смерть (чужая) для каждого человека была всего лишь поводом подчеркнуть свою исключительность, свою избранность. Были те, что в очереди, и те, что с пропусками, — элита. Такая, что даже на пути в Аид не пристало ей форсировать, как все, Ахеронт^[23], но предъявить пропуск Харону и перейти по специальному мосту в специально устроенную в царстве мертвых вип-зону.

Неизбежность смерти никем не была осознана над гробом первого президента. Желание не смешаться с народом оказалось сильнее. Сильнее скорби, сильнее мрачных мыслей, сильнее долга и благодарности по отношению к покойному. Это «не смешаться» было так важно, что про смерть как-то и позабылось. Ради этого делается ведь много что на Рублевке: строятся заборы, покупаются частные самолеты, заламываются несусветные цены в магазинах и ресторанах — чтобы отпугнуть простых прохожих и проезжих. Нанимается охрана, расставляются часовые, печатаются вип-билеты.

Даже про болезнь принято думать, что она бывает с простыми людьми, а не с элитой. Журналистка Ирина Ясина, заболев рассеянным склерозом и оказавшись в инвалидном кресле, рассказывала, что многие высокопоставленные чиновники не могли поверить. Как? Ира? Ира в инвалидном кресле? Ира, дочка Евгения Григорьевича Ясина, у которого все они учились экономике, — инвалид? Невероятно!

И даже смерть при всей ее наглядности кажется им невероятной и неприложимой к ним самим. Даже смерть не может растолковать

рублевскому Игроку, что он такой же человек, как все. Во всяком случае, смерть Ельцина — не смогла.

63. ВОЗМОЖНО, ДЕЛО В ТОМ, что Борис Николаевич Ельцин, хоть и был первым президентом России, не был, строго говоря, последовательным рублевским Игроком. Единственной реликвией, которая его всерьез интересовала, навсегда остался ядерный чемоданчик, сегодняшним нашим властителям заменяющий державу и скипетр. Единственный утвержденный Ельциным тренд — это мода играть в теннис. Было время, когда на корт вместе с Ельциным или подобно Ельцину выходили все чиновники. Но давно перестали, пристрастившись вслед за президентом Путиным к единоборствам и горнолыжному спорту. Единственный проект Ельцина — демократическая Россия. Проект, без сомнения, смелый и эксцентричный, но чересчур затянутый и обернувшийся против автора. И никогда Ельцин не поклонялся Деньгам. И не был всерьез богат. И, стало быть, не задавался вопросом, как сохранить свои Деньги или как извести их на благотворительность.

К моменту смерти Ельцина подражать ему уже не было принято на Рублевке. Смерть Ельцина, следовательно, никого не могла сподвигнуть умереть. И не была общественно опасна.

Вы смеетесь? Вы думаете, что не может смерть стать модой, если умирает законодатель мод? А вот подождите, когда умрет Путин или Абрамович. Тогда поглядим.

Путин носит часы на правой руке, и множество рублевских Игроков теперь тоже. Путин катается на горных лыжах, и все рублевские Игроки катаются, даже не помня, как начали. Путин получил спортивную травму, и на следующий день спортивную травму получил министр иностранных дел Лавров. Спортивные травмы грозили превратиться в настоящую эпидемию на Рублевке, а гипс — в наимоднейшую реликвию, если бы вовремя не выяснилось, что слухи про путинскую травму ложны или преувеличены.

Когда Путин умрет, когда выяснится, что сколковский лысый крысокрот никого не спас, когда рухнет великая надежда на бессмертие, купленное за деньги, сотни людей на Рублевке пойдут

вслед за Путиным, как лемминги. Не сознательно, не вспарывая себе животы, не став друг для друга кайсяку^[24]. Но как-то само собой так получится. Они умрут не из преданности и верности. Не бывает на Рублевке ни преданности, ни верности.

Но бывает следование трендам. Непреложное. И если заведется тренд умирать, то тут уж и правда

КОНЕЦ

[1] Строго говоря, непосредственным убийцей Л. Д. Троцкого являлся агент НКВД Рамон Меркадер (убийство произошло 20 августа 1940 года, орудие убийства — альпеншток). *Прим. ред.*

[2] Основательница журнала Cosmopolitan в России. *Прим. ред.*

[3] Елизавета Петровна Глинка, известная также как доктор Лиза, — российский филантроп, врач-реаниматолог, специалист в области паллиативной медицины, исполнительный директор фонда «Справедливая помощь». *Прим. ред.*

[4] Мартин Люцианович Шаккум (р. 1951) — политический деятель, депутат Государственной думы третьего — пятого созывов, кандидат психологических наук, доктор экономических наук. В 1975–1978 годах работал в Институте космических исследований в Москве. Был инженером-наладчиком, главным инженером, заместителем начальника, начальником Управления специальных работ Главмособлстроя. В 1991–1999 годах занимал должности генерального директора, вице-президента, президента Международного фонда экономических и социальных реформ (фонд «Реформа»). В апреле 1996 года создал и возглавил Социалистическую народную партию России (СНПР). В июне 1996 года баллотировался на пост президента Российской Федерации. В 1999 году был избран депутатом Государственной думы третьего созыва по Истринскому одномандатному избирательному округу (Московская область); выдвигался от избирательного блока «Отечество — Вся Россия». В Государственной думе вошел в состав депутатской группы «Регионы России». В апреле 2002 года занял пост председателя Комитета по промышленности, строительству и наукоемким технологиям. С образованием политической партии «Единая Россия» вошел в состав Президиума Генерального совета этой партии (позднее — Высшего совета партии). В 2003 году был избран депутатом Государственной думы четвертого созыва от Истринского одномандатного избирательного округа (Московская область); в Думе вошел в состав фракции «Единая Россия», занимал должности председателя Комитета по промышленности, строительству и наукоемким технологиям и сопредседателя Комиссии по рассмотрению расходов федерального бюджета, направленных на обеспечение обороны и государственной безопасности Российской Федерации. 2 декабря 2007 года был избран депутатом Государственной думы пятого созыва по списку партии «Единая Россия». В думе занял должности председателя Комитета по строительству и земельным отношениям и сопредседателя Комиссии по рассмотрению расходов федерального бюджета, направленных на обеспечение обороны и государственной безопасности Российской Федерации. *Прим. ред.*

[5] «Голубая роза» — художественное объединение, получившее название по выставке 1907 году. В объединении участвовали П. В. Кузнецов, Н. Н. Сапунов, М. С. Сарьян, С. Ю. Судейкин, Н. П. Крымов, А. А. Арапов, А. В. Фонвизин, братья Н. Д. и В. Д. Миллиоти, Н. П. Рябушинский и др. Просуществовало до 1910 года.
Прим. ред.

[6] «Бубновый валет» — художественное объединение, получившее название по выставке 1910 года. В объединение входили братья В. Д. и Д. Д. Бурлюки, Н. С. Гончарова, В. В. Кандинский, П. П. Кончаловский, Н. Е. Кузнецов, А. В. Куприн, М. Ф. Ларионов, А. В. Лентулов, К. С. Малевич, И. И. Машков, А. А. Осмеркин и др. Просуществовало до 1917 года. *Прим. ред.*

[7] Дмитрий Рубашкин, архитектор, дизайнер и декоратор, ныне работающий в Омске. *Прим. ред.*

[8] Этот принцип декорирования помещений позаимствован автором у архитекторов русского модерна. В этом стиле работал, например, Ф. О. Шехтель. *Прим. ред.*

[9] Румянцевский музей ныне известен как ГМИИ им. А. С. Пушкина (Москва). Основу коллекции составляют слепки с известнейших скульптурных произведений, однако в настоящее время на экспозиции и в фондах имеется множество подлинников. *Прим. ред.*

[10] Арабский халиф, правитель Аббасидского халифата в 786–809 годах. Цикл «Тысячи и одной ночи» рассказывает о его ночных путешествиях по Багдаду). *Прим. ред.*

[\[11\]](#) Магическо-философская теория чисел. *Прим. ред.*

[12] По состоянию на июль 2013 года А. А. Навальный готовится выдвинуть свою кандидатуру на пост мэра г. Москвы. *Прим. ред.*

[13] Дата основания журнала «Новое литературное обозрение» (НЛО)
— 1992 год. *Прим. ред.*

[14] Сергей Юрьевич Полонский (р. 1972 г.) — российский предприниматель, владелец и руководитель в одной из крупнейших девелоперских компаний «Миракс Групп» (2004–2011), акционер и инвестор ряда коммерческих структур, собранных в рамках компании «Nazvanie.net» (2011), первый вице-президент Ассоциации строителей России, в 2008 году вошел в конфликтную ситуацию по вопросу строительства комплекса «Кутузовская миля», затем, в 2012 году, был арестован в Камбодже, в настоящее время ему предъявлены обвинения в мошенничестве и краже. *Прим. ред.*

[15] Озирис — древнеегипетский бог возрождения, разрубленный на кусочки богом Сетом, соперником за власть в загробном мире. Адонис — герой греческой мифологии, растерзанный воплотившимся в вепря ревнивым божеством. Таммуз — сиро-финикийское божество, тождественное греческому Адонису. *Прим. ред.*

[16] Издана на русском языке: *Веблен Т. Теория праздного класса.* — М. : Либроком, 2011. *Прим. ред.*

[17] Авторитетные справочники — «Винный гид покупателя» Роберта Паркера, описывающий более 8000 видов вин, и «Итальянские вина» издательского дома Gambero Rosso. *Прим. ред.*

[18] Мусульманское учебное заведение, выполняющее роль средней школы и мусульманской духовной семинарии. *Прим. ред.*

[19] Эльсинор — город на северо-восточном побережье датского острова Зеландия. Всемирно известен как место действия пьесы Вильяма Шекспира «Гамлет, принц датский». *Прим. ред.*

[20] www.compromat.ru. Прим. ред.

[21] www.anticompromat.org. *Прим. ред.*

[22] Кузнецов С. Хоровод воды. — М. : Астрель, 2012. *Прим. ред.*

[23] В древнегреческой мифологии — река в подземном царстве мертвых. Через нее мрачный старец Харон перевозит души умерших. Поэтический образ реки — Лета.

[24] Помощник при совершении обряда сэппуку (харакири), который должен был в определенный момент отрубить голову совершающего самоубийство, дабы предотвратить предсмертную агонию. *Прим. ред.*

Над книгой работали

Ответственный редактор *Ольга Киселева*
Литературный редактор *Вера Калмыкова*
Художественный редактор *Алексей Богомолов*
Дизайн обложки *Ксения Белоброва*
Верстка *Екатерина Матусовская*
Корректоры *Юлия Молокова, Лариса Николина*

ООО «Манн, Иванов и Фербер»

mann-ivanov-ferber.ru

facebook.com/mifbooks

Электронная версия книги
подготовлена компанией Webkniga, 2013

webkniga.ru

Слон на танцполе

Как Герман Греф и его команда учат Сбербанк танцевать

Евгений Карасюк

История преобразования Сбербанка

О чем эта книга

Начиная реформировать Сбербанк в 2007 году, Герман Греф заявил: «Мы должны доказать, что слоны умеют танцевать». Слон, который достался экс-министру и известному либералу, казался безнадежным. Сбербанк был огромным, но неповоротливым. Размер являлся его главным, если не единственным достоинством. В наследство с советских времен ему достались толчея очередей, свирепые операционисты и допотопные финансовые технологии. Пять лет назад Греф поставил себе амбициозную задачу: превратить это старорежимное заведение в передовое финансовое учреждение, способное войти в мировую финансовую элиту. И правда, научить слона танцевать было бы легче...

Для кого эта книга

Для предпринимателей и менеджеров, которые каждый день борются за эффективность своего дела.

Для западников и славянофилов, которые спорят о том, каким путем должна пойти Россия.

Для романтиков и реформаторов, которые хотят что-то менять.

Фишка книги

Чтобы написать эту книгу, журналист Евгений Карасюк провел десятки интервью с сотрудниками Сбербанка — от простых операционисток до правления банка. Книга написана со знанием дела, но доступным и увлекательным языком. В результате получился не просто интересный практичный рассказ о том, как прогрессивные управленческие технологии внедряются в условиях российских реалий. «Слон на танцполе» — это еще и захватывающий экономический триллер.

Об авторе

Евгений Карасюк — журналист, автор множества статей об управлении и бизнесе в ведущих деловых изданиях («Секрет фирмы», SmartMoney). В начале 2000-х написал путеводитель по рынку профессиональных услуг «Первичное размещение акций», осветив выход на биржу российских эмитентов. Впоследствии опубликовал серию репортажей о компаниях, внедряющих в России японский менеджмент. Это сделало неизбежным интерес автора к грандиозному обновлению Сбербанка, черпающему вдохновение в идеях японской корпорации Toyota.

Сколково: принуждение к чуду

Олег Рашидов

Реальная история создания самого амбициозного проекта в новой России

О чем эта книга

О том, что такое Сколково на самом деле? Кто и зачем придумал русскую Кремниевую долину? Как возник и с чего начинался этот амбициозный политический стартап, который, по замыслу первых лиц государства, должен до неузнаваемости изменить страну? Какое будущее ждет этот блестящий Город Будущего?

Сколково называют очередной бесполезной причудой «кремлевских мечтателей», новым изощренным способом «распилить» государственный бюджет и, наконец — жестом отчаяния государственных менеджеров, бездарно потративших миллиарды, отпущенные на технологическую модернизацию страны. Но зачем все красить одной краской?

Для кого эта книга

Очень для многих людей, и в первую очередь — для людей думающих и неравнодушных: студентов, их преподавателей, бизнесменов начинающих и сложившихся, для всех, кто любит и хочет жить в России.

Фишка книги

В книге вы найдете множество захватывающих историй из жизни русских ученых, изобретателей и... бизнесменов-патриотов. Непричесанные факты. Автор не только ищет ответы на непростые вопросы. Он и сам их задает. Ответит ему только время.

Об авторе

Олег Рашидов — журналист, сценарист документального кино. Окончил факультет журналистики Военного университета Минобороны, служил в пограничных войсках. Работал корреспондентом отдела политики в «Комсомольской правде», репортером журнала «Русский Newsweek», трудился в «Столичной вечерней газете» и газете «Бизнес», журналах «Русский репортер» и «Сноб».

И ботаники делают бизнес

Максим Котин

О чем эта книга

Можно сказать, что эта книга о том, как в середине нулевых один самый обыкновенный человек Федор Овчинников в одном самом обыкновенном российском городе решил круто изменить свою жизнь и начать собственное дело и что из этого получилось.

Можно сказать, что эта книга о новом поколении российских коммерсантов — предпринимателях-интеллигентах, которые сегодня пришли на смену бандитам, приватизаторам и авантюристам недавнего нашего прошлого.

Но прежде всего эта книга об удачах и разочарованиях одного настырного идеалиста, который верил, что даже в сегодняшней России, когда все вроде бы поделено, нет былых фантастических возможностей, а страной правят чиновники, силовики и корпорации, можно добиться успеха и построить бизнес без связей, взяток и капитала.

Для кого эта книга

Эта книга для всех, кто размышляет о том, можно ли воплотить свои мечты в современной России. И для всех, кто хотя бы один раз задумывался о создании собственного бизнеса.

Фишка книги

Максим Котин потратил больше года на то, чтобы в деталях восстановить все описанные события и взять интервью у основных действующих лиц. Но при этом книга основана не только на воспоминаниях героев и наблюдениях автора, но и на блоге Федора Овчинникова, который тот вел в интернете с первого дня своего эксперимента. Это был самый откровенный блог бизнесмена в рунете (Федор не скрывал никакой информации и даже каждый день публиковал выручку своего магазина). И в книге авторское повествование дополняют цитаты из блога и комментарии читателей. В том числе такие: «Федор, вы не бизнесмен. Вы экстремал. Вам следует ловить руками акул на мелководье». Или такие: «Это капец». Что за капец и как интеллигент Федор ловил руками акул, читайте в книге «И ботаники делают бизнес».

Об авторе

Максим Котин — журналист, специальный корреспондент журнала «Сноб» и редактор серии «Реальные истории» издательства «Манн, Иванов и Фербер». Автор бестселлера «Чичваркин Е..гений».

Максимально полезные книги от издательства «Манн, Иванов и Фербер»

Заходите в гости: <http://www.mann-ivanov-ferber.ru/>

Наш блог: <http://blog.mann-ivanov-ferber.ru/>

Мы в Facebook: <http://www.facebook.com/mifbooks>

Мы ВКонтакте: <http://vk.com/mifbooks>

Предложите нам книгу: <http://www.mann-ivanov-ferber.ru/about/predlojite-nam-knigu/>

Ищем правильных коллег: <http://www.mann-ivanov-ferber.ru/about/job/>

ОГЛАВЛЕНИЕ

[Эту книгу хорошо дополняют](#)
[Информация от издательства](#)

[Предисловие издателя](#)

[Предисловие автора](#)

[ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: УТРО](#)

[Введение в Игру](#)

[Глава первая. Игра начинается](#)

[Глава вторая. Обыватель](#)

[Глава третья. Трендсеттер](#)

[ЧАСТЬ ВТОРАЯ: ДЕНЬ](#)

[Глава четвертая. Проект](#)

[ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: ВЕЧЕР](#)

[Глава пятая. Адепт](#)

[Глава шестая. Чиновник](#)

[Глава седьмая. Жрец](#)

[ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ: НОЧЬ](#)

[Глава восьмая. Богоборец](#)

[Эпилог: мертвец](#)

[Над книгой работали](#)

[Книги, вышедшие в издательстве](#)

[Максимально полезные книги от издательства «Манн, Иванов и Фербер»](#)